

Art Logos

(искусство слова)

№ 2 (23), 2023

Art Logos (The Art of Word)
scientific journal, issue 2 (23), 2023

Art Logos

(искусство слова)

ISSN 2541-9803
e-ISSN 2713-1319

№ 2 (23), 2023

Учредитель, издатель: Ленинградский
государственный университет имени
А. С. Пушкина

Журнал зарегистрирован Федеральной
службой по надзору в сфере связи и мас-
совых коммуникаций 3 февраля 2017 г.

Свидетельство о регистрации СМИ:

ПИ № ФС 77-68617

Журнал издается с 2017 года

Периодичность 4 раза в год

Журнал включен в Перечень рецензируе-
мых научных изданий, в которых должны
быть опубликованы основные научные ре-
зультаты диссертаций на соискание уче-
ной степени кандидата наук, на соискание
ученой степени доктора наук

Главный редактор

Т. В. Мальцева, д-р филол. наук, профессор, Россия

Редакционная коллегия

С. Л. Слободнюк, д-р филол. наук, д-р филос. наук, профессор, Россия

О. Ю. Осьмухина, д-р филол. наук, профессор, Россия

Т. И. Рожкова, д-р филол. наук, профессор, Россия

А. А. Карпов, д-р филол. наук, профессор, Россия

С. Г. Гренье, канд. филол. наук, профессор, США

М. Яхьяпур, канд. филол. наук, профессор, Иран

В. В. Волков, д-р филол. наук, профессор, Россия

К. П. Сидоренко, д-р филол. наук, профессор, Россия

Е. В. Купчик, д-р филол. наук, доцент, Россия

О. А. Мещерякова, д-р филол. наук, доцент, Россия

З. И. Резанова, д-р филол. наук, профессор, Россия

С. В. Иванова, д-р филол. наук, профессор, Россия

Art Logos

(The Art of Word)

ISSN 2541-9803
e-ISSN 2713-1319

issue 2 (23), 2023

Founder, publisher: Pushkin Leningrad
State University

The journal is registered by The Federal
Service for Supervision of Communications,
Information Technology, and Mass Media
February 03, 2017

**The certificate of the mass media
registration ПИИ № ФС 77-68617**

The journal is issued since 2017
Quarterly, 4 issues per year

The journal is included into the List of reviewed
academic journals and periodicals recommend-
ed for publishing in corresponding series ba-
sic research thesis results for a PhD Candidate
or Doctorate Degree

Chief editor

T. V. Maltseva, Doctor of Philology, Full Professor, Russia

Editorial Board

S. L. Slobodnyuk, Doctor of Philology, Doctor of Philosophy, Full Professor, Russia

O. Y. Osmukhina, Doctor of Philology, Full Professor, Russia

T. I. Rozhkova, Doctor of Philology, Full Professor, Russia

A. A. Karpov, Doctor of Philology, Full Professor, Russia

S. G. Grenier, Doctor of Philology, Professor, USA

M. Yahyapour, Doctor of Philology, Professor, Iran

V. V. Volkov, Doctor of Philology, Full Professor, Russia

K. P. Sidorenko, Doctor of Philology, Full Professor, Russia

E. V. Kupchik, Doctor of Philology, Associate Professor, Russia

O. A. Meshcheryakova, Doctor of Philology, Associate Professor, Russia

Z. I. Rezanova, Doctor of Philology, Full Professor, Russia

S. V. Ivanova, Doctor of Philology, Full Professor, Russia

Содержание

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ. ПЕРСОНАЛИИ

Т. С. Карпачева

Еще раз о влиянии «Страшной мести» Н. В. Гоголя
на «Хозяйку» Ф. М. Достоевского 10

Е. И. Колесникова

Формирование и реализация замысла очерка А. А. Блока
«Последние дни императорской власти» 32

Н. Н. Кознова

Авторские приемы литературного портретирования
в критических работах К. Мочульского 48

О. Е. Похаленков, А. О. Семенов

Интерпретация образа смерти в литературе
периода Первой мировой войны 60

Е. И. Ягин

«Русский лес» Л. Леонова:
натурфилософия Ивана Вихрова 68

С. Ф. Меркушов

Герменевтическое прочтение отсутствующего текста:
к вопросу об интермедийных ресурсах в интерпретации
(«О отшествии преподобного в пустыню от славы
человеческия» Егора Летова и Константина Рябинова) 84

М. А. Жиркова, О. В. Капустина

Деятельность М. П. Чеховой по сохранению памяти
писателя А. П. Чехова 95

ЛИНГВИСТИКА. ЯЗЫК КАК СРЕДСТВО КОММУНИКАЦИИ

Л. А. Моря

Художественное пространство как средство характеристики
персонажа в романе И. С. Тургенева «Дворянское гнездо»
(лексико-семантический комплекс пространства Лаврецкого) 114

Т. Е. Лебедева Образование парных наименований лиц женского пола (феминативов) как реализация общерусской тенденции пополнения словарного состава	125
В. В. Цицкун, Д. Д. Корнюк Эрративы как одно из средств передачи вербальной информации в интернет-меме	142
И. Н. Ковтун Предметно-понятийный компонент концепта «ЛЮБОВЬ» в поэзии Беллы Ахмадулиной	152
Л. Б. Кацюба Образовательный потенциал системы WhatsApp при обучении русскому языку как иностранному	162
У. И. Турко Современные игровые технологии на уроках русского языка как иностранного: обзор лингводидактических практик	178

ДИСКУССИЯ

И. В. Цуканова Гностицизм как форма одержимости чистой: опыт этимологического анализа	194
--	-----

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

О. Ю. Осьмухина Opus magnum профессора Л. В. Поляковой	206
Н. К. Данилова Литература и литературная политика сегодня	211
Сведения об авторах	219

Contents

LITERARY STUDIES AND HISTORY OF LITERATURE. PERSONALITIES

Tatiana S. Karpacheva

- Once Again about the Influence of N. V. Gogol's
"Terrible Revenge" on F. M. Dostoevsky's "The Landlady" 10

Elena I. Kolesnikova

- Formation and Implementation of the Plan of A. A. Blok's Essay
"The Last Days of Imperial Power" 32

Natalia N. Koznova

- Author's Methods of Literary Portraiture
in the Critical Works of K. Mochulsky 48

Oleg E. Pokhalenkov, Anton O. Semenov

- Interpretation of the Image of Death
in the Literature of the First World War 60

Egor I. Yagin

- "Russian Forest" by Leonid Leonov:
Natural Philosophy of Ivan Vikhrov 68

Stanislav F. Merkulshov

- Hermeneutical Reading of the Missing Text: on the Question
of Intermedial Resources in Interpretation ("On the Departure
of the Reverend into the Wilderness from the Glory of Man"
by Egor Letov and Konstantin Ryabinov) 84

Marina A. Zhirkova, Olga V. Kapustina

- The Activity of M. P. Chekhova to Preserve the Memory
of the Writer A. P. Chekhov 95

LINGUISTICS. LANGUAGE AS A MEANS OF COMMUNICATION

Lilia A. Morya

- Artistic Space as a Means of Characterization
in I. S. Turgenev's Novel "The Noble Nest"
(Lexico-semantic Complex of Lavretsky's Space) 114

Tatiana E. Lebedeva	
The Formation of Paired Names of Females (Feminatives) as a Realization of the All-Russian Tendency to Extend the Vocabulary	125
Violetta V. Tsytskun, Daria D. Korniiuk	
Errativs as One of the Means of Transmission of Verbal Information in the Internet Meme	142
Irina N. Kovtun	
The Object-conceptual Component of the Concept of 'LOVE' in the Poetry of Bella Akhmadulina	152
Larisa B. Katsyuba	
The Educational Potential of WhatsApp for Teaching Russian as a Foreign Language	162
Ulyana I. Turko	
Modern Gaming Technologies in Russian as a Foreign Language Lessons: Review of Linguodidactic Practices	178

DEBATE

Irina V. Tsukanova	
Gnosticism as a Form of Obsession with Purity: Etymological Analysis Experience	194

REVIEWS

Olga Yu. Osmukhina	
Opus magnum by Professor L. V. Polyakova	206
Natalia K. Danilova	
Literature and Literary Politics Today	211
About Authors	219

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ
И ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ.
ПЕРСОНАЛИИ

Т. С. Карпачева

Еще раз о влиянии «Страшной мести» Н. В. Гоголя на «Хозяйку» Ф. М. Достоевского

В статье рассматривается рецепция сюжета «Страшной мести» Н. В. Гоголя в повести Ф. М. Достоевского «Хозяйка». Поставленный вопрос имеет долгую историю изучения; неоднократно к нему обращались исследователи, останавливаясь чаще на мысли о том, что в повести Достоевского пародируется гоголевский сюжет, однако цель этого пародирования и его влияние на идейное содержание произведения остаются еще не изученными. Автор приходит к выводу о том, что главное различие сюжетов находится именно в идейной плоскости: если у Гоголя в «Страшной мести» прослеживается мысль о фатальной предопределенности, фактически все события повести определяются «родовым проклятием», то у Достоевского, напротив, никакой предопределенности и фатальности нет. Колдун у Гоголя будто бы «настоящий» колдун, что, впрочем, вписывается в жанровые признаки «страшной повести». Именно с таким пониманием Достоевский вступает в полемику: если с «колдуна» снять маску, то под ней окажется лидер организованной преступной группы.

Ключевые слова: Достоевский, повесть «Хозяйка», Гоголь, «Страшная месть», колдун.

Для цитирования: Карпачева Т. С. Еще раз о влиянии «Страшной мести» Н. В. Гоголя на «Хозяйку» Ф. М. Достоевского // Art Logos (искусство слова). – 2023. – № 2. – С. 10–31. DOI 10.35231/25419803_2023_2_10

Тема соотношения «Страшной мести» Н. В. Гоголя и «Хозяйки» Ф. М. Достоевского уже неоднократно привлекала внимание исследователей. Впервые на эту связь еще в 1921 г. указал Ю. Н. Тынянов, утверждавший, что Достоевский в значительно большей степени пародирует Гоголя, чем «следует» за ним, ибо «всякая литературная преемственность есть прежде всего борьба, разрушение старого целого и новая стройка старых элементов» [28, с. 6]. Отмечая преемствен-

ность в форме пародирования «Страшной мести» в «Хозяйке» («действующие лица "Хозяйки" близки к лицам "Страшной мести"» [28, с. 6]), Тынянов, однако, не конкретизирует свою мысль, а ограничивается лишь замечанием об одинаковых именах героинь [28, с. 9].

Образ Ильи Мурина («Хозяйка») большинством ученых справедливо оценивается как демонический, как предвстие Великого Инквизитора (см., напр.: [4, с. 217; 23, с. 257] и др.). Некоторые ученые, рассматривающие сюжет повести как фольклорный, сказочный, называя Мурина «колдуном», соотносят его образ со злым волшебником [31, с. 44]. Другие, придерживающиеся более реалистического взгляда на «Хозяйку», акцентируют внимание на психологических манипуляциях Мурина, позволяющих удерживать Катерину в страхе. Пожалуй, впервые в истории изучения повести о манипулятивном поведении Мурина заговорил К. К. Истомина, отмечая безволие Катерины перед властью ее «повелителя» [15, с. 37]. Истомина также впервые делает предположение о нетрадиционной религиозности Мурина: «История экстаза нарисована здесь до такой степени правильно и детально, что каждое слово художника находит себе оправдание в научных работах по сектоведению» [15, с. 35]. Впоследствии эта мысль будет раскрыта и продолжена в современных работах (см., напр.: [6, с. 264–265; 9; 31, с. 25–26; 16; 17; 18] и др.).

Истомин опирается на работы известного специалиста по сектам и расколу А. П. Щапова, современника Ф. М. Достоевского, мнению которого писатель доверял, – его статьи публиковались в журнале «Время». Притом нельзя здесь не обратить внимания на то, что «Хозяйка» (1847) была напечатана раньше статей Щапова (1860–е гг.), и, таким образом, художественное произведение в осмыслении проблемы сектантства предшествует научным исследованиям (подробнее об этом см., напр.: [16]). Помимо трудов Щапова, Истомина ссылается также на работу специалиста по изучению сект начала XX в. Д. Г. Коновалова и через призму его исследования «Религиозный экстаз в русском мистическом сектантстве» рассматривает состояние Мурина как экстатическое. Однако, при всей глубине осмысления ученым образа Мурина, нельзя все же согласиться с его мыслью о том, что он представляет

с собой образ «типичного колдуна» – слишком широк «послужной список» его преступных деяний для всякой типичности: разбой и «душегубство», убийство родителей Катерины и, скорее всего, Алеши, принадлежность к секте, где лидер в восприятии адептов занимает место Бога, сожительство с собственной дочерью, – все это выводит этот образ из всех возможных границ изображения и понимания в литературе даже образов преступников, поэтому, на наш взгляд, невозможно говорить о какой-либо «типичности».

В 1934 г. на сюжетное сходство двух произведений обратил внимание А. Белый в своей последней книге «Мастерство Гоголя»: он рассматривает параллели «колдун / Мурин» и «пани Катерина / Катерина-хозяйка». Интересно, что Белый уже акцентирует внимание на криминальной линии повести и прослеживает параллель с героем «Страшной мести» в плане малозначительности наказания, притом, за далеко не самые тяжкие преступления, о которых становится известно читателю: «колдун терпит кару за то, что шпион; Мурин карается не за разбой, а за мелкую контрабанду» [3, с. 374]¹. Как отмечает Белый, в «Хозяйке» образы обоих главных героев: и Катерины, и Мурина – продолжают линию, заданную Гоголем: «"Хозяйка" – отклик "С<трашной> М<ести>" <...> она (Катерина в "Хозяйке". – Т. К.) как бы – пани Катерина, согласившаяся на брак с *отцом*» (курсив авт. – Т. К.), а «Мурин списан с ростовщика (в "Портрете". – Т. К.) и с колдуна Гоголя» [3, с. 374].

Материалы и методы

При всей значимости наблюдений А. Белого, нельзя согласиться с объяснением им власти Мурина неким «гипнозом» последнего: Катерина, в понимании поэта, сошла с ума «под гипнозом не то мужа, не то родственника» [3, с. 373]. Хотя, впрочем, словосочетание «под гипнозом» в устах поэта Серебряного века могло иметь и переносное либо явно гиперболизированное значение. «Гипнотизером» называет Мурина и К. К. Истомина [15, с. 37]. И если в работах, носящих характер эссе, тем более авторов, чья культурная картина

¹ Здесь, видимо, имеется в виду финал произведения, когда выяснилось, что дом Кошмарова населяли «мошеники» и «контрабандисты», однако Мурина, как и прежде, избежал наказания – вместе с Катериной он успел скрыться, так что нельзя сказать, что Мурина вообще за что-либо «карается». Притом, говоря о преступлениях Мурина, оставшихся без наказания, Белый обходит вниманием тот факт, что в них была замешана Катерина.

мира была сформирована в эпоху Серебряного века, предположение о «гипнозе» (в бытовом, а не медицинском смысле) и о «колдовстве» еще как-то объяснимо, то в современной академической науке такая интерпретация выглядит по меньшей мере странно. Так, Э. С. Кузьминых власть старика над Катериной объясняет «мистическим характером» (? – Т. К.) их отношений, в которых, в свою очередь, видит, опять же, «мистическую», фольклорную семантику, раскрывающую «отношения с человеком, одержимым злым духом» [21]. Верит в «мистические способности» Мурина и всерьез говорит о нем как о некоем «сверхчеловеке» философ И. И. Евлампиев [12]. Все это лишь «затуманивает» понимание проблематики произведения и не может не вызывать тревогу относительно сохранения академического уровня литературоведческих исследований.

В 30-е гг. XX в., параллельно с А. Белым, к изучению влияния «Страшной мести» на «Хозяйку» обратился А. Л. Бем, для которого «близость двух героинь <...>, носящих общее имя Катерина, находится вне всякого сомнения» [4, с. 217]. Достоевский в своих «литературных спорах» с Гоголем, как считает ученый, развивает лишь намеченные, но не осмысленные последним проблемы («пропущенные идеи», как, по предположению Бема, их мог бы назвать сам писатель), «чтобы показать всю их существенность» [4, с. 216]. Согласно Бему, Достоевский переводит «мотив потустороннего мира» гоголевской повести в «мир психической загадочности, лишая его таким образом немотивированности, свойственной легенде-сказке» [4, с. 217]. Власть Мурина над Катериной, в отличие от власти колдуна над гоголевской Катериной, не «мистическая», а психологически обоснованная: она, по Бему, «объясняется психологией "слабого сердца", особого психического состояния, когда человек готов отдать добровольно волю свою другому только за то, что он берет на себя всю ответственность за него, за право переложить свою вину со своих слабых плеч на плечи другого» [4, с. 217]. Основываясь на этом, ученый приходит к выводу о том, что старик Мурин является «прямым прообразом Великого Инквизитора» [4, с. 217]. Идея Бема о переводе Достоевским сказочных, «таинственных» событий в реалистическую плоскость была продолжена К. В. Мочуль-

ским: «У Гоголя подчеркнут сказочный и сверхъестественный характер "странной были", у Достоевского демонизм Мурина истолкован психологически» [23, с. 255]. По мысли ученого, в «Хозяйке» пародируется жанр «страшной повести»: «Исповедь героини "Хозяйки" доводит до грани пародии все приемы романтической "страшной повести"» [23, с. 255].

Б. Г. Реизов, как и другие исследователи, рассматривает «Страшную месть» Гоголя в качестве литературной традиции, воспринятой Достоевским, а наряду с ней – немецких романтиков, которые в начале XIX века «создавали фантастические романы и повести с магией, любовью и нечистой силой» [24, с. 144]; в частности, в качестве иных возможных претекстов называет повести Л. Тика «Белокурый Экберт» и «Любовные чары». «Влюбленная героиня становится жертвой непостижимых для нее влечений, каждый жест, взгляд, слово любимого отдает ее целиком в его власть. Зная, что ее повелитель недостоин любви, что он способен на самые страшные преступления по отношению к ней и к другим, она все же не в состоянии избавиться от беззаветной преданности своему соблазнителю. Рабски подчиняясь своим страстям, она иногда совершает преступления, которых требует повелитель, и затем испытывает жестокие мучения совести. Она понимает свою любовь как нечто роковое и неотвратимое или как колдовство. В борьбе неразумной страсти с нравственным сознанием в огромном большинстве случаев побеждает подсознание, приводящее к гибели женщину и ее семью. В таком положении находится и Катерина Достоевского» [24, с. 147], – так определяет исследователь психологию героини.

Безусловно, нельзя не согласиться с учеными, выявившими в повести Достоевского преемственность «Страшной мести» в форме пародирования, однако до сих пор в исследовательской литературе нет четкого ответа на вопрос: что именно здесь пародируется? Только ли сам жанр «страшной повести»? И каков тогда замысел пародирования жанра? Важным открытием в понимании повести явилось также осмысление, предложенное А. Л. Бемом, психологической (а не «мистической», «таинственной», «гипнотической») власти Мурина над Катериной, однако нельзя не обратить внимания на то, что выделение лишь одного мотива «слабого сердца», готового

и как будто «желающего» подчиниться, явно недостаточно. Если сердце Катерины столь «слабое» и только «слабое», то как она смогла взять такую власть над Ордыновым?

Результаты

В исследованиях советского периода было продолжено изучение вопроса: пародируется ли «Страшная месть» в «Хозяйке» Достоевского или, напротив, писатель воспринимает и продолжает гоголевскую традицию при создании загадочного сюжета? Так, В. В. Ермилов убежден, что «иначе, чем влиянием "Страшной мести", невозможно и объяснить столь неожиданное вторжение романтически-эпической стилистики в творчество Достоевского» [13, с. 78]. «Тайной» «неразрывной мучительной связи», которую «вынужден разгадывать» Ордынов, пронизаны отношения Мурина и Катерины в изложении В. А. Свительского, который, несмотря на отсутствие конкретики в понимании сюжетной линии повести, точно отображает состояние зависимости Катерины как «извращенной привязанности к властителю, держащему ее в духовном рабстве» [26, с. 49] (курсив наш. – Т. К.). Примечательно, что здесь Свительский, не угадывая, впрочем, яркого «сектантского» колорита повести, очень четко описывает отношения подчиненности харизматическому лидеру как «духовное рабство», которым и определяет состояние Катерины. Однако с мнением ученого о том, что Катерина добровольно остается с Муриным («Она выбирает Мурина, а не Ордынова» [26, с. 49] (курсив наш. – Т. К.), согласиться нельзя. Кажущаяся некоторым исследователям добровольность Катеринино подчинения Мурину («добровольным» ее подчинение называет также и А. Л. Бем [4, с. 217]) вполне опровергается ее соучастием в его преступлениях, на чем, по сути, и зиждется вся его «таинственность» и «мистическая» власть (о соучастии Катерины в преступлениях Мурина см., напр.: [16; 25, с. 89]).

Г. М. Фридлендер и коллектив авторов примечаний к полному собранию сочинений Достоевского, продолжая линию изучения связи гоголевской повести с «Хозяйкой», пожалуй, более всех исследователей приближены к реалистической плоскости: не рассматривая всерьез тему «колдовства» и «гипнотизма», они впервые связывают власть Мурина над

Катериной с криминалом. В качестве причины ее подчинения «хозяину» выделяется ее соучастие в его преступлениях: «Героиня "Страшной мести" – жертва отца, мрачного колдуна, который в историческом плане повести выступает как изменник и предатель. Достоевский психологически усложняет ту же ситуацию, осовременивая ее. Перенося действие в Петербург 1840-х гг., он заменяет фигуру гоголевского колдуна образом купца-сектанта, религиозного фанатика с уголовными связями и темным прошлым <...>. Вступая с ним в неравную борьбу, Ордынов терпит поражение как из-за собственной слабости "мечтателя", так и из-за "слабого сердца" Катерины, поработанной Муриным и сломленной сознанием своего соучастия в его "грехе"...» [11, I, с. 509]. (Почему слово «грех» здесь взято в кавычки, неясно. Скорее всего, из-за того, что такая религиозно окрашенная лексика в советское время воспринималась с долей скептицизма. С другой стороны, в повести действительно речь идет не только о грехе Мурина, но и о целом ряде его преступлений).

Первой специальной работой, посвященной вопросу влияния гоголевской повести-сказки на «Хозяйку» Достоевского, стала статья Л. Я. Ермиловой [14]. Автор останавливается на изображении психологического состояния обеих героинь и делает вывод о том, что «Катерина из "Страшной мести" и другая Катерина сходят с ума. У той и другой сходные картины психических уклонений, сходны и причины возникновения болезни» [14, с. 117–118]. Состояние гоголевской Катерины исследователь считает «ответом психики на невыносимое положение» [14, с. 118] и сопоставляет с состоянием Катерины-хозяйки, что, конечно, к описанию второй Катерины относится в значительно большей степени, так как подходить с реалистических позиций к гоголевской повести вообще сложно. В ней сказочно и фантастично все: начинающая с мертвецов, встающих из могил, заканчивая историей мести Ивана Петру, продолжением которой и оказываются события повести. Важно то, что автор здесь вслед за Бемом (хотя, скорее всего, советский ученый не был знаком с работами, написанными русскими эмигрантами) переводит в реальный план гоголевскую «мистику» и показывает, что во власти Мурина нет никакой таинственности: «Аффекты

Мурина не в "магнетизме, гальванизме и электричестве", как иронизирует Белинский, а в тяжелой, может быть, и умно сдерживаемой злобе. В его взгляде не "гипноз", а "надменность", "насмешка", "злоба", "наглость", "презрение" <...> "бесстыдный смех"» [14, с. 123–124]. Автор указывает на прием противопоставления, использованный Достоевским в «Хозяйке», для подчеркивания его несогласия с Гоголем: «Бесконечное возмездие реализуется в "Страшной мести" и получает свою антитезу в надежде на очищение и возрождение к новой жизни Катерины и Ордынова, в его "чистой и светлой душе"» [14, с. 124]. Даже если не состоится «очищение и возрождение» Катерины к новой жизни (как бы ни хотелось в это верить исследователям, в самой повести все же ничто не указывает на возможное «воскресение» Катерины и освобождение ее от власти Мурина), антитеза тут, безусловно, присутствует. В повести Достоевского, в отличие от сказочного сюжета Гоголя, нет никакой «предопределенности», тогда как в финале «Страшной мести» оказывается, что история страшного колдуна была вызвана чувством мести Ивана Петру, и его желание отомстить всему роду обидчика будто бы «поддерживается» самим Богом: «"Великий есть грешник сей человек! – сказал Бог. Иване! не выберу я ему скоро казни; выбери ты сам ему казнь!" Долго думал Иван, вымышляя казнь, и наконец, сказал: "Великую обиду нанес мне сей человек: предал своего брата, как Иуда, и лишил меня честного моего рода и потомства на земле. А человек без честного рода и потомства, что хлебное семя, кинутое в землю и пропавшее даром в земле. Всходу нет – никто не узнает, что кинуту было семя. Сделай же, Боже, так, чтобы все потомство его не имело на земле счастья! чтобы последний в роде был такой злодей, какого еще и не бывало на свете! и от каждого его злодейства чтобы деды и прадеды его не нашли бы покоя в гробах и, терпя муку, неведомую на свете, подымались бы из могил! А Иуда Петро чтобы не в силах был подняться и оттого терпел бы муку еще горшую; и ел бы, как бешеный, землю, и корчился бы под землею!..» [7, с. 185].

Тема «родового проклятия», фатальной предопределенности, образ Бога, исполняющего желания, – все это с точки зрения христианского миропонимания не может не вызывать

сомнений, несмотря на то что жанр «Страшной мести» вполне соотносится с жанром «страшной сказки», где в принципе возможно все. Так, М. Н. Климова недоумевает, каким образом «история проклятого рода» оказывается вписанной Гоголем «в едва ли не христианскую модель мира» [19, с. 61] и почему «для последнего потомка Петра (видимо, имеется в виду потомство по мужской линии, не считая Катерину. – Т. К.) "изначально закрыт" путь спасения» [19, с. 61]. «Бог "Страшной мести" пугающе лишен одного из важнейших своих атрибутов – милосердия, – справедливо замечает автор. – В результате его попустительства в мир входит великое и неистребимое зло, основанное на трех тяжелейших грехах – предательстве, убийстве невинного ребенка и эгоистической мстительности и нежелании простить пострадавшего» [19, с. 61].

Скорее всего, причину несогласия Достоевского с гоголевской повестью и, как следствие, смысл ее пародирования нужно искать именно в этой плоскости. Отношение Достоевского к Гоголю неоднократно становилось темой отдельных исследований, но, возможно, именно рецепция сюжета «Страшной мести» в «Хозяйке» даст понимание категоричной мысли Достоевского, высказанной, впрочем, в черновых записях, о религиозном мировоззрении Гоголя: «...Идеал Гоголя странен: в подкладке его христианство, но христианство его не есть христианство» [11, XXIV, с. 303–304]. «Чтобы сказать такое о Гоголе, для которого главным в жизни было истовое устремление к Богу и глубокие религиозные переживания, надо было иметь веские основания» [27, с. 57], – отмечает К. А. Степанян. Какие же это основания? Возможно предположить, что это как раз-таки та непреодолимая и заведомо предопределенная гибель души «последнего в роде» Иуды Петра, и, соответственно, несвобода человека и прямая обусловленность его жизни родоплеменной цепочкой. Сходная идея, правда, безотносительно «Хозяйки» и «Страшной мести», высказывалась В. А. Викторovichем, по мысли которого «Гоголь по своей писательской природе тяготеет к Ветхому, а Достоевский – к Новому Завету. Хотя, конечно, Гоголь – христианин, хотя, конечно, Гоголь в "Выбранных местах из переписки с друзьями" отстаивает христианские идеалы, но делает это как пропагандист, публицист, а все-таки не как художник.

А вот как художнику Гоголю все-таки свойственно ветхозаветное видение <...> Гоголь <...> показывает <...>, в чем человек преступил перед Богом, но дальше, очевидно, реализм Гоголя пойти не мог»¹.

Новый штрих в понимание сопоставления «Страшной мести» и «Хозяйки» вносит работа Дж. Джиганте, где автор соотносит болезненный сон Ордынова («...целые кладбища высылали ему своих мертвецов, которые начинали жить сызнова» [11, I, с. 279]) со сценой в «Страшной мести», когда возвращающиеся со свадьбы по Днепру Данила и Катерина, проезжая мимо кладбища, видят встающих из могил мертвецов [10, с. 47]. Понимание сна Ордынова как пародии на сцену с мертвецами в «Страшной мести» гораздо более соответствует научному взгляду на художественный текст, чем, например, предложенное И. Аврамец, согласно которому «во сне Ордынов уподобляется Богу (sic! – Т. К.), с одной стороны, Творцу Мира (орфография автора. – Т. К.), по сценарию которого создаются и гибнут народы, по воле которого "целые кладбища высылали ему своих мертвецов...", а с другой – умирающему и воскресающему Богу, притом герой одновременно обнаруживает черты божественного антагониста, причастного иному, "кромешному" миру» [1, с. 155] (сцена с кладбищами и мертвецами, как видно, воспринимается в этой работе совершенно серьезно. – Т. К.).

В настоящее время новых работ, посвященных восприятию/пародированию Достоевским «Страшной мести» в «Хозяйке», не появляется: исследователи лишь вскользь упоминают об этом как об известном факте. Так, Н. Г. Михновец вписывает восприятие Достоевским гоголевской повести в историю развития метасюжета власти, который впоследствии будет реализован в творчестве Островского и позднем творчестве Достоевского: «...В повести "Хозяйка" Достоевским была подхвачена гоголевская тема мужской власти над женской душой: душа Катерины в повести "Страшная месть" подвластна силе колдуна, душа Катерины в повести Достоевского – Мурины» [22, с. 110–111]. Тем не менее в исследовательской литературе осмыслены далеко не все художественные связи

¹ Викторевич В. А. Гоголь и Достоевский: лекция «Достоевский. Писатель, заглянувший в бездну». Электронный ресурс. URL: <https://magisteria.ru/category/dostoevsky> (дата обращения: 17.02.2023).

этих повестей даже на уровне сопоставления самого событийного ряда. Безусловным сходством является убийство обоими колдунами обеих матерей, притом выбирается один и тот же способ убийства – при помощи ножа. «Душа» пани Катерины знает об этом убийстве, тогда как сама о нем она не знает. Катерина-хозяйка, в отличие от гоголевской Катерины, является фактически соучастницей преступления Мурина: она *впускает* его в дом через окно, когда он приходит с целью убить ее родителей, хотя и не раскрывает ей своей цели, но она так же тайно, через окно, и *выпускает* его, «чтоб не мимо людей» [11, I, с. 297], и сама сбегает с ним, уже догадываясь о том, что произошло. Очевидно, что не просто для «красного словца» Катерина называет себя «проклятой», «окаянной» дочерью и «душегубкой». «Душегубством» в уголовном праве XV–XVI вв. (периода Судебников) называлось убийство, и впоследствии это слово как синоним убийства перешло в народную речь, так что в устах Катерины это вовсе не метафора или гипербола, а квалификация деяния (см. об этом, напр.: [2, с. 36; 47]. Катерина слышит слабый крик, «словно ребенок вскрикнул, когда во сне испугается» [11, I, с. 297], который никому, кроме матери, принадлежать не мог, – в это время они находятся одни в доме, и мать лежит в постели больная: «Знала я, что она на смертной постели лежит, с жизнью прощается, знала я, окаянная дочь» [11, I, с. 297]. Через некоторое время она слышит, как люди с завода бегут и кричат, что ее отец упал в котел, «знать, нечистый его туда подтолкнул» [11, I, с. 297]. Катерина думает, что близка ее погибель, но оказывается, что Мурин все это устроил ради того, чтобы увезти ее. У читателя не возникает сомнений в причастности Мурина к гибели отца Катерины, упавшего в котел: он возвращается к ней со словами «душу свою я за тебя сгубил», «весь опаленный, и кафтан его, горячий на ощупь, дымится» [11, I, с. 297]. Для подтверждения же сюжета убийства матери Достоевский вводит следующий диалог: убегая с Муриным, Катерина спрашивает его: «А отчего у тебя руки в крови?» – «Руки в крови, моя родимая? а ваших собак порезал, разлазались больно на позднего гостя» [11, I, с. 298]. Такое объяснение «с ходу» придумывает Мурин, и, разумеется, он не может прямо сказать Катерине: «Руки в крови, потому что я только

что убил твою мать». Таким образом, подчинение Катерины Мурину строится на вовлеченности ее в преступление, на соучастии – это типичный прием, используемый в организованных преступных группах. Впоследствии именно о таком способе спланирования будет говорить Ставрогин в «Бесах»: «Подговорите четырех членов кружка ужокошить пятого, под видом того, что тот донесет, и тотчас же вы их всех пролитою кровью, как одним узлом, свяжете» [11, X, с. 299].

Отличие гоголевской повести от повести Достоевского также в том, что у Гоголя образ матери пани Катерины на момент развития событий никакой роли в сюжете не играет: читатель лишь узнает, что отец-колдун уже давно убил ее. Образ же матери Катерины-хозяйки играет очень важную роль в повести Достоевского, и ее история могла бы стать сюжетом для отдельного произведения, а по накалу страстей достойна пера античного автора. Из рассказа Катерины Ордынову следует, что она помнит Мурина, «едва память <в ней> родилась» [11, I, с. 295]; когда он приходил к ее матери, ее отсылали, и ей всегда было страшно, когда он приходил. По всей видимости, мать и жила только посещениями Мурина, с которым могла быть знакома до замужества: они, скорее всего, были земляками, так как их объединяет знание татарского языка. Вероятно, законный отец Катерины не знает о связи своей жены с любовником, продолжающейся во все время их брака. Увидев однажды, как подросла девушка, Мурин решает сменить «старую любовь» на молодую. Учитывая обоснованное предположение о его принадлежности к сектантской, по-видимому хлыстовской, общине и лидирующее в ней положение, это вполне вероятно (практически все исследователи, обращавшиеся к изучению хлыстовщины, отмечали царивший в ней разврат, как писал П. И. Мельников-Печерский, «не разбирающий ни возраста, ни уз родства» [21, с. 314]). Притом, помимо хлыстовщины, в начале XIX в. существовало множество и других сект, сведения о которых остались лишь в специальных исследованиях. Так, в фундаментальной работе Н. В. Варадинова «История Министерства внутренних дел» упоминается о некоей финской секте, обосновавшейся еще в 20-х гг. XIX в. в Санкт-Петербурге, сходной с хлыстовщиной (для них также были характерны

радения и «пророчества»), где, как у хлыстов, «брак почитают противным религии, которая, по их мнению, не препятствует находящемуся в супружестве лицу питать пламенную любовь к другому, имеющему с ним одинаковые чувствования; это согласование чувств приписывают не физическим, не нравственным причинам, а сверхъестественному действию» [5, с. 281]. Известно при этом, что один из руководителей этой секты, как и Мурин, «находился в плотском смешении с двумя женщинами – матерью и дочерью» [5, с. 281]. Конечно, Достоевский мог не знать о секте «финских раскольников», но очевидно то, что он интуицией гения уловил разрушительные для личности и общества признаки, характерные для любой секты.

У «старой любви» Мурина, матери Катерины, свой «миллион терзаний». После того как Мурин, уходя, дарит Катерине «бурмицкие зерна» (жемчуг), которые та, чтобы похвастаться, относит матери, она в запальчивости выдает тайну рождения дочери: «Я сама скажу, что за купцы приезжали и за каким товаром приехали... Уж я скажу ему (мужу. – Т. К.), чья ты дочь, беззаконница! Ты же не дочь мне теперь, ты мне змея подколотная! Ты детище мое проклятое!» [11, I, с. 296]. В этих словах содержится достаточно явный намек на то, что Катерина – дочь Мурина. Поняла ли Катерина слова матери, остается неясным, но, скорее всего, поняла, потому что впоследствии она сама называет себя по отношению к старику «дочкой любезной» [11, I, с. 306]. Здесь тайна матери выходит наружу, потому что «все тайное становится явным», а «случайное семейство» определяет дальнейшую трагическую судьбу Катерины. Мать, увидев в дочери потенциальную соперницу, тут же проклинает ее. Как объясняет этот эпизод Л. Я. Ермилова, «здесь больная мать в смертельной обиде готова сказать мужу, чьей дочерью была Катерина» [14, с. 113]. Также и О. Г. Дилакторская [8, с. 75] с большой долей вероятности допускает, что союз Мурина и Катерины мог быть кровосмесительным. По всей видимости, после истории с «бурмицкими зернами», подаренными Муриным вместо нее дочери, и обрушенного ею на дочь проклятия, болезнь матери Катерины обострилась, и она слегла. К моменту второго прихода Мурина она уже «третьи сутки на смертной постели лежит» [11, I, с. 297].

Собственно, умирающую мать и «добывает» Мурин, поэтому ее крик настолько слаб и сравним с криком ребенка. Трагедия «старой любви» завершилась: жившая только встречами с любовником, потеряв его, она «горько плачет» и «с жизнью прощается», а увидев соперницу в дочери, тут же проклинает ее и вскоре погибает от руки своего любовника. Намек на то, что Катерина-хозяйка в действительности дочь Мурина, безусловно, продолжает сюжетную линию «Страшной мести», где пани Катерина знает, что колдун – ее отец, но о его преступной страсти к ней «знает» лишь ее душа, которую он умеет «вызывать» своими магическими ритуалами.

Мурин также занимается магическими ритуалами и различными оккультными практиками, но, в отличие от гоголевского колдуна, неплохо на них наживается. На первый взгляд, может показаться, что, приехав в Петербург, в силу возраста и чтобы не «терять из виду», ни на минуту не оставляя Катерину, Мурин от своей преступной деятельности отказывается. Однако в конце повести вдруг «неожиданно» (хотя на самом деле, вполне ожидаемо) оказывается, что дом Кошмарова представлял собой «притон» «воров, контрабандистов и мошенников», из которых «иных переловили, за другими еще только гоняются» [11, I, с. 320], Мурин же с Катериной успели скрыться. В Петербурге Мурин, как понимает в конце повести читатель, возглавил «шайку воров» [11, I, с. 320], контрабандистов и мошенников [11, I, с. 320], которая располагалась в доме Кошмарова, и занялся предсказательством на возмездной основе, сам же Кошмаров оказался подставным лицом, а Мурин в очередной раз избежал наказания (см. об этом: [16; 17]).

Со слов Ярослава Ильича, Мурин стяжал себе славу «предсказателя» и «специализировался» большей частью на предсказаниях смерти: «Этот человек имел ужасное влияние на приходивших к нему» [11, I, с. 287], и все от него выходило «бледные, как платок» и в слезах. Однако Ярослав Ильич, хоть сам и попадает под «чары» Мурина, утверждает, что в настоящее время он этим не занимается, так как «строжайше запрещено-с» [11, I, с. 287]. Действительно, в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных (1845) содержались нормы, объединенные в параграфе «О подложном проявлении чудес и других сего рода обманах», главы III «О нарушении

общественного спокойствия, порядка и ограждающих оные постановлениях», так что ритуалы, проводимые Муриным, в зависимости от того, как именно они проводились и сколько народу в них вовлекалось, могли квалифицироваться по какой-либо из этих норм (см. об этом подробнее: [16]). Также лжепредсказания и лжепророчества были запрещены Уставом о предупреждении и пресечении преступлений – законодательным актом, направленным большей частью на профилактику правонарушений [29].

Такие предсказания на возмездной основе («деньга на стол, тотчас на стол – без деньга ни!» [11, I, с. 282], как совершенно однозначно определил корыстную цель его практик дворник-татарчонок) служат еще одним подтверждением принадлежности Мурина к хлыстовству. Такого рода практики были характерны для хлыстовской среды и очень в ней почитаемы. По наблюдению А. П. Шапова, ведущего происхождения хлыстов напрямую из язычества, хлыстовские «пророки» и «пророчицы» предсказывали урожай или неурожай, «удачи и неудачи разных промыслов» и т.д., ничем не отличаясь от обыкновенных деревенских колдунов. «Когда стал возникать раскол, – отмечает ученый, – волхвы и чародеи, шаманы и кудесники стали обращаться в пророков и расколоучителей» [33, с. 600]. Интересно, что уже для современников Достоевского было очевидно, что всевозможные оккультные ритуалы реализуются с корыстной целью и с целью обмана. Так, в комментариях к законодательным актам В. М. Шиманского четко указывалось мошенничество как прямая цель колдовства: «совершающие это деяние всегда имеют цель – исторгнуть таким образом деньги» [32, с. 227].

Катерина, напуганная «пророчествами» старика, находясь постоянно под его «присмотром», делится своими страхами с Ордыновым: «Он говорит <...> что когда умрет, то придет за моей грешной душой» [11, I, с. 293]. Мистический страх Катерины подчеркивается на протяжении всей повести: «Я все боюсь, все боюсь» [11, I, с. 277]; «Жизнь-то моя не моя, а чужая, и волюшка связана!» [11, I, с. 291]; «Злой человек – он, погубитель мой!.. Я душу ему продала...» [11, I, с. 293]. Таким образом, зависимость Катерины от Мурина основана на чувстве страха, вызванном соучастием в его преступлениях и ее убежденно-

стью в его «мистической» власти. В «Страшной мести» Гоголя нельзя еще говорить об изображении зависимости Катерины от колдуна, потому что здесь ее образ буквально разделяется надвое: пани Катерина «реальная» и ее «душа», которая знает больше, чем сама Катерина. Можно говорить лишь о некоем сходстве манипулирования религиозными чувствами Катерины со стороны колдуна, когда тот уговаривает ее выпустить его из темницы, обещая раскаяться в своей преступной жизни.

Характерной деталью, объединяющей два демонических образа, является оружие: оба колдуна никогда не расстаются со своими ножами (притом нож Мурина Катерина неспроста называет «нечистым»). Все это подчеркивает преступный, «уголовный» колорит обеих повестей и говорит о колдуне как о нераскаявшемся преступнике, который может переступить любую черту, считая, что ему «все позволено». Соотношение Ильи Мурина с гоголевским колдуном позволяет, в частности, доказать несостоятельность попыток в достоевсковедении считать его «кающимся грешником» (так, например, по мысли Г. М. Фридлендера и соавторов, Мурин терзаем муками совести [11, I, с. 509]; видеть Мурина кающимся хотела бы и О. Г. Дилакторская¹).

Интересно при этом, что и в «Страшной мести», и в «Хозяйке» присутствуют сюжеты, когда героиня сама нападает с ножом на колдуна-отца. Но в «Страшной мести» эта «битва» представляет собой фактически финальный, трагический, эпизод, когда колдун, вырывая нож, не останавливается ни перед чем и убивает свою дочь [7, с. 179]. В «Хозяйке», напротив, со сходного эпизода как раз начинаются взаимоотношения Мурина и Катерины: Мурин замахивается с ножом на ее мать, та его останавливает, и в этот момент Мурин обращает на нее внимание. Таким образом, Достоевский здесь, скорее всего, сознательно использовал эпизод с ножом как «отсылку» к гоголевской повести. Но если в «Страшной мести» колдун, уже под видом и в облики казака, так и не добившись благосклонности Катерины, убивает и ее, то в «Хозяйке» Мурин, хоть физически и не убивает Катерину (хотя и признается в том, что в помутнении рассудка был близок к этому), но на-

¹ Дилакторская О. Г. Петербургская повесть в русской литературе XIX века: Пушкин, Гоголь, Достоевский: дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2000. – С. 199–200.

столько держит ее в своей власти, что для читателя совершенно очевидно, что ни встреча с Ордыновым и его любовь, ни какое-либо иное чудо не спасет ее. С большой долей вероятности можно предположить, что Мурин готовит Катерину стать его преемницей – «хлыстовской богородицей» (см. об этом: [18]), и путь ее к воскресению уже невозможен. Катерина уже сама ощущает свою безусловную власть над Ордыновым, и по ее молчаливому приказанию он оказывается буквально в шаге от преступления. Называя Катерину «Владычицей», Ордынов фактически готов стать ее первым «адептом».

Еще одна довольно четкая отсылка к «Страшной мести» в «Хозяйке», пока не выявленная исследователями, – это эпизод, предваряющий гибель Петра от рук Ивана, который открывается следующей картиной: «По-над самым провалом дорога – два человека еще могут проехать, а трое – ни за что» [7, с. 184]. Дважды в «Хозяйке» упоминается сходный сюжет: первый раз, когда Ордынов только пришел к Мурину и Катерине и убедился в том, что «троим в такой квартире нельзя было жить» [11, I, с. 272], и второй раз, когда Катерина рассказывает про гибель Алеши и передает слова Мурина: «Тяжело нашей лодке! не сносить ей троих» [11, I, с. 301].

Обсуждение и выводы

Итак, такое количество сюжетных совпадений не может быть случайным. Вслед за Тыняновым, Бемом и Мочульским нельзя не увидеть в «Хозяйке» пародирования гоголевского сюжета или, по определению Л. Я. Ермиловой, антитезу идейному содержанию гоголевской повести. Однако главное различие находится именно в идейной плоскости: если у Гоголя прослеживается мысль о фатальной предопределенности (месть Ивана Петру заключается в том, чтобы все потомство его врага, бывшего друга, «не имело на земле счастья» [7, с. 185]), фактически все события повести и определяются этим «родовым проклятием», то у Достоевского никакой предопределенности и фатальности нет. Переводя сюжет «Страшной мести» в плоскость реальных событий и вписывая героев в хлыстовско-раскольничью среду, Достоевский показывает, что любые «страшные фантазии» в такой среде могут стать

реальностью. Если с колдуна снять маску, под ней окажется лидер организованной преступной группы. Если «расплести» намеренно переплетенные до непонятности сюжетные линии, за ними открывается реальность, которая страшнее самой «страшной повести», и власть колдуна оказывается не «таинственной», «загадочной» и не «гипнозом», а основанной на манипулировании религиозными чувствами и соучастии в преступлении. «Нагроможденные», запутанные сюжетные линии при их «расплетении» оказываются обычным криминалом, «колдун» пользуется вполне реальными и типичными приемами криминального мира: запугиванием, угрозами, манипулированием при помощи связывания членов своей группы соучастием в преступлении. Итак, можно предположить, что в «Хозяйке» Достоевского мог бы быть заключен следующий художественный «ответ» Гоголю: нет никакого колдовства и никаких колдунов, а есть убийца и мошенник, подчиняющий себе «слабое сердце» путем соучастия в преступлении.

Список литературы

1. Аврамец И. Мифологические мотивы в повести Ф. М. Достоевского «Хозяйка» // В честь 70-летия профессора Ю. М. Лотмана. Сб. статей. – Тарту: Эйдос, 1992. – С. 148–160.
2. Арямов А. А. Становление отечественного уголовного права: ретроспективный анализ. Учебное пособие. – М.: Юстиция, 2016. – 246 с.
3. Белый А. Мастерство Гоголя. Исследование. – М.: Книжный клуб Книговек, 2011. – 416 с.
4. Бем А. Л. Достоевский – гениальный читатель // О Достоевском. Сб. статей под ред. А. Л. Бема. Прага 1929 / 1933 / 1936. – М.: Русский путь, 2007. – С. 206–218.
5. Варадинов Н. В. История Министерства внутренних дел. – СПб., 1863. – Кн. 8, доп. История распоряжений по расколу. – 656 с.
6. Волгин И. Л. Родиться в России. Достоевский и современники: жизнь в документах. – М.: Книга, 1991. – 607 с.
7. Гоголь Н. В. Страшная месть // Гоголь Н. В. Собр. соч.: в 6 т. – М.: ГИХЛ, 1952. – Т. 1. – С. 146–186.
8. Дилакторская О. Г. Петербургская повесть Достоевского. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. – 348 с.
9. Дилакторская О. Г. Скопцы и скопчество в изображении Достоевского (К истолкованию повести «Хозяйка») // *Philologica*, Двужызычный журнал по русской и теоретической филологии. – 1995. – Т. 2. – № ¾. – С. 59–84.
10. Джиганте Дж. Сновидения в «Хозяйке» // Достоевский и современность: материалы XII Международных Старорусских чтений 1997 года, Старая Русса, 1998. – Старая Русса, 1998. – С. 40–52.
11. Достоевский Ф. М. Собр. соч.: в 30 т. – Л.: Наука, 1972–1990.

12. Евлампиев И. И. Первый опыт религиозно-философских исканий в творчестве Достоевского. Повесть «Хозяйка» // Достоевский и мировая культура, № 27. – СПб.: Серебряный век, 2010. – С. 21–39.

13. Ермилов В. В. Ф. М. Достоевский. – М.: ГИХЛ, 1956. – 280 с.

14. Ермилова Л. Я. «Страшная месть» и «Хозяйка» (этюды из области психологии творчества Гоголя и Достоевского) // Вопросы русской литературы. Ученые записки МГПИ. – 1969. – № 315. – С. 110–127.

15. Истомин К. К. Из жизни и творчества Достоевского в молодости // Творческий путь Достоевского. Сборник статей под ред. Н. Л. Бродского. – Л.: Сеятель, 1924. – С. 3–48.

16. Карпачева Т. С. Кошмар Кошмарова: секта и криминал в раннем творчестве Ф. М. Достоевского // Вестник МГОУ. Филологические науки. – 2019. – № 4. – С. 99–112.

17. Карпачева Т. С. Строжайше запрещено-с»: о роде занятий Мурина в повести Ф. М. Достоевского «Хозяйка» // Пушкинские чтения-2019. Художественные стратегии классической и новой словесности: жанр, автор, текст. Материалы XXIV международной научной конференции. – СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2019. – С. 234–243.

18. Карпачева Т. С. Хлыстовство в осмыслении Достоевского и Тургенева // Достоевский и мировая культура // Петербургский альманах. – 2019. – № 37. – С. 97–113.

19. Климова М. Н. Миф о колдуне и очарованной красавице в русской литературе // Вестник ТГПУ. – 2007. – Вып. 8 (71). Сер.: Гуманитарные науки. – С. 60–66.

20. Кузьминых Э. С. Роман Ж. Санд «Индиана» и повесть Ф. М. Достоевского «Хозяйка»: опыт сравнительно-исторического анализа // Дергачевские чтения-2011. Русская литература: национальное развитие и региональные особенности: материалы X Всерос. науч. конф. – Екатеринбург, 2012. – Т. 1. – С. 279–286.

21. Мельников-Печерский П. И. (Андрей Печерский). Белые голуби // Мельников-Печерский П. И. Собр. соч.: в 6 т. – М.: Правда, 1963. – Т. 6. – С. 255–376.

22. Михновец Н. Г. «Гроза» – «Кроткая» – «Бесприданница»: история метасюжета и проблема постижения факта действительности // Печать и слово Санкт-Петербурга: Сб. научн. трудов. Петербургские чтения-2012. – СПб.: Петербургский институт печати (СПГУТД), 2013. – Ч. II. Литературоведение. – С. 100–112.

23. Мочульский К. В. Гоголь. Соловьев. Достоевский. – М.: Республика, 1995. – 607 с.

24. Реизов Б. Г. «Хозяйка» Ф. М. Достоевского (к проблеме жанра) // Русская литература. – 1976. – № 1. – С. 144–148.

25. Розенталь Т. К. Страдание в творчестве Достоевского. Психогенетическое исследование // Вопросы изучения и воспитания личности. – 1919. – № 1. – С. 88–107.

26. Свительский В. А. Романтическая повесть Достоевского // Индивидуальность писателя и литературно-общественный процесс. – Воронеж, 1978. – С. 46–55.

27. Степанян К. А. «Сознать и сказать»: «Реализм в высшем смысле» как творческий метод Ф. М. Достоевского. – М.: Раритет, 2005. – 512 с.

28. Тынянов Ю. Н. Достоевский и Гоголь (к теории пародии). – Петроград: ОПОЯЗ, 1921. – 48 с.

29. Устав о предупреждении и пресечении преступлений // Свод законов Российской Империи. – СПб., 1876–1917. – Т. 14: Устав о предупреждении и пресечении преступлений, 1876. – 21 с.

30. Цой Л. Н. Проблема раскола и народных ересей в творчестве Достоевского. – Якутск: ЯГУ, 1995. – 114 с.

31. Чулков Г. И. Как работал Достоевский. – М.: Советский писатель, 1939. – 340 с.

32. Шиманский В. М. Преступные деяния по Уложению о наказаниях уголовных и исправительных и Уставу о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. – Одесса: тип. акционерного Южно-русского общества печатного дела, 1910. – 648 с.

33. Шапов А. П. Умственные направления русского раскола // Сочинения А. Шапова. – СПб.: изд. М. В. Пирожкова, 1906. – Т. 1. – С. 580–647.

Tatiana S. Karpacheva

Once Again about the Influence of N. V. Gogol's "Terrible Revenge" on F. M. Dostoevsky's "The Landlady"

The article discusses the reception of the plot of the "Terrible Revenge" by N. V. Gogol in the story of F. M. Dostoevsky "The Landlady". This question has a long history in the study; researchers have repeatedly addressed it, focusing mainly on the idea that the Gogol plot is parodied in Dostoevsky's story, but the purpose of this parody and its influence on the ideological content of the work remain unexplored in science. The author comes to the conclusion that the main difference between the plots lies precisely in the ideological plane: if Gogol's "Terrible Revenge" traces the idea of fatal predestination, in fact all the events of the story are determined by the «generic curse», then Dostoevsky, on the contrary, has no predestination and fatality. Gogol's sorcerer is supposedly a «real» sorcerer, which, however, fits into the genre signs of the «terrible story». It is with this understanding that Dostoevsky enters into a polemic: if the mask is removed from the «sorcerer», then the leader of an organized criminal group will be under it.

Key words: Dostoevsky, story "The Landlady", Gogol, "Terrible revenge", the sorcerer.

For citation: Karpacheva, T. S. (2023) Eshche raz o vliyani "Strashnoj mesti" N. V. Gogolya na "Hozyajku" F. M. Dostoevskogo [Once again about the influence of N. V. Gogol's "Terrible Revenge" on F. M. Dostoevsky's "The Landlady"]. *Art Logos – The Art of Word*. No. 2. Pp. 10–31. (In Russian). DOI 10.35231/25419803_2023_2_10

References

1. Avramec, I. (1992) *Mifologicheskie motivy v povesti F. M. Dostoevskogo «Hozyajka»* [Mythological motives in the story of F. M. Dostoevsky "The Mistress"] *V chest' 70-letiya professora YU. M. Lotmana. Sb. statej* [In honor of the 70th anniversary of Professor Yu. M. Lotman. Digest of articles]. Tartu: Ejdos Publ. Pp. 148–160. (In Russian).
2. Aryamov, A. A. (2016) *Stanovlenie otechestvennogo ugolovnogo prava: retrospektivnyj analiz. Ucheb. posob.* [Formation of domestic criminal law: a retrospective analysis. Study Guide]. Moscow: YUsticiya Publ. (In Russian).
3. Bely, A. (2011) *Masterstvo Gogolya. Issledovanie* [Gogol's skill. Study]. Moscow: Knizhnyj klub Knigovek Publ. (In Russian).
4. Bem, A. L. (2007) *Dostoevskij – genial'nyj chitateľ!* [Dostoevsky is a brilliant reader] *O Dostoevskom. Sb. statej pod red. A. L. Bema* [About Dostoevsky. Sat. articles ed. A. L. Bema] Praga 1929 / 1933 / 1936. Moscow: Russkij put' Publ. Pp. 206–218. (In Russian).
5. Varadinov, N. V. (1863) *Istoriya Ministerstva vnutrennih del. Kn. 8, dop.* *Istoriya rasporyazhenij po raskolu* [History of the Ministry of Internal Affairs. Prince. 8, add. History of dissolution orders]. St. Petersburg. (In Russian).
6. Volgin, I. L. (1991) *Rodit'sya v Rossii. Dostoevskij i sovremenniki: zhizn' v dokumentah* [Born in Russia. Dostoevsky and contemporaries: life in documents]. Moscow: Kniga Publ. (In Russian).

7. Gogol, N. V. (1952) *Strashnaya mest'* [Terrible revenge] Gogol N. V. *Sobr. soch.:* v 6 t. [Gogol N. V. Collected Works in 6 vols.]. Moscow: gos. izd-vo hudozhestvennoj literatury. Vol. 1. Pp. 146–186. (In Russian).

8. Dilaktorskaya, O. G. (1999) *Peterburgskaya povest' Dostoevskogo* [Dostoevsky's Petersburg story]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin Publ. (In Russian).

9. Dilaktorskaya, O. G. (1995) *Skopcy i skopchestvo v izobrazhenii Dostoevskogo* (K istolkovaniju povesti «Hozyajka») [Skoptsy and eunuchs in the image of Dostoevsky (On the interpretation of the story "The Mistress")] *Philologica, Dvuyazychnyj zhurnal po russkoj i teoreticheskoj filologii – Philologica, Bilingual Journal of Russian and Theoretical Philology*. Vol. 2. No. ¾. Pp. 59–84. (In Russian).

10. Dzhigante, Dzh. (1998) *Snovideniya v «Hozyajke»* [Dreams in the "Mistress"] *Dostoevskij i sovremennost': materialy XII Mezhdunarodnyh Starorusskikh chtenij 1997 goda* [Dostoevsky and the present: materials of the XII International Old Russian Readings in 1997]. Staraya Russa. Pp. 40–52. (In Russian).

11. Dostoevsky, F. M. (1972–1990) *Sobr. soch.:* v 30 t. [Collected Works in 30 vols.]. Leningrad: Nauka Publ. (In Russian).

12. Evlampiev, I. I. (2010) *Pervyj opyt religiozno-filosofskih iskanij v tvorcestve Dostoevskogo. Povest' «Hozyajka»* [The first experience of religious and philosophical searches in the work of Dostoevsky. The story "The Mistress"] *Dostoevskij i mirovaya kul'tura*. No. 27 [Dostoevsky and World Culture, No. 27]. St. Petersburg: Serebryanyj vek Publ. Pp. 21–39. (In Russian).

13. Ermilov, V. V. (1956) F. M. Dostoevskij [Dostoevsky]. Moscow: gos. izd-vo hudozh. literatury. (In Russian).

14. Ermilova, L. YA. (1969) «Strashnaya mest'» i «Hozyajka» (etyud iz oblasti psihologii tvorcestva Gogolya i Dostoevskogo) ["Terrible revenge" and "Mistress" (a study from the field of psychology of Gogol and Dostoevsky)] *Voprosy russkoj literatury. Uchenye zapiski MGPI – Questions of Russian literature. Scientific notes of MGPI*. No. 315. Pp. 110–127. (In Russian).

15. Istomin, K. K. (1924) *Iz zhizni i tvorcestva Dostoevskogo v mladosti* [From the life and work of Dostoevsky in his youth] *Tvorcheskij put' Dostoevskogo. Sbornik statej pod red. N. L. Brodskogo* [Dostoevsky's creative path. Collection of articles, ed. N. L. Brodsky]. Leningrad: Seyatel' Publ. Pp. 3–48. (In Russian).

16. Karpacheva, T. S. (2019) *Koshmar Koshmarova: sekta i kriminal v rannem tvorcestve F. M. Dostoevskogo* [Nightmare of Nightmare: sect and crime in the early works of F. M. Dostoevsky] *Vestnik MGOU. Philological Sciences – Vestnik MGOU. Philological sciences*. No. 4. Pp. 99–112. (In Russian).

17. Karpacheva, T. S. (2019) *Strozhajshe zapreshcheno-s': o rode zanyatij Murina v povesti F. M. Dostoevskogo «Hozyajka»* [Strictly forbidden-s': about the occupation of Murin in the story of F. M. Dostoevsky "The Mistress"] *Pushkinskie chteniya–2019. Hudozhestvennyye strategii klassicheskoj i novoj slovesnosti: zhanr, avtor, tekst. Materialy XXIV mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii* [Pushkin Readings–2019. Artistic strategies of classical and new literature: genre, author, text. Proceedings of the XXIV international scientific conference]. St. Petersburg: Leningrad Pushkin State University. Pp. 234–243. (In Russian).

18. Karpacheva, T. S. (2019) *Hlystovstvo v osmyslenii Dostoevskogo i Turgeneva* [Khlystism in the comprehension of Dostoevsky and Turgenev] *Dostoevskij i mirovaya kul'tura* [Dostoevsky and world culture] *Peterburgskij al'manah – Petersburg Almanac*. No. 37. Pp. 97–113. (In Russian).

19. Klimova, M. N. (2007) *Mif o koldune i ocharovannoj krasavice v russkoj literature* [The myth of the sorcerer and the enchanted beauty in Russian literature] *Vestnik TSPU. Ser.: Gumanitarnye nauki – Bulletin of TSPU. Series: Humanities*. Issue. 8 (71). Pp 60–66. (In Russian).

20. Kuzminykh, E. S. (2012) *Roman Zh. Sand «Indiana» i povest' F. M. Dostoevskogo «Hozyajka»: opyt sravnitel'no-istoricheskogo analiza* [Roman J. Sand "Indiana" and the story of F. M. Dostoevsky "The Mistress": an experience of comparative historical analysis] *Dergachevskie chteniya–2011. Russkaya literatura: nacional'noe razvitie i regional'nye osobennosti: materialy X Vseros. nauch. konf.* [Dergachev readings–2011. Russian Literature: National Development and Regional Features: Proceedings of the X All-Russian Scientific Conference] Ekaterinburg. Vol. 1. Pp. 279–286. (In Russian).

21. Melnikov-Pechersky, P. I. (Andrej Pechersky) (1963) *Belye golubi* [White doves] *Mel'nikov-Pecherskij P. I. Sobr. soch.*: v 6 t. [Melnikov-Pechersky P. I. Collected works.: in 6 volumes]. Moscow: Pravda Publ. Vol. 6. Pp. 255–376. (In Russian).

22. Mihnovec, N. G. (2013) «Groza» – «Krotkaya» – «Bespridannica»: istoriya metasyuzheta i problema postizheniya fakta dejstvitel'nosti ["Thunderstorm" – "The Meek" – "Dowry": the history of the meta-plot and the problem of comprehending the fact of reality] *Pechat' i slovo Sankt-Peterburga: Sb. nauchn. trudov. Peterburgskie chteniya–2012. Ch. II. Literaturovedenie* [Press and word of St. Petersburg: Sat. scientific works. Petersburg Readings–2012. Part II. Literary criticism]. St. Petersburg: izd-vo Peterburgskij institut pechati (SPGUTD). Pp. 100–112. (In Russian).

23. Mochulsky, K. V. (1995) *Gogol'. Solov'ev. Dostoevskij* [Gogol. Solovyov. Dostoevsky]. Moscow: Respublika Publ. (In Russian).

24. Reizov, B. G. (1976) «Hozyajka» F. M. Dostoevskogo (k probleme zhanra) ["Mistress" F.M. Dostoevsky (to the problem of the genre)] *Russkaya literatura – Russian Literature*. No. 1. Pp. 144–148. (In Russian).

25. Rozental, T. K. (1919) *Stradanie v tvorchestve Dostoevskogo. Psihogeneticheskoe issledovanie* [Suffering in Dostoevsky's work. Psychogenetic research] *Voprosy izucheniya i vospitaniya lichnosti* [Issues of studying and educating personality]. No. 1. Pp. 88–107. (In Russian).

26. Svitel'sky, V. A. (1978) *Romanticheskaya povest' Dostoevskogo* [Dostoevsky's romantic story] *Individual'nost' pisatelya i literaturno-obshchestvennyj process* [The individuality of the writer and the literary and social process]. Voronezh. Pp. 46–55. (In Russian).

27. Stepanyan, K. A. (2005) «Soznat' i skazat'»: «Realizm v vysshem smysle» kak tvorcheskij metod F. M. Dostoevskogo ["Conscious and say": "Realism in the highest sense" as a creative method of F. M. Dostoevsky]. Moscow: Raritet Publ. (In Russian).

28. Tynyanov, Yu. N. (1921) *Dostoevskij i Gogol' (k teorii parodii)* [Dostoevsky and Gogol (on the theory of parody)]. Petrograd: OPOYAZ Pudl. (In Russian).

29. *Ustav o preduprezhdenii i presechenii prestuplenij Svod zakonov Rossijskoj Imperii* (1876) [Charter on the prevention and suppression of crimes. Code of Laws of the Russian Empire]. St. Petersburg, 1876–1917. Vol. 14: *Ustav o preduprezhdenii i presechenii prestuplenij* [Charter on the prevention and suppression of crimes]. (In Russian).

30. Coy, L. N. (1995) *Problema raskola i narodnyh eresej v tvorchestve Dostoevskogo* [The problem of schism and folk heresies in Dostoevsky's work]. Yakutsk: YAGU. (In Russian)

31. Chulkov, G. I. (1939) *Kak rabotal Dostoevskij* [How Dostoevsky worked]. Moscow: Sovetskij pisatel' Publ. (In Russian).

32. Shimansky, V. M. (1910) *Prestupnyye deyaniya po Ulozheniyu o nakazaniyah ugolovnyh i ispravitel'nyh i Ustavu o nakazaniyah, nalagaemyh mirovymi sud'yami* [Criminal acts according to the Code of Penal and Correctional Punishments and the Charter on Punishments Imposed by Justices of the Peace]. Odessa: tip. akcionernogo YUzhnorusskogo obshchestva pechatnogo dela. (In Russian).

33. Shchapov, A. P. (1906) *Ustavnyye napravleniya russkogo raskola* [Mental directions of the Russian schism] *Sochineniya A. SHCHapova* [Works of A. Shchapov]. St. Petersburg: izd. M. V. Pirozhkova. Vol. 1. Pp. 580–647. (In Russian).

дата получения: 18.02.2023 г.
дата принятия: 06.03.2023 г.
дата публикации: 30.06.2023 г.

date of receiving: 18 February 2023
date of acceptance: 06 March 2023
date of publication: 30 June 2023

Е. И. Колесникова

Формирование и реализация замысла очерка А. А. Блока «Последние дни императорской власти»

Статья посвящена этапам и деталям формирования замысла очерка А. А. Блока «Последние дни императорской власти» в рамках работы Чрезвычайной следственной комиссии (ЧСК) Временного Правительства, а также истории его публикации. Описываются противоречия между юридическими задачами ЧСК и историософскими представлениями Блока о крушении монархии. Цитаты из дневника и записных книжек показывают рефлексию Блока на свою деятельность в ЧСК, а также демонстрируют творческие интенции поэта. Описывается судьба произведения Блока после прерывания работы ЧСК. Рассматриваются две прижизненные публикации произведения под разными заглавиями. Дается характеристика двух наиболее интересных приложений ко второй редакции – письма к царю великого князя Александра Михайловича и записи совещания с А. Д. Протопоповым на квартире М. В. Родзянко. Делается вывод, что очерк Блока можно рассматривать как шаг к формированию жанра «литературы факта», который станет популярным в XX–XXI вв.

Ключевые слова: замысел, жанровые зарисовки, записные книжки, публикация, архивные документы, документальная литература.

Для цитирования: Колесникова Е. И. Формирование и реализация замысла очерка А. А. Блока «Последние дни императорской власти» // Art Logos (искусство слова). – 2023. – № 2. – С. 32–47. DOI 10.35231/25419803_2023_2_32

В статье рассматривается история зарождения и реализации замысла исторического очерка А. А. Блока «Последние дни императорской власти». Поскольку содержательную основу составляют исторические факты в переломную эпоху, это произведение становилось объектом внимания в основном историков и юристов. Исследователями этих специальностей были сделаны важные наблюдения по уточнению содержания исторических событий и роли

отдельных политиков и правомерности принимаемых ими решений (А. Я. Аврех, Б. Д. Гальперина, Г. З. Иоффе, Б. Ф. Ливчак, Н. Пирумова и К. Шаццлло, Л. В. Черепнин и др.). В работе Б. Ф. Ливчак впервые приведены архивные документы ЧСК [12]. Практически все из названных исследователей учитывали вклад А. Блока в работу ЧСК как историка. Хотя при этом зачастую отмечалось, что именно «мастерство Блока-художника, органически сливаясь с его пронизательностью историка, позволяло ему воссоздать события» [12, с. 249].

Научное поле последующих лет заполняла историческая дискуссия о роли ЧСК. Так, начиная с 1920-х гг., установилось мнение, что комиссия не исполнила своей задачи, ее члены «много поработали для истории <...> но ничего не сделали для актуальной политической жизни 1917 г.» [20, с. 20]. Современный подход к деятельности ЧСК и, в частности, Блока обрел бóльший объем за счет вновь опубликованных документов [см.: 11; 17 и др.]. Большой источниковедческий вклад внесли работы Перегудовой, где представлены документы ЧСК не только из российских, но и зарубежных архивов.

Но исследований, отражающих влияние работы Блока в ЧСК на его художественное сознание, до сих пор очень мало. Изучению послереволюционной биографии и творчества поэта посвящена монография Е. В. Ивановой «Александр Блок: последние годы жизни» [11], где в отдельной главе рассмотрен этот этап биографии Блока, опубликованы новые архивные материалы. В монографии Д. М. Магомедовой «Комментируя Блока» [15] исследованы принципы включения в произведения поэта «чужого слова», что дает методологическую основу для характеристики принципов использования документов (в основном протоколов допросов заключенных) и устных свидетельств участников событий при создании очерка. Художественному потенциалу очерка – возможным жанровым формам и развитию сюжетных линий посвящена статья О. А. Кузнецовой «"Последние дни императорской власти" А. А. Блока: жанровая природа и авторское начало» [13].

Материалы и методы

В статье используются материалы из архива ИРЛИ РАН: первый вариант очерка под названием «Последние дни старо-

го режима» – автограф, гранки первой публикации в журнале «Былое» с правкой, авторизованная машинопись. В основе статьи лежит историко-литературный и биографический методы исследования. Актуальность предлагаемой статьи связана с необходимостью осмысления места очерка в творческой биографии Блока с учетом сохранившихся архивных документов в Пушкинском Доме, уточнения его жанровых особенностей. Научная новизна работы обусловлена систематизацией исторических изысканий, связанных с этапом служебной деятельности Блока в составе ЧСК и их проекцией на его художественное видение происходящего.

Результаты

Появление очерка обязано службе Блока в составе Чрезвычайной следственной комиссии (далее ЧСК) с 8 мая 1917 по январь 1918 года, где поэт редактировал стенограммы протоколов допросов. Предложение «*быть одним из редакторов (это значит, сидеть в Зимнем дворце и быть в курсе всех дел)*» [5, VIII, с. 481] было получено поэтом еще в марте во время отпуска с Западного фронта Первой мировой войны.

Подготовленные редакторами материалы должны были лечь в основу отчета Учредительному собранию по «расследованию противозаконных по должности действий» царского правительства [6, с. 2]. Это распоряжение содержалось в «Указе Временного Правительства правительствующему сенату» за подписями «Министра-Председателя кн. Львова и Министра юстиции А. Керенского» [6, с. 2] и было опубликовано сразу на следующий день после организации Чрезвычайной следственной комиссии, в том же номере, где были помещены манифесты об отречении Николая II и вел кн. Михаила Александровича.

ЧСК состояла из квалифицированных юристов, ученых, политиков. Впоследствии были привлечены писатели. Ко времени поступления Блока на службу, 25 апреля на Президиуме ЧСК было уже было принято решение «О подготовительной работе по изданию трудов Комиссии»: «в части “политического расследования”, так и в части, которая должна лечь в основание “криминальных выводов”»¹. То есть, замысел будущего произведения поэта диктовался производственным заданием.

¹ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 822. Л. 5–6 об.

Как свидетельствуют архивные документы, в своем докладе 25 мая 1917 г. председатель комиссии Н. К. Муравьев выступил с проектом концепции будущего отчета¹. Главное противоречие состояло в том, что комиссия носила судебно-следственный характер, а собранные документы давали картину общегосударственного кризиса. После продолжительного обсуждения было решено, что должно быть сформулировано как обвинительное заключение высшим сановникам, так и дана оценка всему монархическому строю в целом. Блок же полагал, что ему выпало видеть и слышать то, *«то, чего почти никто не видит и не слышит, что немногим приходится наблюдать раз в сто лет»* [5, VIII, с. 491], а потому предполагал другое воплощение собранных фактов: *«Будущий отчет он видел, скорее, как некий публицистический, эмоционально насыщенный документ, подчиненный не столько идее суда и возмездия, сколько постижению исторического опыта»* [11, с. 81].

Эта коллизия будет продолжаться в течение всего времени работы ЧСК, и на каждом этапе обсуждения Блок будет отстаивать свое видение содержания итогового текста. О том, насколько внимательно следил поэт за формированием плана отчета и как его оценивал, свидетельствуют заметки конца мая в записной книжке. Так, упомянутое заседание от 25 мая зафиксировано в тот же день: *«Обсуждение будущего отчета»* [2, с. 346], на следующий день, 26 мая, Блок уточнил: *«... Я был прав, не составив вчера плана»*. 28 мая упоминается о *«разных соображениях об издании стенографических отчетов»*. И далее: *«... соображения об издании стенографических отчетов»* [2, с. 350].

Пребывание Блока в ЧСК отразилось в его записных книжках и дневниках, содержательно распределившись по нескольким направлениям: наблюдение за окружающими людьми и происходящими событиями острым взглядом художника; редакция стенограмм, выработка совместно с комиссией плана будущего отчета; и собственно написание очерка. Блок участвовал в повседневной работе, редактируя стенограммы допросов, которые происходили в том числе в камерах заключенных. Поэт наблюдал быт, характеры коллег по комиссии, а также поведение арестованных, о чем регулярно

¹ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 9. Л. 9–10 об.

им делались дневниковые записи в виде жанровых зарисовок и портретных характеристик:

28 мая. <...> Коммуна Зимнего дворца – чай с вареньем. Все усталые, и все тревожны все-таки. Замечательные рассказы Руднева о Распутине (специалист по «темным силам»), Распутин гулял в молодости; потом пошло покаянье и монастыри. Отсюда и стиль – псалтири много. Третий и последний период – закрутился с господами. Ни с императрицей, ни с Вырубовой он не жил. О Вырубовой – ужасные рассказы И. И. Манухина (солдаты; ее непричастность ни к чему; почему она «так» себя ведет...) [2, с. 350].

Подобные наблюдения закладывали основу нового художественно-документального жанра («литературы факта»), который станет популярным в XX–XXI вв. Но главным делом по-прежнему оставалось редактирование стенограмм, о чем также делались регулярные записи с мая по сентябрь.

20 июня 1917 г. Блок сделает пространные записи об отчете и отметит тот особый пафос, которым, по его мнению, должен быть пронизан будущий текст:

«Все эти дни я думал о заседании по поводу отчета <...> отчет должен быть проникнут революцией <...> отчет ее должен быть чрезвычайным. Он должен соединить в себе деловую точку зрения с революционным призывом. Отчет <...> должен быть проникнут весь, с начала до конца, русским революционным пафосом, который отражал бы в себе всю тревогу, все надежды и весь величавый романтизм наших дней» [2, с. 365].

Редакторская рутинная работа шла своим чередом. К июню было готово более 2000 стенограмм, и они срочно готовились к изданию. В связи с этим, по настоянию Блока, были привлечены писатели и переводчики: Л. Я. Гуревич, М. П. Миклашевский (псевд. Неведомский) и В. Н. Княжнин (наст. фам. Ивойлов). Оформление материалов в отчетные формы требовало выработки документальной системы, чем комиссия долго и безуспешно занималась все первые месяцы, и на что Блок затратил немало сил и времени. Энтузиазм его постепенно угасал.

22 июня. «Бестолковое совещание с утра в Зимнем дворце. Завтра – опять. По-моему, ничего не выйдет» [5, VII, с. 267].
23 июня «На заседание я решил не идти. В нашей редакционной

комиссии революционный дух не присутствовал. Революция там не ночевала» [5, VII, с. 268].

28 июня было принято постановление о характере отчета ЧСК. Проект плана включал следующие разделы:

- I. Носители верховной власти. II. Безответственные силы, их влияние на носителей верховной власти. III. Ответственные лица (министры и т.д.). IV. Общая характеристика правительственной власти (верховная власть и министерства, общее отсутствие плана, правонарушения как система, провокация и т.п.). V. Борьба с народом:
- а) По общему управлению: 1. Борьба с Государственной Думой и Государственным Советом. 2. Борьба с общественным движением. 3. Борьба с печатью. 4. Борьба с общественными организациями. 5. Организация "черных сил" внутри страны (Союз русского народа). 6. Стремление к государственному перевороту, б) По отдельным министерствам: 1. Министерство юстиции. 2. Министерство внутренних дел, департамент полиции. 3. Главное управление по делам печати. VI. Война и правительство: 1. Общие замечания (Развал власти). 2. Министерство иностранных дел. 3. Военное министерство. 4. Министерство земледелия. VII. Революция и правительство. В. Общие итоги¹.

О бесконечном количестве заседаний, посвященных обсуждению этого плана-отчета, свидетельствуют дневниковые записи конца июня – начала июля: [5, VII, с. 270–272, 274–275]. Но несмотря на многочисленные обсуждения, план отчета так и не обрел точных очертаний. 6 июля Блок также отметит, что план все еще отсутствует, а мнений по-прежнему много. Одновременно с содержанием, Блок обдумывал способ и форму подачи будущего текста: «Мыслится русская речь, немногословная, спокойная, важная, веская, понятная... Такую речь поймет народ ...а популяризации – не поймет» [5, VII, с. 276].

Еще одним поводом для споров для ЧСК был юридический статус бывшего монарха: подлежит ли его деятельность расследованию? Часть радикально настроенных членов Комиссии настаивала на привлечении Николая II к суду. Им возражали консерваторы. Неясность была связана также и с этическими моментами. Рассматривался, например, вопрос об обыске царя. Но, как описывает бывший член ЧСК А. Ф. Романов, эта ситуация разрешилась его собственной инициативой: «Особенно ценный материал дала переписка

¹ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 222. Л. 64.

Государя. Лево́й частью комиссии был возбужден вопрос о производстве обыска у Государя. Остальные члены президиума самым решительным образом протестовали против такой меры и одержали верх. Между тем Муравьев, через революционного коменданта Царскосельского дворца на-мекнул Государю <...> о желательности в целях выяснения деятельности министров, получить всю имеющуюся у него переписку. Государь <...> собственноручно разложил все письма и документы в конверты, сделал на каждом из них надпись <...> и прислал все в Комиссию» [18, с. 8].

Вслед за этим комиссия размышляла о степени вторжения в частную жизнь подследственных: что из личных документов можно предавать огласке? По этому поводу Блок сделал запись 21 июля:

А. С. Тагер умно и жестоко говорит, что в целях (не только юридически) совершенно возможно печатать даже автобиографию, даже письма из перлюстрации. <...> Мы этого не сделаем; мой вывод, что мы поступим мягко и тактично, соответственно с политическим моментом, требующим, чтобы не возникали всё новые обвинения против нового режима... [5, VII, с. 285–286].

25 июля Блок отметит сразу две сложности будущего очерка. С одной стороны, ему надо было выработать способ введения «чужого текста», поскольку предстояло соединить множество мнений, высказываний, свидетельств. Здесь он склонялся к компромиссу. Несмотря на то, что Блок виртуозно владел различными способами обработки и введения в свои произведения «чужого слова» [15], но ему предстояло иметь дело с совершенно новым видом источников, выработать приемы включения различных документальных свидетельств в единый текст. Необходимо было определить жанрово-содержательные рамки («...или – большое исследование, исследование свободное, <...> пользующееся всем богатейшим матерьялом; или – доклад политический, сжатый, обходящий подробности во имя главной цели (обвинение против старого строя в целом)». В процессе письменных размышлений поэт делает выбор: «Я останавливаюсь <...> на последней форме» [5, VII, с. 287].

Блок по-прежнему предполагал охватить события масштабно-исторически, предлагая в отчете прежде все-

го осветить приговор всей монархии, а не отдельным лицам. Данный подход зафиксирован в "Протоколе стенографической подкомиссии № 1: "Это должна быть не историческая работа, но доклад, распадающийся на две части: 1) материалы по докладу и 2) доклад в тесном смысле этого слова", т.е. <...>"короткий сравнительно очерк, выявляющий то самое яркое в политическом отношении, что нашла комиссия"¹.

Но после назначения С. Ф. Ольденбурга² министром просвещения, в составлении предложил концепции отчета его заменил профессор истории Е. В. Тарле³, который, по словам Блока, предложил «серую, ничем не освещенную изнутри» программу [4, VII, с. 291], на самом деле – более академическую по форме, но идущую вразрез с предложениями Блока. В результате отчетный доклад решили разделить на криминально-судебную и политическую части. Один из недатированных вариантов более детализированного плана, составленного Тарле и записанный рукой Блока, опубликовала Е. В. Иванова [11, с. 81–82]. По ходу работы план продолжал меняться многократно.

О сложностях работы и невнятности ее цели свидетельствует запись: «...Чрезвычайная следственная комиссия изживает свой век...» [5, VIII, с. 7]. На этом психологическом фоне Блок получает задание написать свою часть отчета по плану, составленному Тарле: «1 августа. Заседание в Комиссии <...> Я, по-видимому, беру, кроме "Протопопова", "Последние дни старого режима"» [2, с. 241–241].

В августе 1917 г. Блок приступил к написанию очерка, который рассматривался как вводная часть будущего отчета Чрезвычайной комиссии. Продолжая развивать свою концепцию, «он доказывал, что уже имеющиеся в распоряжении комиссии материалы не укладываются в жесткие рамки собственно юридического рассмотрения, а оказываются неожиданно яркими с точки зрения бытовой, психологической, литературной, даже с точки зрения языка» [10, с. 359].

Помимо знакомства с документами ЧСК, Блок вел подборку из прессы, о чем свидетельствует запись от 3 августа 1917 г.: «Весь день составляю по газетам канву из известного

¹ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 220. Л. 1–2.

² Сергей Федорович Ольденбург (1863–1934) – академик-востоковед, сотрудник ЧСК.

³ Тарле Евгений Викторович (1874–1955) – историк, академик АН СССР.

политического матерьяла, для того чтобы расширять потом по ней узоры матерьялов, добытых Комиссией (сегодня и вчера вечером – с декабря до половины января 1917)» [2, с. 242]. В личном архиве поэта (ИРЛИ) имеются многочисленные вырезки из газет. Только за 1917 г. им были сохранены вырезки из таких изданий, как газета «Знамя труда», «Красная газета», «Народоправство», «Речь», «Российский гражданин», «Русская Воля», журнал «Красный милиционер и культура» и др. Медийно-публицистическая информация добавляла живые детали к документальным источникам и помогала ориентироваться в недавно происшедших событиях. Как автор официального отчета Блок был связан формальными рамками, которые продолжали уточняться, о чем свидетельствуют многочисленные августовские записи об их коллективных обсуждениях: «5 августа 1917. Заседание во дворце, из частей которого для меня стали немного выясняться контуры моей будущей работы. Вместе с тем, я чувствую величайшую ответственность, даже боюсь несколько» [2, с. 243–244]; 18 августа 1917: «Доклад председателю. Споры с секретарями <...> Программа моей главы» [2, с. 248]; 19 августа 1917: «Я передал Тарле программу своей главы и список намеченных допросов» [2, с. 248] и др.

Е. В. Иванова опубликовала записку Блока в ЧСК от 13 октября 1917 года, где перечислены 25 из 88 «стенографических отчетов допросов», которые Блок собирался использовать в своем сочинении, с припиской, на чьих показаниях будет строиться каждый сюжет [11, с. 83–84]. В Пушкинском Доме сохранился документ ЧСК от 2 ноября, в котором Блока просили завершить порученную ему работу к 1 декабря¹. Фактически Блок покинул ЧСК до ее распада. 7 сентября он сдал свои редакторско-стенографические дела В. Н. Княжнину, введенному в число редакторов ЧСК. После отстранения от власти Временного Правительства ее деятельность еще некоторое время продолжалась. Последний допрос состоялся 11 октября, последние заседания подкомиссии по составлению отчета – 14 и 17 октября. Но Блок в них уже не участвовал, что зафиксировано в материалах ЧСК². Официально его служба в ЧСК завершилась 10 ноября, но он продолжал и далее ра-

¹ ИРЛИ. 654. Оп. 5. Ед. хр. 27. Л. 14.

² ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 22. Л. 30–31.

ботать над порученной ему частью отчета Комиссии Учредительному собранию, прекратившему существование в ночь с 6 на 7 января 1918 г. Работа непосредственно над текстом главы для отчета под названием «Последние дни старого режима» продолжалась с августа 1917 по апрель 1918 г. Текст перестал носить сугубо официально-деловой характер и отражал накопившиеся наблюдения и размышления поэта. «... Под его мастерским пером воскресают портреты царских министров и чиновников, образующих целую галерею ушедших, хотя и не погребенных мертвецов. <...> Картина разложения всей верховной клики, начиная с Царя, оставляет сильное и незабываемое впечатление» [19, с. 357].

Обсуждение и выводы

29 марта 1918 г. Блок зафиксировал: «*“Последние дни старого режима”* окончены вчерне» [2, с. 397]. Но работа продолжилась: «2 апреля 1918. *“Последние дни старого режима”*. Кое-что сделано» [2, с. 397]. 3 апреля 1918 года уже отправил ее в Академию наук С. Ф. Ольденбургу, возглавлявшему редакционную комиссию ЧСК: «Из Академии наук – две стенограммы (передать мои книги С. Ф. Ольденбургу и четыре стенограммы для хранения в Академии наук) и статья *“Последние дни старого режима”*, которую кончил сегодня» (3 апреля 1918. – Е. К.). После ознакомления академик Ольденбург вернул рукопись, с пожеланием: «...коснуться нескольких слов, нарушающих общий летописный тон» [2, с. 398–399]. Как видим, Ольденбург поддержал летописно-хроникальную манеру Блока и даже посоветовал не отступать от избранного стиля повествования.

Данные материалы хранятся в Пушкинском Доме, в папке из тонкого картона сиреневого цвета. Рукопись очерка с многослойной правкой, здесь же – печатные листы из ж. «Былое» с правкой и машинопись с правкой. На обложке – блоковская надпись, имеющая технический характер, но отражающая усилия поэта по завершению начатого произведения и фиксирующая движение рукописи:

1917–1918. Последние дни старого режима. (Рукопись – содержание + стр. 53+66+Приложения I–VII). Перепечатывать надо в 4х экземплярах. При переписывании надо все слова писать полностью. Новая строка, <где

неясно> отмечено знаком Л. Окончена и послана С. Ф. Ольденбургу 3. IV (21.III) 1918. Взята обратно для исправления по указ<аниям> С. Ф. О <льденбурга> 8. IV (большая часть красного карандаша к первой части). Вновь отдана – в переписку 19 (6) IV. Прислана из переписки 27 (14) IV. В статью (без приложений) + печ. листа (ок<оло> 162000 букв, считая типографские промежутки)¹.

Здесь же хранится пустая папка, переданная уже после смерти Блока, с надписью А. А. Кублицкой-Пиоттух: «В помещение Пушкинского Дома Российской Академии Наук. От Ал. Блока: просьба – приложить пакет к стенограммам Чрезвычайной Следственной Комиссии для расследования противозаконных по должности действий бывших министров (1917 года). Здесь находятся некоторые деловые документы и матерьялы для части Отчета Учредительному Собранию, могущие впоследствии представить некоторый интерес»².

М. А. Бекетова вспоминала об этом периоде, отмечая, что рукопись потеряла «первоначальное значение и осталась у него на руках, как исторический материал. Сдав работу и документы, он передал статью Щеголеву...» [1, с. 172]. П. Е. Щеголев, который параллельно с работой в ЧСК редактировал журнал «Былое», вызвался опубликовать очерк, о чем свидетельствует дневниковая запись Блока: «23 декабря 1918. Телефон от Щеголева. Сегодня или завтра придут за “Последними днями старого режима”» [2, с. 441]. Возможно, поэт не сразу определился с местом публикации очерка, поскольку дата завершения работы – 3 апреля 1918 г., а передача в редакцию произошла лишь 23 декабря [2, с. 441].

Выход журнала задержался на год, что до сих пор сказывается в обозначении исследователями даты публикации, поскольку на обложке журнала значится 1919 г. Но вот запись Блока от 8 октября 1920 г.: «Около 5-ти Щеголев принесет “Былое” (№ 14 и 15)...» [2, с. 504]. Вариант очерка, опубликованный в «Былом» [4], сохранял название, принятое ЧСК для VII раздела отчета Учредительному собранию: «Последние дни старого режима». Но на листах очерка из этого журнала,

¹ ИРЛИ. Ф. 654. Оп.1. № 212. Л. 1.

² ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 5. Ед. хр. 55.

хранящихся в Пушкинском Доме¹, где велась правка для будущей книжной публикации, виден выбор заглавия: старое заглавие было зачеркнуто.

О несвоевременном выходе журнала свидетельствует также рецензия С. Я. Штрайха: «В новой, только что вышедшей после годичного перерыва книжке «Былого» есть много очень интересного материала. Открывается книжка большим содержательным очерком А. А. Блока о «Последних днях старого режима». Штрайх также отметил: «Умело использовать такой глубоко драматический материал, как документы о конвульсиях издыхающего царизма не всякому под силу. А. А. Блок <...> выбрал почти одно только типичное для характеристики отжившего строя, отверг все анекдотическое, все пестро глумящее, все бульварно-манящее». В рецензии Штрайха была высказана рекомендация «издать эту статью А. А. Блока отдельной книжкой как прекрасный очерк событий, вызвавших крушение императорской власти, написанный к тому очень просто и общедоступно» [21, с. 4].

В 1921 г. очерк вышел отдельной книгой в издательстве «Алконост» под названием «Последние дни императорской власти». В подзаголовке значилось: «По неизданным документам составил Александр Блок» [3]. Книга увидела свет незадолго до смерти поэта, однако он успел получить ее на руки, о чем свидетельствует подпись на корректуре: «Получ<ил> 17/XI-21». Этот экземпляр хранится в библиотеке поэта (Пушкинский Дом) под № 717.

В книгу издательства «Алконост» были включены шесть приложений. Ни одно из существующих собраний сочинений поэта эти приложения не публиковало. Сам очерк впервые был включен в восьмитомное собрание сочинений [5, VI].

Наиболее интересно первое приложение, которое содержит письмо великого князя Александра Михайловича к Николаю II. Неизвестно, был ли Блок знаком с подлинником этого документа, хранящегося сейчас в ГАФР, представляющего собой машинопись с правкой и автографом Николая II². В материалах, переданных Блоком в Пушкинский Дом, – машинописная копия письма. По всей видимости, публикацию письма

¹ ИРЛИ. Ед. № 212. Л. 122–145 об.

² ГАФР. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1143. Л. 80–85 (Авторизованная машинопись).

Блок произвел именно с этой копии, о чем свидетельствует запись, ее заверяющая: «С подлинником верно. Подпись»¹, а также характерные отличия копии от подлинника (разница в знаках препинания, написании строчных и заглавных букв и пр.), перенесенные в текст книги.

С точки зрения характеристики медийной обстановки в стране, интересно пятое приложение, содержащее псевдостенограмму заседания на квартире Родзянко, сделанную П. Н. Милюковым (1859–1943) в 1916 г. Сюжет направлен на описание неадекватного поведения министра внутренних дел А. Д. Протопопова (1866–1918). Запись сделана постфактум, по памяти, но имела огромный резонанс. Она разошлась в устных пересказах и письменных копиях, упоминалась в прессе, многочисленных воспоминаниях, например, Милюкова [16], экземпляр машинописи имеется в фонде Родзянко² (эта запись отмечена в также в протоколе его допроса [22, с. 145–146]), также следы памятного заседания на дому у Родзянко можно обнаружить в архиве Андрея Белого³. Упоминание «стенограммы “чашки чая”» встречаем в воспоминаниях З. Н. Гиппиус от 29 октября 1916 г. [8, с. 307], также в ее дневнике [9, с. 431]. Имелся экземпляр и в распоряжении ЧСК. Казалось бы, вольное изложение незначительного события стало объектом внимания стольких лиц. Вероятно, для Блока важно было включением этого текста отразить ту неформальную информационную обстановку в обществе, которая закольцовывала сюжет, открывающийся метафорой «болезни», поразившей тело России, «которая уже не могла ни пройти сама, ни быть излеченной обыкновенными средствами, но требовала сложной и опасной операции» [3, с. 7]. Т.е. начальный и конечный элементы кольцевой композиции, демонстрирующие авторский взгляд на эпоху, лишены документальности и развернуты в сторону художественно-публицистического повествования. Как справедливо заметила О. А. Кузнецова, «перед Блоком стояла непростая задача – облечь документальный материал живого, еще не завершившегося исторического процесса в соответствующую жанровую форму. Ему удалось создать сложное полифоническое по-

¹ ИРЛИ. Ф. 654. Оп.1. № 212. Л. 152.

² ГАРФ. Ф. 605. Оп. 1. Ед. хр. 127.

³ НИОР РГБ. Ф. 25. К. 33. Ед. хр. 18.

лотно, где звучат голоса участников и свидетелей последних дней императорской власти. Поэт выступает здесь дирижером оркестра, предоставляя то одному, то другому исполнителю право на сольную партию» [13, с. 108].

Таким образом, служебное пребывание Блока в составе ЧСК дало возможность наблюдать за поведением высших чиновников и приближенных к царской семье; обеспечило доступ к массиву документов эпохи; заставило поэтапно отстаивать свое видение происходящего и формы его письменного воплощения. Обращение к очерку «Последние дни императорской власти» позволяет уточнить несколько важных аспектов: увидеть глазами современника исторические детали на переломном этапе; дополнить принципы введения в документально-публицистический текст «чужого слова»; выявить отношение Блока к происходившим событиям. Важным представляется опыт поэта в соединении документального материала с художественно-обобщенным отражением переломной эпохи. Подобный подход давал выход последующей литературе к жанру «литературы факта», соединяющему историческую подлинность с субъективными эмоциональными оценками.

Список литературы

1. Бекетова М. А. Воспоминания об Александре Блоке. – М.: Правда, 1990. – 672 с.
2. Блок А. Записные книжки, 1901–1920. – М.: Худож. лит., 1965. – 664 с.
3. Блок А. А. Последние дни Императорской власти. По неизданным документам сост. Александр Блок. – Пг.: Алконост, 1921. – 168 с.
4. Блок А. А. Последние дни старого режима // Былое. – 1920 (1919). – № 15. – С. 3–50.
5. Блок А. А. Собрание сочинений: В 8 т. / Под общ. ред. В. Н. Орлова [и др.]. – М.; Л.: Гослитиздат [Ленингр. отд-ние], 1960–1963.
6. Вестник Временного правительства. – 1917. – № 5.
7. Гальперина Б. Д. Аполлон в плену у Клио: О работе Блока в Чрезвычайной следственной комиссии // Аврора. – 1970. – № 11. – С. 59–64.
8. Гиппиус. З. Н. Стихотворения; Живые лица. – М.: Худож. лит., 1991. – 470 с.
9. Гиппиус З. Н. Дневники: В 2 кн. – М.: Интелвак, 1999.
10. Емельянов Ю. Н. Поэт Александр Блок и Чрезвычайная следственная комиссия 1917 г. // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.). К 80-летию члена-корреспондента РАН В. И. Буганова: сборник статей / отв. ред. Н. М. Рогожин. – М., 2012. – С. 344–365.
11. Иванова Е. В. С. Александр Блок: последние годы жизни. – СПб.: Росток, 2012. – 604 с.
12. Иоффе Г. Александр Блок как историк падения монархии (К 90-летию Февральской революции) // Новый журнал (Нью-Йорк). – 2007. – № 246. – С. 234–252.
13. Кузнецова О. А. «Последние дни императорской власти» А. А. Блока: жанровая природа и авторское начало // Русская литература. – 2020. – № 4. – С. 100–108.

14. Ливчак Б. Ф. Чрезвычайная следственная комиссия глазами А. Блока // Вопросы истории. – 1977. – № 2. – С. 111–123.
15. Магомедова Д. М. Комментируя Блока. – М.: РГГУ, 2004. – 112 с.
16. Милюков П. Н. Воспоминания. В 2-х т. – М.: Политиздат, 1990. – Т. 2. – 528 с.
17. Перегудова З. И. Деятельность комиссий Временного правительства и советских архивов по раскрытию секретной агентуры царской охранки // Отечественные архивы. – 1998. – № 5. – С. 10–22.
18. Романов А. Ф. Император Николай II и его правительство // Русская летопись. – 1922. – Кн. 2. – С. 1–38.
19. Черепнин Л. В. Исторические взгляды классиков русской литературы. – М.: Мысль, 1968. – 383 с.
20. Черновский А. Союз русского народа: По материалам Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства 1917 г. – М.; Л.: Гос. изд-во, 1929. – 444 с.
21. [Штрайх] С. Я. [Рецензия] // Жизнь искусства. – 1920. – № 574. – 5 октября. – С. 4.
22. Щеголев П. Е. Падение царского режима. В. 7 т. – Л.: Гос. изд-во, 1927. – Т. 7. – 481 с.

Elena I. Kolesnikova

Formation and Implementation of the Plan of A. A. Blok's Essay "The Last Days of Imperial Power"

The article is devoted to the stages and details of the formation of the plan, as well as the history of the publication of the essay by A. A. Blok "The Last Days of Imperial Power." The contradictions between the legal tasks of the Extraordinary Commission of Inquiry and the historiosophical ideas of the Bloc on the collapse of the monarchy are described. The poet's reflections in the diary and notebooks as a reflection of the main directions of the CHSK's work. Blok's essay as a first step toward shaping the genre of "fact literature." The article is based on the materials of the IRLI RAS – the first version of the essay entitled "The Last Days of the Old Regime" – autograph, proofreading of the first publication in the journal "Past" with editing, authorized typewriter IRLI; materials of the State Archive of the Russian Federation. It is concluded that Blok's essay can be considered as a step towards the formation of the genre of "fact literature," which will become popular in the 20th-21st centuries.

Key words: plan, genre sketches, editing interrogation protocols, notebooks, publication, archival documents.

For citation: Kolesnikova, E. I. (2023) Formirovanie i realizaciya zamysla ocherka A. A. Bloka "Poslednie dni imperatorskoj vlasti" [Formation and implementation of the plan of A. A. Blok's essay "The Last Days of Imperial Power"]. *Art Logos – The Art of Word*. No. 2. Pp. 32–47. (In Russian). DOI 10.35231/25419803_2023_2_32

References

1. Beketova, M. A. (1990) *Vospominaniya ob Aleksandre Bloke* [Memories of Alexander Blok]. Moscow: Pravda Publ. (In Russian).
2. Blok, A. (1965) *Zapisnye knizhki, 1901–1920* [Notebooks, 1901–1920]. Moscow: Hudozhestvennaya literatura. (In Russian).
3. Blok, A. A. (1921) *Poslednie dni Imperatorskoj vlasti. Po neizdannym dokumentam sost. Aleksandr Blok* [The Last Days of Imperial Power. According to unpublished documents comp. Alexander Blok]. Petrograd: Alkonost Publ. (In Russian).

4. Blok, A. A. (1920) *Poslednie dni starogo rezhima* [The Last Days of the Old Regime] *Byloe – Past*. No. 15. Pp. 3–50. (In Russian).
5. Blok, A. A. (1960–1963) *Sobranie sochinenij: V 8 t. Pod obshch. red. V. N. Orlova* [Collected works: In 8 vols.; general. ed. V. N. Orlov]. Moscow; Leningrad: Goslitizdat [Leningr. otd-nie] Publ. (In Russian).
6. *Vestnik Vremennogo pravitel'stva* (1917) [Bulletin of the Provisional Government]. No. 5. (In Russian)
7. Gal'perina, B. D. (1970) *Apollon v plenu u Klio: O rabote Bloka v CHrezvychajnoj sledstvennoj komissii* [Apollo Captured by Clío: On Blok's Work in the Extraordinary Commission of Inquiry]. *Aurora – Aurora*. No. 11. Pp. 59–64. (In Russian).
8. Gippius, Z. N. (1991) *Stihotvoreniya; ZHivye lica* [Poems; Live faces]. Moscow: Hudozh. lit. Publ. (In Russian).
9. Gippius, Z. N. (1999) *Dnevnik: V 2 kn.* [Diaries: In 2 books]. Moscow: Intelvak Publ. (In Russian).
10. Emel'yanov, Yu. N. (2012) *Poet Aleksandr Blok i CHrezvychajnaya sledstvennaya komissiya 1917 g.* [Poet Alexander Blok and the Extraordinary Investigative Commission of 1917] *Issledovaniya po istochnikovedeniyu istorii Rossii (do 1917 g.). K 80-letiyu chlena-korrespondenta RAN V. I. Buganova: sbornik statej / otv. red. N. M. Rogozhin* [Research on the source study of the history of Russia (until 1917). On the occasion of the 80th anniversary of Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences V. I. Buganova: collection of articles / ed. N. M. Rogozhin]. Moscow. Pp. 344–365. (In Russian).
11. Ivanova, E. V. (2012) *Aleksandr Blok: poslednie gody zhizni* [Alexander Blok: the last years of life]. St. Petersburg; Rostok Publ. (In Russian).
12. Ioffe, G. (2007) *Aleksandr Blok kak istorik padeniya monarii (K 90-letiyu Fevral'skoj revolyucii)* [Alexander Blok as a historian of the fall of the monarchy (On the 90th anniversary of the February Revolution)] *Novyy zhurnal (N'yu-Jork) – New Journal (New York)*. No. 246. Pp. 234–252. (In Russian).
13. Kuznecova, O. A. (2020) «*Poslednie dni imperatorskoj vlasti*» A. A. Bloka: zhanrovaya priroda i avtorskoe nachalo [“The Last Days of Imperial Power” by A. A. Blok: genre nature and the author's beginning] *Russkaya literature – Russian Literature*. No. 4. Pp. 100–108. (In Russian).
14. Livchak, B. F. (1977) *CHrezvychajnaya sledstvennaya komissiya glazami A. Bloka* [Extraordinary Commission of Inquiry through the eyes of A. Blok] *Voprosy istorii – Questions of history*. No. 2. Pp. 111–123. (In Russian).
15. Magomedova, D. M. (2004) *Kommentiruya Bloka* [Commenting on Blok]. Moscow: RGGU Publ. (In Russian).
16. Milyukov, P. N. (1990) *Vospominaniya. V 2-h t.* [Memories. In 2 vols.]. Moscow: Politizdat Publ. (In Russian).
17. Peregodova, Z. I. (1998) *Deyatel'nost' komissij Vremennogo pravitel'stva i sovetских архивов po raskrytiju sekretnoj agenturycarskoj ohranki* [Activities of the commissions of the Provisional Government and Soviet archives to disclose the secret agents of the tsarist secret police] *Otechestvennye arhivy – Domestic archives*. No. 5. Pp. 10–22. (In Russian).
18. Romanov, A. F. (1922) *Imperator Nikolaj II i ego pravitel'stvo* [Emperor Nicholas II and his] *Russkaya letopis'. Government – Russian chronicle*. Kn. 2. Pp. 1–38. (In Russian).
19. CHerepnin, L. V. (1968) *Istoricheskie vzglyady klassikov russkoj literatury* [Historical views of the classics of Russian literature]. Moscow: Mysl' Publ. (In Russian).
20. CHernovsky, A. (1929) *Soyuz russkogo naroda: Po materialam CHrezvychajnoj sledstvennoj komissii Vremennogo pravitel'stva 1917 g.* [Union of the Russian people: Based on the materials of the Extraordinary Investigation Commission of the Provisional Government of 1917]. Moscow; Leningrad: Gos. izd-vo. (In Russian).
21. [SHtrajh] S. YA. [Review] (1920) *ZHizn' iskusstva – Life of art*. No. 574. 5 oktyabrya. P. 4. (In Russian).
22. SHCHegolev, P. E. (1927) *Padenie carskogo rezhima* / ed. P. E. SHCHegolev. V 7 t. [The fall of the tsarist regime. In 7 volumes.]. Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo. (In Russian).

дата получения: 20.02.2023 г.
дата принятия: 04.03.2023 г.
дата публикации: 30.06.2023 г.

date of receiving: 20 February 2023
date of acceptance: 04 March 2023
date of publication: 30 June 2023

Н. Н. Кознова

Авторские приемы литературного портретирования в критических работах К. Мочульского

В статье рассматриваются профессиональные приемы литературного критика К. Мочульского. Устанавливается, что в своих работах критик не только обращался к аналитическому разбору того или иного произведения, но старался создать творческий портрет писателя, предоставив читателю возможность пристальнее рассмотреть личность художника слова, ощутить его внутренний мир. Делается вывод о том, что литературное портретирование является отличительной чертой индивидуального стиля Мочульского-критика, что позволяет получить более полное представление о личности критика, его эстетических взглядах и мировоззренческой позиции.

Ключевые слова: К. Мочульский, литературная критика, литературное портретирование.

Для цитирования: Кознова Н. Н. Авторские приемы литературного портретирования в критических работах К. Мочульского // Art Logos (искусство слова). – 2023. – № 2. – С. 48–59. DOI 10.35231/25419803_2023_2_48

Константин Васильевич Мочульский – выдающийся критик первой половины XX века, автор блестящих монографий о Гоголе, Достоевском, Блоке, Вл. Соловьеве. Его перу принадлежат многочисленные статьи, эссе, рецензии, заметки, посвященные русской литературе и ее выдающимся создателям. Большая часть из написанного критиком была размещена на страницах прессы Русского зарубежья (в основном в парижских газетах и журналах). В Париже Мочульский проживал в период эмиграции с 1922 по 1948 гг.

Один из лучших выпускников Петербургского университета, К. Мочульский, казалось, еще в 1914 г. прочно связал свою жизнь с филологией и преподавательской деятельностью, но последовавшие за этим исторические катаклизмы заставили изменить жизненные планы. Однако неизменными остались его высокая культура, академическая образованность, тонкий вкус и хороший литературный стиль. Молодого исследователя в большей степени привлекала современная ему литература. Такой выбор не был случайным, ведь на страницах периодических изданий, с которыми сотрудничал К. Мочульский в то время, публиковались И. Бунин, А. Ремизов, Б. Зайцев, З. Гиппиус, А. Куприн, Г. Иванов, Н. Тэффи и другие известные русские писатели. Созданные ими новые произведения требовали глубокого осмысления и профессиональной критической оценки. Первые критические работы Мочульского появились в 1920-м году в журнале «Русская мысль», который на тот момент издавался в Болгарии, за ними последовали публикации в парижских газетах «Последние новости», «Звено» и некоторых других изданиях.

Материалы и методы

В жанровом отношении литературно-критические материалы К. Мочульского весьма разнообразны: от небольшой заметки, отзыва, рецензии до глубокой развернутой статьи, очеркового цикла, эссе, монографии. Примечательно, что в своих работах критик не только обращался к аналитическому разбору того или иного произведения, но старался создать творческий портрет писателя, предоставив читателю возможность пристальнее рассмотреть личность художника слова, ощутить его внутренний мир. Мы полагаем, что литературное портретирование стало отличительной чертой индивидуального стиля Мочульского-критика, что позволило получить более полное представление и о нем самом, как личности, ближе познакомиться с его эстетическими и мировоззренческими позициями. С. Р. Федякин вполне справедливо, на наш взгляд, отмечает, что в работах К. Мочульского всегда присутствует «второй «сюжет»: творческая эволюция самого исследователя» [5, с. 7].

Следует также отметить многообразие авторских приемов, используемых критиком при создании литературных портретов. Один из них – направление критической мысли от художественного образа к внутреннему миру поэта. Так, в очерковом цикле «Россия в стихах» (1923) Мочульский ставит задачу показать рождение образа-мотива России в русской поэзии – от Пушкина до Блока. Для ее решения критик обращается к текстовому анализу ключевых образов в лирике русских поэтов (Пушкина, Лермонтова, Кольцова, Некрасова, Хомякова, Тютчева, Вл. Соловьёва, Блока и др.), попутно делая наброски их психологических портретов. В итоге, Мочульский приходит к выводу о том, что формирование основных лирических образов у отечественных классиков поэзии непосредственным образом связано с особенностями восприятия ими русской действительности.

По мнению критика, пушкинская концепция России представлена в образах «степи», «дороги», «мчащейся тройки», «песни ямщика» [3, с. 21]. Но в этих образах заключено не только представление о России пушкинского времени, но и что-то «родное для души поэта», считает Мочульский. Наблюдения за внешними предметами и явлениями плавно перетекают в отражение внутреннего мира поэта: «Эмоциональный смысл этих образов – безнадежность, в которой смешиваются и скука, и тоска, и страхи», и все же душа Пушкина остается «радостной», – отмечает критик, – что сказывается в «легкости ритма» и «ясности композиции» его лирических строк [3, с. 22]. Лермонтовский мир ассоциируется с образом стихии России – «движение, воля, простор» [3, с. 22]. Характерные же черты самого Лермонтова, как считает критик, – «тревожная устремленность и вечный порыв» к свободе [3, с. 23]. Россия Блока – степная: «табуны, птицы, ковыль». Через образ степи, по мысли Мочульского, раскрывается внутреннее состояние поэта – «состояние одиночества, покинутости и тоски» [3, с. 23]. Объединяет же всех образ странника, путника, наездника, кочевника, скитальца – человека, сливающегося с миром природы.

Результаты

Сделанный критиком вывод придает завершенность кольцевой композиции очерка, который начинается с рассужде-

ний о пушкинской «дороге, тройке и песне ямщика», а завершается образом путника в стихах Блока на фоне самобытного русского пейзажа. В результате глубокого текстологического анализа отчетливо вырисовываются индивидуальные психологические черты великих классиков, проясняется направление их творчества. Мы можем наблюдать, как развивается мысль критика: от интерпретации лирических образов до отражения в них внутреннего мира авторов.

Приемы портретирования наблюдаются и в монологических литературно-критических статьях К. Мочульского, посвященных, например, театру А. П. Чехова («Театр Чехова», 1929) или образу «положительно-прекрасного человека» Ф. М. Достоевского («Положительно-прекрасный человек у Достоевского», 1939). В обеих работах изначально заявлена литературоведческая тема, но критик не ограничивается разбором драматургических или психологических авторских приемов. И в той, и в другой статье он использует биографический материал, способствующий созданию портретных характеристик писателей. Например, статью о чеховском театре он начинает с сообщения о просмотре писем Чехова за 1887–1889 гг., отзывов и заметок писателя о современном театре. Цитаты из этих материалов включены в статью и подробно анализируются Мочульским и используются с целью создания творческого портрета Чехова.

Комментируя чеховское отношение к театру, Мочульский прибегает к довольно эмоциональным, порой резким характеристикам, где тонкая грань между мнением писателя-драматурга и критика оказывается размытой. Например: «никаких традиций продолжать он не намерен: ему кажется, что все они прогнили насквозь и что драматургию его времени нужно сдать в архив»; он «мечтает перевернуть театр, заставить зрителя ахнуть, растеряться, возмутиться»; «автор ненавидит “зализанную беллетристику”»; «Чехов из ненависти к современному театру – становится драматургом» и т.д. [3, с. 47–48]. Становится понятным, что для критика важно не столько акцентировать внимание на определенных фактах биографии писателя, подвести итог сделанному Чеховым для театра, сколько показать, как именно это происходило, что при этом чувствовал писатель, описать его внутреннее состояние в момент творческих поисков.

Основной центр притяжения в статье – облик само-го драматурга-новатора, переданный в динамике. Так, в одном небольшом абзаце встречаем длинную цепь глагольных словосочетаний: «Чехов пишет», «автор неудовлетворен своим произведением», «он понимает», «нельзя создать новый театр одним простым отрицанием»; «нужно что-то построить», «что и как строить – ему еще не ясно»; «колеблясь и заблуждаясь, ищет Чехов ту форму...» и т.п. [3, с. 48]. Создается ощущение, что критик, а вместе с ним и читатель, присутствуют при рождении того самого чеховского театра, наблюдая процесс «изнутри».

Завершается статья целостным творческим портретом писателя, который по крупинкам собирался критиком на протяжении всего исследования, но в итоге получил резко субъективную авторскую оценку. «Чехов был материалистом, – пишет Мочульский, – всю свою жизнь оставался трезвым шестидесятником, верил только в разум и науку. Его философия – плоска и ограничена: его вдохновляет идея прогресса, технического усовершенствования. Он мечтает о том, что культура сделает людей счастливыми, что когда-то жизнь станет “изящной и удобной”».

Мочульский, как человек с христианским мировоззрением, расставляет свои акценты в облике Чехова. Характеризуя писателя в обычной жизни как материалиста, пытается приблизить его к религиозной истине через творчество. Вывод критика звучит несколько неожиданно для непосвященного читателя: «Чеховская тоска – томление человеческой души, неутолимое ничем земным – в глубине своей религиозна. И неверующий Чехов в лирическом волнении прикасался к неведомой ему истине» [3, с. 54]. В этих строчках прочитывается не столько чеховский облик писателя-драматурга, сколько мировидение К. Мочульского. Так, через оценку чеховских достижений в театре и литературе для нас проясняется жизненная и эстетическая позиция самого критика, получают некоторое разъяснение его взгляды на искусство.

Размышления Мочульского о «положительно-прекрасном человеке» у Ф. М. Достоевского также начинаются с обращения к биографии писателя, переломному этапу в его жизни (1860-е гг.), когда ему, отчаявшемуся, уставшему бороться с трудностями, пришлось уехать за границу и там пережить

«духовное воскресение». Именно тогда, по мнению критика, «отталкиваясь от “атеистической” Европы, он осознает себя христианином и русским» [3, с. 55]. Мочульский утверждает, что идеи, которые Достоевский будет развивать в дальнейших произведениях, рождены именно во время этого «изгнания». Постепенно, убедительно, аргументировано, с опорой на факты из жизни писателя, подходит критик к объяснению появления образа «положительно-прекрасного человека» в творчестве Достоевского. Здесь мы можем наблюдать путь критического литературного анализа «от личности автора к образу-персонажу», отправной точкой для которого является создание психологического портрета писателя.

В очерковом цикле «Русские поэтессы» (1923 г.) Мочульский при создании портретных характеристик своих героинь использует прием антитезы. Свой выбор критик объясняет особенностью эпохи, в которую всем им пришлось жить, черты которой – «сложность и противоречивость». Мочульский признает, что для будущих исследователей, может быть, важнее станет «синтез»: когда «затупятся противоречия, затушаются контрасты, пестрота сведется к единству», – но отмечает, что сейчас для его поколения важнее «частное, личное, разъединяющее», то, что подчеркивает индивидуальность [3, с. 88]. Это утверждение вполне объясняет выбор критиком такого композиционного приема для своих работ, как антитеза.

Первый очерк вышеназванного цикла посвящен М. Цветаевой и А. Ахматовой. Мочульский создает резко противоположные творческие портреты великих поэтесс, стараясь в них выявить своеобразие каждой. Начинает описание с внешних примет героини, отмечает, что Марина Цветаева выделялась «громким голосом», «развязными манерами», «вульгарными выражениями», «суетливостью», «ярким румянцем», «непокладистым нравом», «московским распевом» и «озорным смехом». Эти важные детали внешности Цветаевой, по мнению критика, перетекают в лирические образы ее поэзии: «золотое купола, колокольный звон, старина затейливая, резные коньки, переулки путанные, пышность, пестрота, нагроможденность быта и сказка, и песня вольная, и удаль, и богомольность, и Византия и Золотая Орда» [3, с. 88]. Совершенно другой Мочульскому видится Анна Ахматова: она

«петербурженка; ее любовь к родному городу просветлена воздушной скорбью. И влагает она ее в холодные, классические строки» [3, с. 88].

Портрет Цветаевой Мочульским передан в динамике, неустанном движении, быстром ритме, почти беге. Облик Ахматовой статичен, неподвижен, несколько холодноват. «Цветаева – вихрь, Ахматова – тишина» [3, с. 89], – заключает критик. От разности образов Мочульский приходит к несходству поэзии обеих, утверждая, что ахматовская лирика «элегична», всегда связана со страданием, непониманием, одиночеством героини. Поэзия же Цветаевой «пышет здоровьем», «солнечна, чувственна». В итоге, как полагает Мочульский, Ахматова восходит «от любви земной к любви небесной» и в этом пути находит себя как поэт, а Цветаева «приросла к земле» и остается «земной», все еще находясь в поисках себя [3, с. 89].

Обращение к противопоставлению, выявление противоречий при создании портретов героинь характеризует и самого автора очерка как человека, с одной стороны, мягкого, лиричного, с другой, – эмоционального и бескомпромиссного в своих оценках. Из его текста явствует открытая симпатия творчеству Ахматовой и резкое неприятие поэзии Цветаевой, хотя Мочульский и отзывается о последней как выдающейся поэтессе, голос которой «не забывается». О творчестве Ахматовой критик пишет с большей любовью и почтением, утверждает, что «оно благородно и закончено», «стихи совершенны в своей простоте и тончайшем изяществе», что поэтесса уже в первом своем сборнике («Вечер») «выходит на широкий путь» [3, с. 90–91]. Первые же стихотворные опыты Цветаевой, по мнению критика, – «дилетантские», «институтские» («Вечерний альбом»). В «Волшебном Фонаре» – только «трогательные мелочи», метание между Брюсовым и Блоком, а позже – влияние А. Белого и Маяковского. После некоторых, не вполне равнозначных, на наш взгляд, сравнений Мочульский приходит к неутешительному и довольно резкому выводу о поэзии Цветаевой: «У нее много темперамента, но вкус ее сомнителен, а чувства меры нет совсем. Стихи ее неровны, порой сумбурны и почти всегда растянуты» [3, с. 91].

В данных обоим поэтессам характеристиках мы замечаем не только выявление их неповторимых особенностей,

но и чувствуем незримое присутствие автора-критика, постоянно слышим его голос. Подобные эмоционально-оценочные суждения раскрывают черты личности критика К. Мочульского – приверженца классических традиций, любителя «тихой», «небесной» поэзии, противника революционных изменений в форме стиха. Подобное самораскрытие автора типично для данного жанра, что неоднократно подчеркивали исследователи. Б. К. Базылова, например, отмечает: «В литературном портрете <...> присутствует авторская концепция характера портретируемого» [1, с. 154]. Благодаря этой «авторской концепции» мы можем судить об образе самого автора.

Однако прием антитезы и представленные в большом количестве противопоставления: от описания внешности поэтов до создания ими разнохарактерных лирических образов, – раскрывают многогранность, неповторимость облика каждой из них. Автор успешно решает поставленную в начале критического исследования задачу – «выявить то, что подчеркивает индивидуальность личности». Бесспорно, отдельные суждения и выводы Мочульского носят полемический, дискуссионный характер, но тем больше они притягивают внимание к творчеству его великих современниц, вызывают желание дальнейшего погружения в их лирику.

В другом случае, чтобы ярче высветить индивидуальность своих героев, Мочульский прибегает к приему развернутой метафоры в творческом портрете. Например, характеризуя мир поэзии З. Гиппиус («Зинаида Гиппиус», 1923) критик утверждает, что она непременно заведет своего читателя в такие места, где «угрюмый ландшафт; выжженная солнцем пустыня, острые камни, ржавая неживая трава. И если, задыхаясь на пронзительном ветру, изнемогая от взлетающего вверх пути, – он спросит своего молчаливого спутника: “Когда конец?” – услышит насмешливое: “Никогда”» [3, с. 91].

Отвечая на риторический вопрос «Хороший ли поэт Маяковский?» («Поэзия действия (В. Маяковский)», 1923), Мочульский заключает: «Он вообще не поэт, а полководец. Родился “здоровенным, с шагом саженным”, “жилистой громадой”, “глыбой”. <...> Ему бы рубить наотмашь, воевать, драться. А вместо кольчуг и шлема надели на него нелепый пиджак и дали в руки перо» [3, с. 98]. Маяковский в критической ста-

ть Мочульского предстает в образе «витязя», «полководца без войска» и «мастера-каменщика», строящего «грядущий земной рай коммунизма», принимающего «звание поэта только при условии, что оно будет отнято у всех, писавших до него» [3, с. 99]. Все эти яркие метафорические характеристики обильно снабжаются цитатами из стихотворений поэта. Лирические образы мастерски вплетаются критиком в творческий портрет Маяковского, придавая ему оттенок художественности. В какой-то момент начинает казаться, что перед нами не критическая статья, а художественно выстроенный сюжет биографического произведения.

Среди критических работ К. Мочульского имеются портреты писателей-современников, созданные по законам жанра литературного портрета, задачей которого является формирование целостного представления о художнике слова. А. Бочаров в работе, посвященной жанрам литературно-художественной критики, настаивал на трехкомпонентной композиции жанра литературного портрета, к которым относятся: биография писателя, художественный мир его произведений и окружающая его действительность. По мнению исследователя, в литературном портрете сочетается «научная строгость композиции опорных тезисов и манеры изложения» и «эссеистская свобода», что ставит данный жанр в пограничную ситуацию с художественной прозой [2, с. 25]. Подобная структура литературного портрета находит свое отражение в критических работах Мочульского.

Как известно, для литературного портрета характерно некое подведение итогов творчества писателя, выявление его главных достижений, свидетельства о значимых моментах деятельности, фактографичность, линейная композиция, синтез научности и описательности в стилистике текста. Перечисленные выше особенности можем наблюдать в таких работах Мочульского, как «Владислав Ходасевич» (1923), «О творчестве Алексея Ремизова» (1923), «Б. К. Зайцев» (1926), «Ф. К. Сологуб» (1928) и др.

Так, рассказывая о Ходасевиче, Мочульский сразу намечает границы повествования: от первого сборника поэта «Молодость» до последнего (на тот момент) «Тяжелая лира» (1923), а также выделяет еще две важные точки между этими книгами – «Счастливый домик» (1914) и «Путем зерна» (1920). Именно

эти четыре сборника критик называет «чистым золотом классической лиры» [3, с. 101], считает лучшим из написанного поэтом за указанный промежуток времени. Воспоминаниям о жизненных перипетиях Ходасевича критик не уделяет большого внимания, скорее всего потому, что читателям-современникам текущая историческая ситуация была хорошо знакома и в дополнительных комментариях они не нуждались. Многие были «свидетелями страшных и мрачных событий», прошли через «величайшие испытания» начала XX века: войны, революции, эмиграцию [3, с. 101]. Мочульский избегает пространных мемуарных текстов, в которых нередко собственное «я» автора оказывается значительнее жизни героев.

Задача критика – создать яркий оригинальный творческий портрет поэта. Здесь К. Мочульский использует все свое художественное красноречие в сочетании со строгой научной аналитичностью. Бесценны его критические замечания литературоведческого характера о лирике Ходасевича, в которой обнаруживается «пушкинское противопоставление “суетного света” и “священной жертвы”», присутствует тютчевское «двойное бытие», поддерживаемое антитезой [3, с. 102]. «Романтический спиритуализм Ходасевича, – отмечает Мочульский, – играет классическими формами и приемами, раздвигая их пределы, освобождая их высокую духовность. Его “стихи” величавы и спокойны в своей равновесной композиции» [3, с. 103].

Но нельзя не отметить и такие художественные приемы, как метафоризация: творчество Ходасевича – «уверенный рисунок на стекле, через которое сквозит чистейшая лазурь»; обращение к художественным эпитетам: тусклые краски, бесцветные лица, приглушенные чувства, напряженный строй души; образам-символам: лира Орфея, лавровый венок; мифологическим образам: Аполлон, Орфей, Психея. Все эти авторские находки не только помогают глубже понять творчество Ходасевича, но и приближают критические работы Мочульского к уровню художественной прозы.

Обсуждение и выводы

Итак, портретирование как художественный прием и литературный портрет как жанр, находящийся на пере-

сечении критики и публицистики, широко представлены в творческом наследии К. Мочульского. Интерес к личности писателя/поэта для него первостепенно важен. Это – закон жанра, что неоднократно подтверждалось исследователями-литературоведами. В. В. Перхин, например, утверждает, что в литературном портрете обычно «дается оценка не только произведений писателя, но и его личностных, человеческих, житейских качеств. <...> Оцениваются как элементы искусства, так и элементы жизни писателя» [4, с. 121]. Так и Мочульский никогда не начинал разговор о произведении, не обрисовав «творческий лик» своего героя-писателя. При этом пути создания литературного портрета критиком весьма разнообразны: от анализа ключевых образов – к раскрытию внутреннего мира героя и созданию его творческого портрета; от биографического материала – к психологическому портрету, а от него – к значимым для всего творчества писателя образам; создание параллельных литературных портретов, выявляющих индивидуальные творческие особенности писателей/поэтов на основе антитезы и яркого контраста; использование различных форм изложения в портретных характеристиках: статичного описания, динамичного повествования, аналитического рассуждения; выбор определенных лексических единиц в зависимости от типа изложения материала; синтез научного и художественного стиля в литературном портрете писателя/поэта.

Таким образом, выявленные в процессе исследования стилистические и жанрово-композиционные особенности литературного портретирования в работах К. Мочульского утверждают представление о нем как о выдающемся филологе, критике, своими трудами делающем наследие отечественных классиков понятнее и ближе сегодняшнему читателю.

Список литературы

1. Базылова Б. К. Модель жанра литературного портрета и его структура // Международный журнал экспериментального образования. – 2015. – № 2. – С. 153–156.
2. Бочаров А. Г. Жанры литературно-художественной критики. – М.: Изд-во МГУ, 1982. – 51 с.
3. Мочульский К. В. Кризис воображения. Статьи. Эссе. Портреты. – Томск: Водолей, 1999. – 416 с.
4. Перхин В. В. «Открывать красоты и недостатки...»: Литературная критика от рецензии до некролога: Серебряный век. – СПб.: Лицей, 2001. – 255 с.

5. Федякин С. Р. Творчество Константина Мочульского // Мочульский К. В. Кризис воображения. Статьи. Эссе. Портреты. – Томск: Водолей, 1999. – С. 3–20.

Natalia N. Koznova

Author's Methods of Literary Portraiture in the Critical Works of K. Mochul'sky

The article deals with the professional methods of the literary critic K. Mochul'sky. It is established that in his works the critic not only turned to the analytical analysis of this or that work, but tried to create a creative portrait of the writer, giving the reader the opportunity to take a closer look at the personality of the artist of the word, to feel his inner world. It is concluded that literary portraiture is a distinctive feature of the individual style of Mochul'sky-critic, which allows to get a more complete picture of the personality of the critic, his aesthetic views and ideological position.

Key words: K. Mochul'sky, literary criticism, literary portraiture.

For citation: Koznova, N. N. (2023) Avtorskie priemy literaturnogo portretirovaniya v kriticheskikh rabotakh K. Mochul'skogo [Author's methods of literary portraiture in the critical works of K. Mochul'sky]. *Art Logos – The Art of Word*. No. 2. Pp. 48–59. (In Russian). DOI 10.35231/25419803_2023_2_48

References

1. Bazylova, B. K. (2015) *Model' zhanra literaturnogo portreta i ego struktura* [The model of the literary portrait genre and its structure] *Mezhdunarodnyj zhurnal eksperimental'nogo obrazovaniya – International Journal of Experimental Education*. No. 2. Pp. 153–156. (In Russian).
2. Bocharov, A. G. (1982) *Zhanry literaturno-hudozhestvennoj kritiki* [Genres of literary and artistic criticism]. Moscow: MSU Publ. (In Russian).
3. Mochul'sky, K. V. (1999) *Krizis voobrazheniya. Stat'i. Esse. Portrety* [Imagination crisis. Articles. Essay. Portraits]. Tomsk: Vodoley Publ. (In Russian).
4. Perhin, V. V. (2001) «Otkryvat' krasoty i nedostatki...»: *Literaturnaya kritika ot recenzii do nekrologa: Serebryanyj vek* [“To discover beauty and flaws...”: Literary criticism from review to obituary: The Silver Age]. St. Petersburg: Licey Publ. (In Russian).
5. Fedyaikin, S. R. (1999) *Tvorchestvo Konstantina Mochul'skogo* [Creativity of Konstantin Mochul'sky] Mochul'sky, K. V. *Krizis voobrazheniya. Stat'i. Esse. Portrety* [Imagination Crisis. Articles. Essay. Portraits]. Tomsk: Vodoley Publ. Pp. 3–20. (In Russian).

дата получения: 15.02.2023 г.
дата принятия: 02.03.2023 г.
дата публикации: 30.06.2023 г.

date of receiving: 15 February 2023
date of acceptance: 02 March 2023
date of publication: 30 June 2023

О. Е. Похаленков, А. О. Семенов

Интерпретация образа смерти в литературе периода Первой мировой войны

В представленном исследовании предлагается анализ образа смерти в раннем стихотворении английского поэта времени Первой мировой войны, причисляемого к так называемым «окопным» поэтам, Уилфрида Оуэна (Wilfred Owen, 1893–1918) «Я видел, как становились темными его уста» ("I Saw His Round Mouth's Crimson"). Приводится сравнительный анализ текста оригинала и перевода поэтического текста, выполненного авторами статьи. Выделяются и анализируются парадигмы образов, связанные с центральным образом лирического текста — образом смерти. Парадигмы образов рассматриваются на основе теории Н. В. Павлович (которая выделяла объект и предмет сопоставления). В парадигмах поэтического текста также выделяется ассоциативное значение, которое позволяет рассмотреть ассоциативное значение образа, возникающее в контексте текстовой ситуации употребления. Определяется роль парадигм образов в создании конкретного образа смерти фронтового товарища, которую стремился запечатлеть поэт, и поэтическая интерпретация.

Ключевые слова: У. Оуэн, «окопная» поэзия, образ, поэтический текст, интерпретация.

Для цитирования: Похаленков О. Е., Семенов А. О. Интерпретация образа смерти в литературе периода Первой мировой войны // Art Logos (искусство слова). – 2023. – № 2. – С. 60–67. DOI 10.35231/25419803_2023_2_60

Литература о Первой (Великой) мировой войне занимает особое место в литературном и культурном наследии начала XX века. Творения участников этой мировой драмы изменили содержание традиционных художественных образов литературы и их ассоциативное поле. Одним из самых востребованных образов в творчестве писателей и поэтов «потерянного поколения» стал образ смерти. В данной статье это явление будет рассмотрено на примере английской литературы этого периода по нескольким причинам. Во-первых,

Великая война стала первой «настоящей» войной, в которой принимало участие большое количество мобилизованных англичан из всех слоев общества. Во-вторых, именно Великая война создала уникальную ситуацию, которая привела в дальнейшем к коренным изменениям самого британского общества [3]. Следует отметить, что прошедшая война и ее катастрофические последствия требовали объяснения и осмысления со стороны не только политического истеблишмента страны, но и со стороны самих непосредственных участников: солдат, офицеров и др. Шэрон Монтет отмечает: «Первая мировая война стала мифологизироваться посредством т.н. “мемуарной литературы”: воспоминаний, автобиографий и автобиографической поэзии, в которой писатели, с одной стороны, боролись с трагичными воспоминаниями, с другой – использовали их в качестве основы для описания исторического события» [5, р. 53] (перевод английских источников здесь и далее наш. – О. П., А. С.).

Произведения молодых поэтов (бывших участников военных действий) резко отличались от произведений, которые создавались ранее. Все в них было по-другому: и тон повествования, не похожий на привычный довоенный, и, главное, цель – разрушить довоенное героическое изображение смерти на передовой, в окопе. Молодые писатели давали правдивую и временами даже жестокую картину своих будней в немногословной форме и черно-белых красках. Они изображали солдат не так, как было принято, например, в знаменитой поэме лорда А. Теннисона «Атака легкой бригады» (1854). Напротив, «окопные» поэты описывали весь ужас нахождения в траншеях под перекрестным огнем, создавая определенный художественный образ прошедшей войны. Несмотря на небывалую популярность антивоенных произведений У. Оуэна, Р. Грейвза, З. Сассуна и др., большинство британских читателей предпочитали книги с более позитивным взглядом на войну. Стоит отметить, что и не все ветераны признавали описание войны, которое превалировало в антивоенных книгах. Э. Маккалум отмечает: «Более консервативно настроенные авторы считали, что антивоенные писатели просто гонятся за сенсацией и гонорарами» [2, р. 32]. Или, как писал еще один консервативный критик С. Хайнс, нельзя все сводить к «разговорам о поэзии

типа Оуэна» [4, р. 423]. Но возникает закономерный вопрос: какие аспекты творчества «окопных» поэтов так привлекли читателей и резко против настроили критиков? Одна из характеристик, которую отмечали как западные, так и отечественные литературоведы, – это движение от небывалого предвоенного энтузиазма к горькому сожалению, свойственному периоду середины и конца войны. Это движение рассматривалось как духовная эволюция, которая стала впоследствии частью типичного сценария произведений о Великой войне, например, в творчестве представителя «окопной» поэзии Уилфрида Оуэна.

Будущий английский поэт и истинный пацифист У. Оуэн родился в 1893 году в Озуэсри. Примечательно, что поэт, при всех своих антивоенных убеждениях, пошёл на войну по собственному желанию, более того, с 1912 по 1915 гг. Оуэн жил во Франции, а в 1915 специально вернулся в Англию для того, чтобы записаться добровольцем на фронт. Стоит отметить, что даже несмотря на презрение к ведущейся войне, пропаганде и «светлому» образу английских войск в составе Антанты имел место юношеский максимализм и стремление к подвигу. После отправки на фронт поэт пишет об ужасах, с которыми он сталкивается лицом к лицу. Одним из самых ярких образов в его поэтическом творчестве является образ смерти – смерти фронтового товарища, противника или бессмысленной гибели целого взвода. Этот образ, самый страшный, но без сомнения, натуралистично красочный, наполнен у поэта внутренним психологизмом.

Поэтическое наследие Оуэна не слишком велико, так как он погиб 4 ноября 1918 года, за неделю до окончания Первой мировой войны. При жизни было опубликовано всего четыре стихотворения. После смерти вышло несколько сборников (в 1964 сборник стихотворений, а в 1967 сборник писем, собранных и отредактированных его младшим братом)¹, хотя вклад Оуэна вполне значим: ему приписывают такие заслуги, как введение в английскую поэзию консонансной рифмы, использование разговорного английского языка вместо традиционного высокопарного слога, работа с ритмами, какой до него не было.

¹ В России поэта практически не переводили. Из изданных переводов: Оуэн У. Поэмы. Сборник стихотворений. Предисл., перев., прим. Евгения Лукина. – СПб.: Сезам-принт, 2012. – 112 с. (серия Поэты Первой Мировой войны).

Материалы и методы

В представленном исследовании в качестве примера будет рассмотрено не переведенное в нашей стране стихотворение Уилфрида Оуэна «I Saw His Round Mouth's Crimson». Приводим ниже это стихотворение в нашем переводе. Анализ художественных образов будет осуществляться с использованием методики Н. В. Павлович. Под словесным поэтическим образом исследователь понимает «небольшой фрагмент текста, в котором отождествляются (сближаются) противоречащие в широком смысле понятия, т.е. такие понятия, которые в нормативном общелитературном языке не отождествляются (несходные, семантически далекие, несовместимые, противоположные). Иными словами, образ понимается как противоречие в широком смысле, или сближение несходного» [1, с. 14]. Основной акцент в нашем исследовании будет сделан на интерпретации образа смерти, связанного с лирическим героем стихотворения.

I Saw His Round Mouth's Crimson

I saw his round mouth's crimson deepen
as it fell,
Like a Sun, in his last deep hour;
Watched the magnificent recession
of farewell,
Clouding, half gleam, half glower,
And a last splendour burn the heavens
of his cheek.
And in his eyes
The cold stars lighting, very old
and bleak, In different skies [6, p. 2].

Я видел, как становились темными его уста

Я видел, тёмным становился
его рот,
Округляясь, как солнце в небе,
В его последний поразительный
заход,
В тусклом туманном свете.
В последний раз горело небо
его щёк,
И в тех глазах,
И в небесах тоскливая ещё
Блестит звезда.

Результаты

В стихотворении Оуэна представлен своеобразный и метафорически наполненный образ умирающего бойца. В английском первоисточнике и в русском переводе обращает внимание на себя парадигма «рот – солнце», где объект сопоставления «губы солдата», которые постепенно темнеют (синеют), и предмет сопоставления «солнце», клонящееся к закату. Структура художественного образа может быть представлена таким образом: предмет сопоставления – рот солдата, объект сопоставления – закатное солнце, ассоциативный образ – образ смерти.

Следует обратить внимание на события, которые разворачиваются в лирическом тексте: первое – угасание человеческой жизни (смерть солдата) и второе – это заход солнца. Нельзя не отметить тот факт, что сравнение заката жизни и заката солнца – это традиционная метафора, используемая уже многими поэтами. Но именно Оуэну удалось при использовании подчеркнуть момент единения, когда закат солнца буквально переносится на лицо умирающего солдата. Данная парадигма, на наш взгляд, приобретает особое значение в контексте события смерти на фронте. До появления «окопных» поэтов в английской литературе не принято было изображать столь подробно смерть простого солдата, в тексте Оуэна сравнение «рот солдата – солнце» позволяет создать художественный образ, когда сам человек (умирающий солдат) видится как нечто настолько большое и недостижимое, что огромное космическое тело – это только часть его собственного тела. Конечно, метафора «закат солнца» здесь – это плавный уход человека из жизни. Он такой же тоскливый, пугающий предстоящей тьмой, но и такой же красивый, вдохновляющий, трогательный. Оуэн выбирает именно эту метафору применительно к описанию постепенного угасания жизни, тем самым показывая, что даже в таком физиологическом объективном виде образ смерти всё же обладает некоторой волнующей, противоречивой природной красотой.

Обратимся к парадигме «щёки – небо». Оуэн продолжает описывать сменяющиеся стадии смерти солдата. Отметим, что в данной парадигме он сравнивает щеки солдата с небом, которое в последний раз горело: «a last splendour burn» (было обожжено последним великолепием). Здесь следует обратить внимание на созданный автором образ неба. Образ неба в литературе, как правило, имеет возвышенный, иногда даже мистический и очень часто божественный характер. Небо для христианского мира всегда было местом, на котором стоит Божье царство, куда уходят после смерти. Структура художественного образа может быть представлена таким образом: предмет сопоставления – щеки, объект сопоставления – небо, ассоциативный образ – образ Бога, небесного царства.

Таким образом, поэт создает уникальный художественный образ умирающего солдата, лицо которого начинает отражать

находящееся над ним закатное солнце, небо, в котором оно светит, и проглядывающие первые звёзды: «И в тех глазах, И в небесах тоскливая ещё блестит звезда» («And in his eyes The cold stars lighting, very old and bleak, In different skies»). Возникает новая парадигма «глаза – звёзды».

Парадигма «глаза и звёзды» – два поэтических образа, которые часто встречаются вместе. Например, в статье Н. В. Павлович «Язык образов. Парадигмы образов в русском поэтическом языке» приводятся примеры этого сочетания: «глаза» (очи) и «звезды» отождествляются в русской литературе довольно часто: "В ваших звездах, черны очи <...>" (Лермонтов), "Теплы были звезды очей" (Фет), "Погасли звезды синих глаз" (Блок), "И в глазах твоих звездных <...>" (Заболоцкий) и т.д.» [1, с. 19]. Однако обращает на себя внимание необычный контекст употребления данной парадигмы – момент смерти. Несомненно, что при сравнении глаз со звёздами Оуэн хотел подчеркнуть, что, как и свет звёзд, который после смерти звезды доходит до наших глаз на протяжении ещё долгого времени, так и глаза умирающего ещё какое-то время после остановки сердца могут сохранять тусклый свет жизни.

Таким образом, анализируемая парадигма «глаза и звёзды» приобретает особое значение в употребляемом контексте: звезда или человек уже мертвы, но поэт, следящий за постепенным угасанием жизни товарища, все еще смотрит в его глаза, т.е. в каком-то смысле умерший для него остается живым. Это явление порождает ассоциативный образ жизни после смерти. Структура художественного образа может быть представлена таким образом: предмет сопоставления – глаза, объект сопоставления – звезды, ассоциативный образ – жизнь после смерти.

Обсуждение и выводы

Итак, проведенное сравнительное исследование текста оригинала и перевода стихотворения "I Saw His Round Mouth's Crimson" («Я видел, как становились темными его уста») позволило нам выделить значимые парадигмы образов, которые показали стремление поэта запечатлеть последние минуты жизни своего фронтového товарища. Обращение в тексте к образу смерти простого солдата, которое до Первой мировой

войны было под запретом или избегалось, в поэзии У. Оуэна получает особую поэтическую интерпретацию.

Список литературы

1. Павлович Н. В. Язык образов. – М.: Азбуковник, 2004. – 527 с.
2. Bond B. The Unquiet Western Front: Britain's role in Literature and history. – Cambridge: Cambridge UP, 2007. – 140 p.
3. Fussell P. The Great War and Modern Memory. – Oxford: Oxford UP, 2005. – 368 p.
4. Hynes S. A War Imagined: The First World War and English Culture. – London: Bodley Head, 1990. – 514 p.
5. Monteith S. Pat Barker. – Horndon: Northcote House, 2002. – 130 p.
6. Owen W. Poems. – London: World's poetry archive. 2004. – 83 p.

Oleg E. Pokhalenkov, Anton O. Semenov

Interpretation of the Image of Death in the Literature of the First World War

The presented study offers an analysis of the image of "death" in an early poem by the English poet of the First World War, referring to the so-called "trench" poets, Wilfred Owen (1893–1918), "I Saw His Round Mouth's Crimson". The comparative analysis of the original text and the translation of the poetic text performed by the authors of the article is given in the article. The paradigms of images associated with the central image of the lyrical text – the image of death – are highlighted and analyzed. The paradigms of images are considered on the basis of the theory of N. V. Pavlovich (who highlighted the object and the subject of comparison). In the paradigms of the poetic text, an associative meaning is also highlighted, which allows us to consider the associative meaning of the image that arises in the context of a textual situation of usage. The role of image paradigms in creating a specific image of the death of the poet's front-line comrade, which the poet sought to capture, and its poetic interpretation is determined.

Key words: W. Owen, "trench" poetry, image, poetic text, interpretation.

For citation: Pokhalenkov, O. E., Semenov, A. O. (2023) Interpretaciya obraza smerti v literature perioda Pervoj mirovoj vojny [Interpretation of the image of death in the literature of the First World War]. *Art Logos – The Art of Word*. No. 2. Pp. 60–67. (In Russian). DOI 10.35231/25419803_2023_2_60

References

1. Pavlovich, N. V. (2004) *Jazyk obrazov* [The language of the images]. Moscow: Azbukovnik Publ. (In Russian).
2. Bond, B. (2007) *The Unquiet Western Front: Britain's role in Literature and history*. Cambridge: Cambridge UP.
3. Fussel, P. (2005) *The Great War and Modern Memory*. Oxford: Oxford UP.
4. Hynes, S. (1990) *A War Imagined: The First World War and English Culture*. London: Bodley Head.
5. Monteith, S. (2002) *Pat Barker*. Horndon: Northcote House.
6. Owen, W. (2004) *Poems*. London: World's poetry archive.

Личный вклад соавторов
Personal co-authors contribution
60/40 %

дата получения: 14.02.2023 г.
дата принятия: 28.02.2023 г.
дата публикации: 30.06.2023 г.

date of receiving: 14 February 2023
date of acceptance: 28 February 2023
date of publication: 30 June 2023

Е. И. Ягин

«Русский лес» Л. Леонова: натурфилософия Ивана Вихрова

В статье рассматриваются натурфилософские искания одного из главных героев романа «Русский лес» – Ивана Вихрова. Исследуется система ценностей героя, на первом месте у которого стоит природа, тождественная бытию в целом. В концепции Вихрова выделяется система противоположностей, базовые из которых: естественное (природа) и искусственное (государство). Цивилизация и прогресс ведут мир к уничтожению, потому что отдаляют человека от природы. Задача человека состоит в том, чтобы с помощью разума стать направляющей силой природы и вести мир к совершенству и очищению. В конфликте «человек – природа» проигравшим всегда оказывается человек.

Ключевые слова: Леонид Леонов, человек, природа, натурфилософия, искусственное, естественное.

Для цитирования: Ягин Е. И. «Русский лес» Л. Леонова: натурфилософия Ивана Вихрова // Art Logos (искусство слова). – 2023. – № 2. – С. 68–83. DOI 10.35231/25419803_2023_2_68

Леонид Леонов занимает особое место в истории советской литературы. Творческое наследие автора обширно, но и по сей день одним из самых известных его текстов остается шестой по счету роман «Русский лес» (1953). Первой серьезной работой о нем стала монография М. П. Лобанова «Роман Л. Леонова “Русский лес”», в которой подробно анализируется система образов, конфликты, стиль, авторская позиция; оценивается влияние Ф. М. Достоевского и М. Горького и др. [4; 13]. Существенны и работы, проблематизирую-

щие связь романа с методом социалистического реализма [9; 10; 20]. Природа и специфика художественного мышления Леонида Леонова подробно рассмотрены в работах В. А. Петишевой [15] и В. И. Хрулева [21]. Важной вехой в истории изучения романа является монография Т. М. Вахитовой, в которой картина мира рассмотрена как повторяющаяся структура (пространство, время, система персонажей) [2].

Разные точки зрения на образную систему текста и конфликты высказывали М. П. Лобанов, Т. М. Вахитова, Н. Л. Лейдерман, С. И. Сухих и др. Тема романа также не является однозначной, например, Ю. В. Султанова приводит существующие определения тематики: война (М. Лобанов), лес (И. Зотов, В. Ковалев), следствие по делу Грацианского (Е. Старикова) [19, с. 166–167]. Сюда же можно отнести тему жизни [19, с. 167], науки, будущего [18, с. 45], человека, смерти [16, с. 36] и др.

Материалы и методы

Несмотря на серьезное и глубокое исследование романа «Русский лес» за рамками анализа остается натурфилософская составляющая романа [1], о которой и пойдет речь в настоящей работе. В художественной натурфилософии выделяют два направления: связанное с понятием «чувство природы» и натурфилософское [3, с. 30, 35]. Говоря о последнем, можно указать исследования Г. В. Филиппова и А. И. Смирновой. В частности, Филиппов выделяет три аспекта реализации натурфилософии в художественном тексте: «Самый очевидный – *тематический* – предполагает коллизии “человек и мироздание”, “человек и природа”, “человек и цивилизация”. *Проблемно-философский* включает вопросы стихийного и сознательного, материального и духовного, временного и пространственного и неотделим от собственно *эстетического*, который воплощается в системе поэтики» [цит. по: 3, с. 35]. Надо отметить, что в центре внимания исследователя находится философская поэзия, в связи с чем следует упомянуть работу А. И. Смирновой, посвященную натурфилософской прозе. Она пишет о том, что в русской литературе XX века «[н]равственно-философский аспект в раскрытии темы природы» выходит

на первый план именно у М. Пришвина и Л. Леонова¹. Там же Смирнова приводит имена писателей рассматриваемого периода, для творчества которых была характерна натурфилософская проблематика: С. Есенин, Н. Заболоцкий, А. Платонов, К. Паустовский, В. Астафьев, Ч. Айтматов и др. Причиной обращения писателей к натурфилософии исследовательница называет научно-технический прогресс, и – как следствие – пересмотр взаимоотношений человека и природы (экологическая проблематика). Натурфилософия понимается автором как «этимологический эквивалент философии природы, как совокупность философских попыток толковать и объяснять природу с целью познания связей и закономерностей явлений природы. Художественное воспроизведение этих “попыток” и представлено в прозе писателей-натурфилософов»².

С учетом сказанного мы определяем целью работы исследование натурфилософских исканий Ивана Вихрова, которые важны для понимания идейной основы романа.

Основным методом исследования был избран историко-литературный, позволяющий определить роль и место романа в литературном процессе, а также историко-философский метод, необходимый для анализа натурфилософской составляющей текста.

Результаты

В романе действуют два поколения героев, каждое из которых имеет свое представление о будущем. К старшему поколению следует отнести двух профессоров – Вихрова и Грацианского, а к младшему – Полину, Сережу, Варю и др. Однако роман связан не только с темой отцов и детей, но в бóльшей степени маскирует спор Вихрова и Грацианского о судьбе русского леса. Разные идеологические позиции двух героев при своем внешнем несходстве оказываются дополняющими друг друга, а русский лес становится метафорой бытия. Носителем же натурфилософских идей оказывается Иван Вихров.

Наше знакомство с Вихровым начнется с реплики Полины: «Человек он оказался плохой» [12, с. 10]. Объяснение дает-

¹ Смирнова А. И. Русская натурфилософская проза второй половины XX века: учеб. пособие. – М.: Флинта, 2017. Электронный ресурс. URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=115129> (дата обращения: 11.03.2023).

² Там же.

ся следующее: «А потому... потому что мама хорошая!» [12, с. 10]. Эмоциональность ее речи обусловлена простой обидой на отца, который бросил дочь. Усугубляет отношение Полины к Вихрову еще и стыд: «Получалось одно к одному, что и наука его скучная, и профессор он, надо думать, неважный: не зря же то и дело хлещут его в лесных журналах за то, что из-за деревьев леса не видит. Ладно еще, что подружки этих статей не читают, а то затравили бы Полю насмешками да допросами, на какой помойке ухитрилась себе такого родителя подобрать» [12, с. 10]. Несмотря на то, что мы не можем сомневаться в суждениях Полины, образ Вихрова оказывается несколько сложнее ее однозначной оценки.

Вихров, действительно, в начале предстает малоприятным героем. А Грацианский, его соперник и главный оппонент, как мы покажем ниже, ровно наоборот. В связи с этим роман нетрудно представить в виде пути, где то, что было добром, оказывается злом и наоборот. В итоге в сознании Полины эти «две бездны» поменяются местами. Н. Л. Лейдерман заметит, что «Вихров с его сказкой о русском лесе – его радениями о прекрасной, но очень ранимой природе, с его постоянными взываниями к сохранению и сбережению всего, что питало и растило человека на Руси, <...> выглядит в глазах молодых романтиков, <...> старым, нелепым консерватором» [10, с. 45], что и видно через реплики Полины. Постепенно мы узнаём, что на самом деле это не Вихров бросил свою дочь, а Елена Сергеевна, жена Вихрова, сама сбежала с Полиной. Окажется, что и критика Грацианского не вполне честная, как и сам Грацианский. Вихров в какой-то момент самостоятельно расскажет историю своей жизни. Заметит, что его профессия в списке гражданских призваний занимает последнее место. Более того, «газеты той эпохи набатно звали к непрерывному трудовому героизму, а профессия Вихрова не содержала в себе таких возможностей» [12, с. 53]. Новая политическая система требует от каждого гражданина подвига, но профессия Ивана Матвеевича меньше всего походит на ту, где этот подвиг возможен. Идея трудового героизма или подвига возникает и у молодых героев романа.

Смысл этого подвига напрямую соотносится с результатами Октябрьской революции:

Октябрьская революция была сражением не только за справедливое распределение благ, а, пожалуй, в первую очередь, за человеческую чистоту. Только при этом условии, полагал он, и мог существовать дальше род людской. И если прогресс наравне с умножением средств благосостояния заключается в одновременном повышении моральных обязанностей, потому что только совершенный человек способен добиться совершенного счастья, для этого надлежало каждому иметь и совершенную биографию, чтоб не стыдно было рассказать ее вслух [12, с. 54].

Вихров постоянно пытается прийти к этой моральной чистоте, к той самой *человеческой чистоте* (как и Полина), но ему мешает Грацианский, очерняющий в своих статьях лесоведческие убеждения Вихрова.

Об этой же самой чистоте довольно двусмысленно выскажется Чандвецкий перед юным Сашей Грацианским:

Революция – это коренной переплав всего, гонка со скоростью века в десятилетие, убыстренное чередование поколений, учащенная смена кожи... ибо только так общество и может скинуть с себя струпья прежних пороков. О, только очень чистый, то есть с безнадежно-стерильной середкой человек сможет устоять на таком ветру [12, с. 496].

Мы видим, что Иван Матвеевич, как и Полина, стремится к человеческой чистоте, к совершенству, через совершение гражданского подвига, этого же хочет добиться и Грацианский, однако у него подвиг несколько иной. Герои Леонова стараются избавиться от своего прошлого, от своей биографии (или ее части). Сам Старый мир – это и есть пятно в их биографии, но тогда должен быть предложен и путь к этой чистоте? О нем тут же будет сказано: «С этой точки зрения, принадлежавшей Валерию Крайнову, с особой наглядностью представало, насколько человечество нуждалось в великом очищении через грозу и бурю» [12, с. 55]. Судя по всему, этой грозой и бурей является только что начавшаяся Великая Отечественная война, потому как ничего сопоставимого в романном действии и подходящего под бурю нет. В таком случае размышления Вихрова о красоте города в период войны и размышления о человеческой чистоте кажутся концептуально близкими. Обратимся к тексту:

Иван Матвеевич обстоятельно рассказал, что за последние годы Москва в особенности похорошела <...> Москва грозная и раскаленная сейчас, с баррикадами и надолбами в улицах, с мешками песка у витрин, воительница с опущенным забралом... но как раз это и прибавляет ей вдвое прелести в глазах тех, кто красоту жизни полагает в мужестве и движении к большой исторической цели [12, с. 712].

В жизнь входит популярный лозунг: «Прекрасное – это наша жизнь» [7, с. 19]. Высказывается тезис, что красота жизни – это мужество и движение к большой исторической цели. Красота тем самым находится не в настоящем, а в будущем. Иван Матвеевич далее замечает, что «несмотря на суровую обстановку <...> ходят слухи о крупнейших, государственного масштаба, лесных мероприятиях в ближайшие годы» [12, с. 714]. Военное время стало, хоть и пока на уровне слухов, поводом для позитивных изменений в области лесопользования, которое единственное и остается важным для Вихрова. В то же время, это и маркер приближения государства к природе, но уже после войны. Поэтому из-за войны персонажи романа «Русский лес» будто бы находят место для этого самого подвига, через который произойдет очищение. Но так ли это? Да, подвиг они обязаны совершить, и размышляют о нем, но исчезнет ли благодаря ему «постыдное» прошлое? Неслучайно Грацианский однажды скажет, что «последующим поколениям всегда стеснительна одежда предков: обычно они ее, э... перешивают!» [12, с. 104].

Но также вспомним, что Иван Матвеевич заметит в конце романа, «насколько же молодость и жизнь сильнее разрушения и смерти» [12, с. 718]. Действительно, именно война разрешает конфликты настоящего и прошлого, а в войне, по мнению Ивана Матвеевича, только молодость и способна выжить. Будущее в его определении окажется за теми, кто чист сам и до этого совершил гражданский подвиг во имя очищения. Получается, что будущее видится в человеческой чистоте и, возможно, уничтожении самого человека, как единственного, кто хранит в себе этот Старый мир.

Тезис этот может вызвать вопросы, однако подтверждение этого мы найдем в работе С. Л. Слободнюка, посвященной итоговому тексту Л. Леонова «Пирамида», где сказано, что в романе «звучит оправдание разума человеческого, который

будучи мнимо ущербным по отношению к разуму первой природы Эригены, уверенно ведет мир к аннигиляции, поскольку является на деле эманацией абсолюта. И леоновское оправдание человечества и разума предстает в итоге оправданием мысли природы несотворенной и творящей, или сущего зла» [17, с. 87]. Эта мысль в непосредственной форме находит свое отражение и в романе «Русский лес». Природа в данном случае косвенно выведена в заглавие, а проблема человек и природа – центральная, с чем, однако, не согласна особая комиссия Лесохозяйственного института, потому что «отсюда вытекало, что Вихров проповедует студентам конфликт человека и природы, сознания и стихии, духа и материи, что было уж совсем нехорошо, так как отзывало поповщиной» [12, с. 411–412]. Тем не менее, работники института точно поняли «проповедь» Вихрова, как мы убедимся ниже.

Лес в романе – мир природный, естественный, он противопоставлен миру искусственному, то есть цивилизационному развитию (государству). Б. Гройс заметит, что «[с]оветская власть постоянно и на разных уровнях своей политической и экономической практики демонстрировала глубокое, почти инстинктивное отвращение ко всему естественному. Характерны в этом отношении кампании против генетики и психоанализа, равно как и проводимая в 1930-х годах коллективизация сельского хозяйства, направленная на искоренение и уничтожение его традиционной, глубокой привязанности к земле» [6, с. 8]. Далее он же отметит, что отказ от естественного произойдет еще до революции, когда художники-авангардисты «утверждали, что в основе их искусства лежит ничто и что они вышли за нулевую точку, за которой искусственное полностью освобождается от естественного» [6, с. 10].

Вихров подробно описывает утраченную привязанность к земле. Начинается все с повествования о Матвее Вихрове, затеявшем лесную тяжбу сразу после отмены крепостного права. Подробно рассказывается, как простые люди из Красновершья с посланцем Матвеем Вихровым защищали лес от вырубки, от «наследников разных исторических фамилий» [12, с. 57]. Отец Вихрова был убит стражниками, защищая лес. Критикуется старый мир, противопоставлены власть монархии и крестьяне. Первые занимались уничтожением леса,

вторые – защищали и оберегали. Тем самым подчеркивается, что и предыдущая форма государственного устройства (искусственное) противостояла миру естественному и стремилась его уничтожить. Боролись за сохранение леса только крестьяне, привязанные к земле. Именно такой миф конструирует Вихров, повествуя о семейном прошлом.

В воспоминаниях Вихрова появляется и мифологизированный персонаж – «Калина Тимофеевич, грозное существо сверхбогатырского телосложения и замысловатого озорства, особенно опасного для торгового сословия» [12, с. 65], защитник русского леса от вырубки и продажи. Вообще, вопрос *продажи (торговых отношений)*, в том числе и леса, часто возникает на страницах романа. Однажды Полина скажет «о низости капиталистических владык, извлекающих барыш из человеческого страдания» [12, с. 103], Варя заметит, что «капитализм не страшней холеры, <...>, только хитрей, живучей, потому что гнездится не в теле, а в душе» [12, с. 122], Иван Матвеевич укажет Грацианскому, что «капитализм убивает, если не удастся растлить» и др. [12, с. 513]. А. А. Долинин считает, что «[в]первые мысль о том, что историческая судьба Западной Европы близка к завершению, была высказана молодым Иваном Киреевским в “Обзрении русской словесности 1829 года”» [8, с. 12]. Однако в советское время «идея общего кризиса капитализма начинает сливаться с идеей гибели Запада, а пропагандистский дискурс вбирает в себя старые славянофильские клише» [8, с. 56].

Под «капитализмом» подразумеваются чаще всего страны Запада, об этом будет сказано прямо: «...при нынешнем упадке капиталистической культуры у них там, на Западе» [12, с. 511]. Иначе говоря, в романе дано критическое осмысление политических (экономических) систем Запада и монархического режима в России («Не забывайте про тех, кто целое столетие убивал лучших русских людей» [12, с. 154]), объединенных понятием *капитализм*. Настоящее Другого (Запад) и прошлое Я (Российская Империя) оказываются одинаково нежизнеспособны ввиду их искусственности. Об этом же, но на примере советской архитектуры, скажет В. Паперный: «Идея, будто советская архитектура 20-х годов заимствована с Запада, целиком принадлежит культуре 2 – ее враждебность ко всему,

что расположено вне ее географических границ, сливалась с ее враждебностью к культуре 1; два врага всегда кажутся согласными между собой, поэтому с точки зрения культуры 2 Запад и культура 1 были “заодно”» [14, с. 89].

Поэтому будущее в представлениях героя видится за коллективным Мы в форме высшей стадии социализма – коммунизме. Молодым людям «еще предстоит после победы достраивать материальную базу коммунизма» [12, с. 540], а старшее поколение напоминает им следующие слова Ленина: «Мы можем строить коммунизм только при том запасе сил и средств, что остались нам от старого общества» [12, с. 390]. Однако слова его приведены в романе не совсем точно, обратимся к первоисточнику: «Мы можем строить коммунизм только из той суммы знаний, организаций и учреждений, при том запасе человеческих сил и средств, которые остались нам от старого общества» [11, с. 301] (курсив наш. – Е. Я.). Примечательно, что опускаются именно человек и сумма знаний, роль которых в варианте Леонова снижена до сил и средств, необходимых для строительства коммунизма. Коммунизм в тексте существует как мечта, которая то уже наступила, то вскоре наступит, а кто-то эту мечту уже не застанет. Или же как идея, реализованная, в первую очередь, в языке. Б. Гройс отметит, что «[в] условиях советского строя каждый товар превращался в идеологически релевантное высказывание, подобно тому, как при капитализме каждое высказывание превращается в товар» [5, с. 12].

В романе точно есть коммунисты, но где коммунизм? В финале романа солдат в поезде произнесет: «Уж больно охота на коммунизм-то хоть глазком посмотреть... что это за коммунизм такой?» [12, с. 699], – а до этого будут пересказаны мечтательные разговоры о коммунистическом будущем:

Так, совсем рядом, за спиной, обсуждалось грядущее за победой житье, останутся ли там глупцы да бюрократы – казенные сердца! – и прежде всего как обезопаситься при коммунизме от природной жадности людской, чтобы каждый ложку свою в общий котел запускать в очередь, по совести, а не загребал бы вчетверо да про запас [12, с. 696–697].

Получается, что коммунизм, то самое коллективное Мы, в процессе становления, но вместе с победой над фашизмом непременно наступит и «настоящий» коммунизм. Однако для того, чтобы он наступил, нужно пройти войну, совершить подвиг, пожертвовать собой. В конфликт с природой вступает цивилизация в целом.

Иван Матвеевич – преемник своего отца и Калины Глухова в защите леса. В том числе и от государства (социализма-коммунизма). Мы видим, что Вихров пассивно борется против государства, потому что всегда выбирает природу (т.е. естественное), поскольку всю свою жизнь посвятил лесу и борьбе за него. Вспомним хотя бы, что он стал большевиком из-за проблем леса: «Вихров и понял, что спасения русских лесов надо искать не в добровольном самоограничении помещиков, а в решительном народном перевороте» [12, с. 148]. А кроме того, в романе даже есть пояснение о характере его сопротивления ушедшему общественному строю: «Все вместе и предопределило успех *Судьбе русского леса*; гражданский гнев, вызываемый наглядностью преступления, придавал вихровской книге качества разящего булата против свергнутого класса, в чем так нуждался тогда молодой и еще не окрепший строй» [12, с. 240]. Теперь наступил тот самый новый мир, от которого он ждал чего-то большего, но ожидания Вихрова не оправдались, поэтому он пытается изменить мир иными способами: пишет книги и статьи, занимается преподаванием. Созидательный потенциал выходит на первый план вместо разрушительного.

Отсюда нападки Грацианского не кажутся случайными, потому как Александр Яковлевич желает выразить и доказать собственную преданность новому миру. Боится, что узнают о его прошлом, что кто-то уличит его в предательстве, именно поэтому делает все, чтобы защитить себя. Вихров – легкая мишень, его взгляды называют «враждебными советскому обществу» [12, с. 647], указывается, что Вихров «собирается запереть на замок от народа русский лес» [12, с. 108]. Кажется, что только Александр Яковлевич и догадывается об истинных убеждениях оппонента, только он видит преданность Вихрова не новому общественному строю (хоть он ему в чем-то и симпатизирует), а природе. В этом отношении Вихров парадоксален, противоречивы его убеждения.

Обсуждение и выводы

Убеждения Вихрова четко выражены в романе. Источником религиозных воззрений для Ивана становится Калина Глухов, который «охотно разъяснил приятелю веру, ставшую впоследствии верой и самого Ивана Матвейча» [12, с. 84]. Вера эта заключалась в том, «что нет бога на земле, а только никогда не остывающий хмель жизни, да радости пресветлого разума, да еще желтая могильная ямина в придачу – для переплава их в еще более совершенные ценности всеобщего бытия» [12, с. 84–85].

Обратим внимание на то, что в концепции Калины Глухова Бога нет только на земле. На земле, как видно, есть жизнь, разум и смерть, которые нужны для перехода во что-то другое, но непонятно во что и зачем. В остальном же религиозный аспект натурфилософии Вихрова прописан в тексте неоднозначно.

Примечателен поэтому другой эпизод, уже на дне рождения Грацианского, где некий профессор канонического права Аквилонов рассуждает о личном бессмертии души с привлечением текстов Оригена и Августина. Вихров отвечает на это следующее:

Как биологу, мне не приходится прибегать к таким гипотезам, как мнимая вечность отдельной личности <...> Во всяком случае, моя наука учит меня, что все живые организмы умирают прочно. Природа – слишком ревнивая и скупая любовница, чтоб отпускать своих любимцев в некий потусторонний мир, где нет ее самой и куда не простираются ее законы. <...> Здесь Вихрову почему-то вспомнился Калина <...> его готовность пойти на любой переплав, потому что в том-то и состоит справедливость природы, чтобы все побывало всем. <...> и никогда потом не вспыхнет проблеск твоего сознания хотя бы в шелесте кладбищенской травы. <...> Материя забывчива, и ничто не помнит на земле, чем и как оно было раньше. И это не менее замечательно, так как внушает человеку особую ответственность за врученные ему дары ума и воли... Поэтому чем бесследнее исчезновение, тем дороже каждая крупинка бытия [12, с. 156–157].

В этом длинном монологе незаметно вроде бы никаких противоречий с предыдущими суждениями, напротив, высказывается мысль о перерождении в новом качестве, подчеркивается, что материя не обладает возможностью помнить.

Следует заметить и то, что именно природа и наделяет человека умом и волей. Валерий Крайнов сразу после даст интерпретацию этой речи Вихрова: «Мой коллега уже объяснил, что основными условиями жизни являются движение, развитие и смена, то есть непреходящая смерть, которой подчинено все... в том числе и личная память наша» [12, с. 158]. В центре – *смерть*, являющаяся основой мироздания. Движение же к смерти является основным условием жизни (движение, развитие). Не только тело смертно, но и душа. В натурфилософии Вихрова все превращается в пыль и забывается навсегда, кроме природы, она вечна. В какой-то момент он даже скажет, что «лес встречал русского человека при появлении на свет и безотлучно провожал его через все возрастные этапы» [12, с. 275]. Заметно, что лес (природа) является высшей силой, основой бытия.

Проблема человеческого прогресса высказана и Грацианским, который открыто говорит то, что спрятано в измышлениях Вихрова, но применительно к другому аспекту – войне:

Война донныне применялась для установления господства над слабейшим и подчинения его воле победителя. Естественно, достигнутые таким способом успехи нельзя считать прочными, как и всё то, что достигается применением угрозы или насилия. Никакие параграфы мирных договоров не обязательны для внуков, если только, э... операция не сопровождалась поголовным истреблением побежденных <...> и таким образом война родит войну, и потому, надо признать, некоторые не без основания рассматривают пройденный путь человечества как сплошное, скажем мягко, рукопашное препирательство <...> иногда с довольно значительными промежутками покоя, необходимого в целях накопления жиров и средств для будущего столкновения [12, с. 104].

Как видно, Александр Яковлевич представляет историю человечества (цивилизации) как историю постоянной борьбы и взаимного истребления, а далее он и вовсе скажет, «что по мере роста промышленных возможностей и соответственного усложнения отношений такие паузы будут всё более сокращаться, пока человечество не образумится <...> или не превратится в газовую туманность местного значения, когда его разрушительный потенциал подавит окончательно потенциал созидательный» [12, с. 105]. По мнению Грацианского, исто-

рия – это тоже диалектическая борьба противоположностей двух «потенциалов»: созидательного и разрушительного. Созидательный потенциал становится всё короче, а разрушительный всё длиннее ввиду того, что человечество развивается всё быстрее и сильнее. Выход из этого он видит в победе одной силы над другой. Любопытно, что об этом же ретроспективно говорит Валерий Крайнов перед самой революцией Вихрову: «Не бойся, Иван, наступившего затишья... Это копится энергия в нашем обществе. Приложи руки к его полюсам, и тебя убьет на месте разность потенциалов» [12, с. 150].

С виду разные, но концептуально общие положения взаимодействия природы и человека высказывают оба персонажа. Грацианский дополняет воззрения Вихрова, но общим остается неутешительный прогноз решения известного конфликта человека и природы.

В своей известной лекции Вихров скажет, что «[ч]еловеку предоставлена возможность быть не бессовестным эксплуататором природы и не бессильной былинкой в ее потоке, а великой направляющей силой мироздания. Для этого он должен подсмотреть таинственную взаимосвязь, объединяющую ее явления в живой, целостный организм, чтобы облегчить и ускорить работу природы в ее стремлении к совершенству, которого она расточительно, мириадами опытов и с жестокой выбраковкой добивается вслепую. В этом цель и смысл человеческого разума» [12, с. 309]. Обратим внимание на то, что профессор сохранил свои прежние верования, но несколько сместился вектор. Если раньше центром всего на земле была природа, то теперь возникает человек, который может подчинить себе стихию, используя свой разум. Человек может не быть лишь «былинкой» в бесконечном потоке, но может предложить помощь природе, должен стать ее направляющей силой. Как мы видим, происходит некоторая динамика в воззрениях Вихрова, хотя в корне его убеждения не меняются – главная ценность есть природа (т.е. абсолют), по сравнению с которой человек лишь былинка.

Немаловажно и то, что чуть раньше в своем выступлении он покажет, что вся мировая история демонстрирует отсутствие заботы о сохранении природы, показывает отдаление человека от первоосновы. Вихров заметит, что «прогресс в об-

нимку с барышом вторгаются в хвойные дебри» [12, с. 286]. Прогресс или цивилизация (искусственное) для Вихрова парадоксальным образом оказывается злом, поскольку уничтожает природу, посягает на вечное. Поэтому под той самой «направляющей силой» видится скорее приближение к природе, возвращение к ней человека, уход от искусственного к естественному, потому как конечная цель природы состоит в движении к совершенству, в движении к чистоте, то есть к смерти. А человек (точнее, данный ему разум) нужен ей для того, чтобы помочь миру вернуться к исходному состоянию.

В результате мы видим, что образ героя оказывается подвиген и какая-то часть его истинных убеждений оказывается спрятанной в силу понятных политических причин. От начального образа плохого отца и внешнего идеолога нового строя герой переходит в статус противника. Натурфилософия Вихрова гласит, что человек должен уйти от искусственного цивилизационного развития и приблизиться к природе, которая и приведет его к желанному очищению, но через смерть. В этом отношении роман «Русский лес» Леонида Леонова является своего рода пролегоменой к некоторым линиям итогового романа-наваждения «Пирамида».

Список литературы

1. Афанасьева А. С. Романы Л. Леонова 20-х годов: мифопоэтика и натурфилософия // Русская литература XIX–XX вв.: поэтика мотива и аспекты литературного анализа. – Новосибирск: СО РАН, 2004. – С. 38–49.
2. Вахитова Т. М. Художественная картина мира в прозе Леонида Леонова (структура, поэтика, эволюция). – СПб.: Наука, 2007. – 317 с.
3. Гаврилина О. В. Пейзаж – чувство природы – натурфилософия в художественной литературе: основные аспекты изучения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. – 2009. – № 3. – С. 30–37.
4. Грознова Н. А. Творчество Леонида Леонова и традиции русской классической литературы. – Л.: Наука, 1982. – 312 с.
5. Гройс Б. Коммунистический постскрипtum. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2007. – 128 с.
6. Гройс Б. Gesamtkunstwerk Сталин. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2013. – 168 с.
7. Гюнтер Х. О красоте, которая не смогла спасти социализм // Новое литературное обозрение. – 2010. – № 1 (101). – С. 13–31.
8. Долинин А. А. «Гибель Запада» и другие мемы: из истории расхожих идей и словесных формул. – М.: Новое издательство, 2020. – 158 с.
9. Задорина А. О. Ранний традиционализм и соцреализм: проблема художественного взаимодействия в романе Л. Леонова «Русский лес» // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2019. – № 57. – С. 182–190. DOI: 10.17223/19986645/57/11.
10. Лейдерман Н. Л. Парадоксы «Русского леса» // Вопросы литературы. – 2000. – № 6. – С. 29–58.

11. Ленин В. И. Задачи союзов молодежи (Речь на III Всероссийском съезде российского коммунистического союза молодежи) // Полное собрание сочинений: в 55 томах. – 5-е издание. – М.: Изд-во политической литературы, 1981. – Т. 41. – С. 298–318.
12. Леонов Л. М. Русский лес. – М.: Московский рабочий, 1974. – 720 с.
13. Непомнящих Н. А. Мотивы русской литературы в творчестве Л. М. Леонова. – Новосибирск: Институт филологии СО РАН, 2011. – 177 с.
14. Паперный В. Культура Два. – М.: Новое литературное обозрение, 2016. – 416 с.
15. Петишева В. А. Человек и природа в оценке Л. М. Леонова (историко-философский контекст «Русского леса») // Вестник Челябинского государственного университета. – 2007. – № 8. – С. 88–93.
16. Семенова С. Г. Парадокс человека в романах Леонида Леонова 20–30-х годов // Вопросы литературы. – 1999. – № 5. – С. 35–74.
17. Слободнюк С. Л. Леонов и Случевский: апология мысли // Леонид Леонов и русская литература XX века: материалы юбилейной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Л. М. Леонова. – СПб.: Наука, 2000. – С. 83–88.
18. Сорокина Н. В. Люди науки в романах Л. М. Леонова // Вестник Томского государственного университета. – 2002. – № 3. – С. 45–49.
19. Султанова Ю. Ф. Лирико-философское звучание романа Л. М. Леонова «Русский лес» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2014. – № 9. – Ч. 1. – С. 166–168.
20. Сухих С. И. Специфика конфликта в романе Л. Леонова «Русский лес» // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2010. – № 6. – С. 323–329.
21. Хрулев В. И. Художественное мышление Леонида Леонова. – Уфа: Гилем, 2005. – 536 с.

Egor I. Yagin

"Russian Forest" by Leonid Leonov: Natural Philosophy of Ivan Vikhrov

The article deals with the natural philosophy pursuits of Ivan Vikhrov, one of the main characters of the novel "Russian Forest". The hero's value system is examined. The core of it is nature, which is synonymous to being as a whole. A system of opposites is distinguished in Vikhrov's concept, the foundations of which are: genuine (nature) and artificial (state). Civilization and progress lead the world to destruction because they alienate man from nature. The objective of human is to become the guiding force of nature and lead the world to perfection and purification by using reason. In this "human versus nature" conflict the humanity is constantly defeated.

Key words: Leonid Leonov, human, nature, natural philosophy, artificial, genuine.

For citation: Yagin, E. I. (2023) «Russkii les» L. Leonova: naturfilosofiya Ivana Vikhrova ["Russian Forest" by Leonid Leonov: Natural Philosophy of Ivan Vikhrov]. *Art Logos – The Art of Word*. No. 2. Pp. 68–83. (In Russian). DOI 10.35231/25419803_2023_2_68

References

1. Afanas'eva, A. S. (2004) *Romany L. Leonova 20-kh godov: mifopoetika i naturfilosofiya* [L. Leonov's Novels of the 20s: Mythopoetics and Natural Philosophy]. *Russkaya literatura XIX–XX vv.: poetika motiva*

i aspekty literaturnogo analiza [Russian Literature of the XIX–XX centuries: poetics of motif and aspects of literary analysis]. Novosibirsk: SB RAS. Pp. 38–49. (In Russian).

2. Vakhitova, T. M. (2007) *Khudozhestvennaya kartina mira v proze Leonida Leonova (struktura, poetika, evolyutsiya)* [Artistic worldview in Leonid Leonov's prose (structure, poetics, evolution)]. St. Petersburg: Nauka Publ. (In Russian).

3. Gavrilina, O. V. (2009) *Peizazh – chuvstvo prirody – naturfilosofiya v khudozhestvennoi literature: osnovnye aspekty izucheniya* [Landscape – feeling of natural philosophy in fiction: key aspects of leaving]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya: Literaturovedenie. Zhurnalistika – RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*. No. 3. Pp. 30–37. (In Russian).

4. Groznova, N. A. (1982) *Tvorchestvo Leonida Leonova i traditsii russkoy klassicheskoy literatury* [Works of Leonid Leonov and Russian classic literature traditions]. Leningrad: Nauka Publ. (In Russian).

5. Groys, B. (2007) *Kommunisticheskii postskriptum* [The Communist Postscript]. Moscow: Ad Marginem Press (In Russian).

6. Groys, B. (2013) *Gesamtkunstwerk Stalin* [The Total Art of Stalinism: Avant-Garde, Aesthetic Dictatorship, and Beyond]. Moscow: Ad Marginem Press. (In Russian).

7. Günther, H. (2010) *O krasote, kotoraya ne smogla spasti sotsializm* [About the beauty that could not save socialism]. *Novoe literaturnoe obozrenie – New Literary Observer*. No. 1 (101). Pp. 13–31. (In Russian).

8. Dolinin, A. A. (2020) *"Gibel' Zapada" i drugie memy: iz istorii rashkhozhihk idey i slovesnykh formul* ["Decline of the West" and other memes: on history of popular ideas and idioms]. Moscow: Novoe Izdatel'stvo. (In Russian).

9. Zadorina, A. O. (2019) *Rannii traditsionalizm i sotsrealizm: problema khudozhestvennogo vzaimodeistviya v romane L. Leonova "Russkii les"* [Early Traditionalism and Socialist Realism: The Problem of Artistic Interaction in Leonid Leonov's The Russian Forest]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. No. 57. Pp. 182–190. DOI: 10.17223/19986645/57/1 (In Russian).

10. Leyderman, N. L. (2000) *Paradoksy "Russkogo lesa"* [Paradoxes of The Russian Forest]. *Voprosy literature – Questions of literature*. No. 6. Pp. 29–58. (In Russian).

11. Lenin, V. I. (1981) *Zadachi soyuzov molodezhi (Rech' na III Vserossiiskom s'ezde rossiiskogo kommunisticheskogo soyuza molodezhi)* [Tasks of Youth Unions (Speech at the III All-Russian Congress of the Russian Communist Youth Union)]. *Polnoe sobranie sochinenii: v 55 tomakh. 5-e izdanie* [The complete works: in 55 volumes. 5th edition]. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoi literatury. Vol. 41. Pp. 298–318. (In Russian).

12. Leonov, L. M. (1974) *Russkii les* [The Russian Forest]. Moscow: Moskovskiy rabochiy Publ. (In Russian).

13. Nepomnyashchikh, N. A. (2011) *Motivy russkoy literatury v tvorchestve L. M. Leonova* [Russian literature motifs in the works of Leonid Leonov]. Novosibirsk: Institute of Philology of SB RAS. (In Russian).

14. Paperny, V. (2016) *Kul'tura Dva* [Architecture in the Age of Stalin: Culture Two]. Moscow: New Literary Observer. (In Russian).

15. Petisheva, V. A. (2007) *Chelovek i priroda v otsenke L. M. Leonova (istoriko-filosofskiy kontekst "Russkogo lesa")* [Leonov's opinion on Man and Nature relation (Historical and philosophical contexts of The Russian Forest)]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Chelyabinsk State University*. No. 8. Pp. 88–93. (In Russian).

16. Semenova, S. G. (1999) *Paradoks cheloveka v romanakh Leonida Leonova 20–30-kh godov* [Human paradox in 1920s–1930s works by Leonid Leonov]. *Voprosy literature – Questions of literature*. No. 5. Pp. 35–74. (In Russian).

17. Slobodnyuk, S. L. (2000) *Leonov i Slucevskii: apologiya mysli* [Leonov and Slucevsky: apologetics of thought]. *Leonid Leonov i russkaya literatura XX veka: Materialy yubileynoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 100-letiyu so dnya rozhdeniya L. M. Leonova* [Leonid Leonov and Russian literature of the 20th century]. Proceedings of anniversary scientific conference commemorating 100 years since the birth date of Leonid Leonov. St. Petersburg: Nauka Publ. (In Russian).

18. Sorokina, N. V. (2002) *Lyudi nauki v romanakh L. M. Leonova* [Men of science in L. M. Leonov's novels]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. No. 3. Pp. 45–49. (In Russian).

19. Sultanova, Y. F. (2014) *Liriko-filosofskoe zvuchanie romana L. M. Leonova "Russkii les"* [Lyrical and philosophical sounding of L. M. Leonov's novel The Russian Forest]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philology. Theory & Practice*. No. 9. Part 1. Pp. 166–168. (In Russian).

20. Sukhikh, S. I. (2010) *Spetsifika konflikta v romane L. Leonova "Russkii les"* [The peculiarity of the conflict in L. Leonov's novel The Russian Forest]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo – Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*. No. 6. Pp. 323–329. (In Russian).

21. Khrulev, V. I. (2005) *Khudozhestvennoe myshlenie Leonida Leonova* [The Artistic Thinking of Leonid Leonov]. Ufa: Gilem Publ. (In Russian).

дата получения: 23.03.2023 г.
дата принятия: 08.04.2023 г.
дата публикации: 30.06.2023 г.

date of receiving: 23 March 2023
date of acceptance: 08 April 2023
date of publication: 30 June 2023

С. Ф. Меркушов

Герменевтическое прочтение отсутствующего текста: к вопросу об интермедиальных ресурсах в интерпретации («О отшествии преподобного в пустыню от славы человеческая» Егора Летова и Константина Рябинова)

Текст «О отшествии преподобного в пустыню от славы человеческая» помещается на обложке второго альбома/цикла/текста группы Егора Летова под общим названием «Сто лет одиночества». Это позволяет выдвинуть предположение о возможности его рассмотрения как своего рода подзаголовка, сосуществующего с этим общим названием, а всё вместе (и заголовок, и подзаголовок) тогда воспринимается как заголовочный комплекс и представляет собой первую/начальную сильную позицию данного альбома/цикла как текста. Завершающий альбом (т.е. находящийся в сильной позиции) текст носит то же название – «О отшествии преподобного в пустыню от славы человеческая». Его интерпретации в историко-культурном и социокультурном контексте по большей части посвящён материал. Важнейшим результатом предлагаемого, в целом интермедиального, исследования можно считать очередное подтверждение гипотезы о большом аналитическом потенциале синтетического подхода к толкованию произведения, в котором отсутствует вербальный текст.

Ключевые слова: интермедиальность, поэзия, рок-поэтика, альбом «Сто лет одиночества», Егор Летов, Константин Рябинов.

Для цитирования: Меркушов С. Ф. Герменевтическое прочтение отсутствующего текста: к вопросу об интермедиальных ресурсах в интерпретации («О отшествии преподобного в пустыню от славы человеческая» Егора Летова и Константина Рябинова) // Art Logos (искусство слова). – 2023. – № 2. – С. 84–94. DOI 10.35231/25419803_2023_2_84

Необходимо кратко изложить те доступные нам исторические факты, которые связаны с происхождением и бытованием названия/текста «О отшествии преподобного в пустыню от славы человеческая». Важно отметить, что само его название отыскалось в выпуске № 9 1990 г. журнала

«Родина»¹ (конкретнее – ниже) еще до появления альбома и относилось к иконе, созданной Егором Летовым и Константином Рябиновым как «самостоятельный объект» в «эпоху коллажей» [3, с. 212]. Впоследствии икона, или её часть, превратилась в обложку, а замыкающая альбом инструментальная композиция была озаглавлена идентично ей. Обо всём этом Егор Летов рассказывает уже далеко постфактум, в апреле 2007 года, отвечая на вопрос посетителя официального сайта «Гражданской обороны». И здесь вызывает интерес «изобилие неправильностей», как в выборе словесных форм, так и в смысловом отношении: «неправильный рифф», «неправильные места»² его включения в композицию, «неправильное», по мнению студийных деятелей звукозаписывающих компаний, её завершение резким обрывом, «неправильность» вроде бы правильного по языковым нормам употребления предлога (вместо «об» – «о») в заглавии инструментала, с которым (с заглавием) он длительное время существовал в «пиратских» выпусках альбома. А затем, подводя некие жизненные итоги, предчувствуя скорое завершение земного пути, поэт говорил, что для него не существует критериев добра и зла, но есть понятия «красиво – некрасиво и правильно – неправильно»³. По Летову, «неправильно» часто оборачивается магическим «правильно»; подтверждений тому в интервью очень много, в том числе и в одном из упоминаемых – «неправильный» басс на самом деле «магический». Но приведем фрагмент наиболее знаковой, с нашей точки зрения, беседы: «Нужно быть охотником, долго охотиться, применять определенные методы стимуляции, магические выслеживания самого себя. Например, поступать себе наперекор, в течение дня делать все, чего тебе делать не хочется: захотел сесть на стул – стоять; хочется спать – не спать; хочется включить телевизор – сломать его. И в некий момент начинает что-то такое происходить. Что-то вроде колодца, водоворота, потока, который проходит сквозь тебя. Этого

¹ О отшествии преподобного в пустыню от славы человеческая // Родина. – 1990. – № 9. – С. 54. Электронный ресурс. URL: <https://disk.yandex.ru/1/4SPTvrStimmASC> (дата обращения: 25.03.2023).

² Егор Летов. Ответы на вопросы посетителей официального сайта Гражданской Обороны, 18.04.07 // Официальный сайт группы «Гражданская Оборона». Электронный ресурс. URL: <https://www.gr-oborona.ru/pub/offline/1177046905.html> (дата обращения: 25.03.2023).

³ Егор Летов. Ответы на вопросы посетителей официального сайта Гражданской Обороны, 23.12.04. // Официальный сайт группы «Гражданская Оборона». Электронный ресурс. URL: <https://www.gr-oborona.ru/pub/offline/1103835530.html> (дата обращения: 25.03.2023).

можно добиться и с помощью всяких духовных практик. Но если есть какие-то костыли, которые тебе в этом помогают, то это применяется тут же. Потому что ждать неохота»¹.

Так что все обнаруживаемые здесь несоответствия, идущие вразрез с логикой, рациональностью, обретают характер ухода от автоматизма, обыденности, рефлекторности, т.е. всего того, что связывается с приостановкой, затрудненностью, а в результате – с отсутствием движения, означая смерть. Но этот уход маркирует самораскрытие, выражающееся в возврате понимания истинной природы вещей, которое неизбежно следует за чудесной глобальной метаморфозой, «как если бы человека долго вели с завязанными глазами, он в некий момент занес ногу, чтобы шагнуть, а там обрыв, и повязки на глазах нет»².

Материалы и методы

Одной из наиболее ярких «неправильностей», касающихся предмета нашего исследования, является то, что закрывающий альбом текст «О отшествии...» – это инструментал. Инструментал как музыкальный жанр в отечественной рок-музыке, как минимум в репертуарах его типичных представителей, до года выхода альбома «Сто лет одиночества» (1993) почти не встречается, а немногочисленные примеры представляют собой именно безвокальные версии композиций, существующих главным образом в своем полном, словесно-музыкальном, виде, для определения которого традиционно используется понятие «песня» (мы не говорим сейчас о группах, большей частью принципиально ориентированных на инструментальную музыку, – например, «Джунгли»). Для Летова же инструменталы, и собственного сочинения, и чужие, имели огромное смысловое значение. С формальной стороны, может быть, увлечение инструменталами как-то интегрировало рассматриваемое творчество в зарубежную психоделическую, «кислотную» англо-американскую культуру, где они всегда занимали особое место, но если говорить о фундаментальных основах творческого акта, то стоит приве-

¹ Сорокин К. Средства «Обороны» // Rolling Stone. – 2007. – № 7 (37). Июль. – С. 75. Электронный ресурс. URL: https://grob-hroniki.org/pdf/2007/2007-07-xxa_rs_37.pdf (дата обращения: 25.03.2023).

² Егор Летов. Ответы на вопросы посетителей официального сайта Гражданской Обороны, 20.02.05. // Гр. Об. – хроники: сайт. Электронный ресурс. URL: https://grob-hroniki.org/article/2005/art_2005-02-20a.html (дата обращения: 25.05.2023).

сти точку зрения самого автора: «– Я вообще не воспринимаю сие отдельно от творчества. Когда пишешь роман, у него есть вступление, развитие, какие-то главы, драматургия, финал. Это как если спросить Толстого или Достоевского, почему у вас в каждом романе есть глава № 7 или там 15. Или удивиться, почему часто предложение кончается точкой или многоточием. Мне вообще больше свойственно писать инструментальную музыку. Если бы я мог выразить то, что хочу, чтобы было понятно, я вообще бы писал только инструментальную музыку и сопровождал видеорядом (вообще наше творчество, мое и Кузьмы, очень кинематографично, мы киношные люди). Но, бл**ь, приходится говорить какие-то слова. Пришлось научиться выражаться красиво и здорово. При этом моя поэзия как таковая – это, по сути, тоже музыка с видеорядом. Ибо словами невыразимо то, что должно быть выражено. Слова сами по себе – дрянные костыли» [3, с. 23].

Этим высказыванием еще раз подчеркивается антиномичность и вместе с тем целостность мышления Летова: собственное творчество он истолковывает и сквозь литературную, и сквозь кинематографическую, и сквозь музыкальную призму, при этом значительно преуменьшая вербальную его составляющую, но и акцентируя в качестве соавтора Константина Рябинова. Как уже упоминалось, текст «О отшествии...» высоко оценивался лидером «Опи***невших»: «Самый красивый и глобальный опус, созданный нашим коллективом»¹ (курсив наш. – С. М.). Полагаем, что «наш коллектив» – это прежде всего авторский коллектив данной конкретной композиции, т.е. Летов и Рябинов, которые являются и авторами исходного и магистрального проекта «Гражданская оборона». Высказывание относится к 2005 году – году переиздания альбома «Сто лет одиночества», где композиция, наконец, зазвучала «<...> в должном виде – то есть с резким обрывом в конце»² (до того всё заканчивалось «фейдингом» – постепенным «угасанием» мелодии). Таким образом, как и хотел сам автор, первоначальный смысл возвращался не только тексту, но и всему альбому/циклу. Сам текст, повторим, находится

¹ Официальный сайт группы «Гражданская Оборона». Электронный ресурс. URL: https://www.gr-oborona.ru/pub/discography/sto_let_odinchestva.html (дата обращения: 25.05.2023).

² Егор Летов. Ответы на вопросы посетителей официального сайта Гражданской Обороны, 20.02.05. // ГрОб – хроники: сайт. Электронный ресурс. URL: https://grob-hroniki.org/article/2005/art_2005-02-20a.html (дата обращения: 25.05.2023).

в сильной позиции, причем, возможно, финализация здесь важнее начала. Данный момент важно учесть, поскольку, как видим, Летов придавал большое значение очередности композиций альбома, как рассматриваемого, так и любого другого – концептуальный подход всегда доминировал и в выборке песен для концертных выступлений. Подчеркнём, что две первые песни – «Свобода» и «Евангелие» – могли войти в предыдущий альбом проекта «Прыг-Скок. Детские песенки», поскольку, по словам автора, были написаны именно для него¹. Поэтому вполне логично, как и парадоксально, одновременно со «Свободой» первой песней альбома «Сто лет одиночества» считать «Глина научит», что еще более семантически «интериоризирует» цикл, укрепляя его смысловое единство. В «Глина научит» и в «О отшествии преподобного в пустыню от славы человеческая» играет одна и та же басс-партия, за счет чего не просто фиксируется внешняя, мелодическая, корреляция песни и инструментала, но, полагаем, устанавливается и семантико-семиотическая связь между ними, так что цикл образует еще и внутреннее кольцо. Поэтому в нашем случае правильнее дать общую (краткую) трактовку песни «Глина научит» и инструменталу «О отшествии...». При этом совершенно понятно, что отсутствие вербального текста во втором не означает, что его нет совсем. Мы можем наблюдать специфическую ситуацию, когда видимый «факт» отсутствия текста выражает значимое его присутствие – отсутствие текста превращается в тип текста [5, с. 270–278]. Особый художественный статус в таких случаях получает заглавие, которое, по сути, становится непосредственным текстом произведения, причем «заглавие в лирике играет роль, подобную роли темы в музыкальном произведении»², что еще более актуализирует наш контекст.

Результаты

В обоих текстах («Глина научит» и «О отшествии...») так или иначе речь идет о высшей реальности или её сегменте, куда предстоит попасть субъекту, чтобы научиться чему-то со-

¹ Официальный сайт группы «Гражданская Оборона». Электронный ресурс. URL: https://www.gr-oborona.ru/pub/discography/sto_let_odinochestva.html (дата обращения: 25.05.2023).

² Орлицкий Ю. Б., Веселова Н. «Заметки о заглавии (в русской поэзии 1980–90 гг.)» // Арион. – 1998. – № 1. Электронный ресурс. URL: <http://www.levin.rinet.ru/ABOUT/vesel-orl.htm> (дата обращения: 25.05.2023).

ответственному, постичь что-то сверхъестественное. «Глина» и «пустыня» в этом отношении могут рассматриваться в одной семантической парадигме. Причем, по сути, в песне и инструментале Летоным разрабатываются варианты разнообразно присутствующих в его творчестве апокалипсисов – внутренних и внешних, когда апофеозом обучения и микрокосма, и макрокосма становятся глина и пустыня как средство и результат (что удивительно, даже на уровне возникновения бесплодной земли как природного явления – из «небесной тверди», из «глины с небес», засыпающей земные территории и даже города, превращающей их в пустыни).

А внешнее/общее кольцо цикла формируется в семантической корреляции названия иконы/обложки/альбома/инструментала, и эта корреляция открывает еще несколько смыслов, ведущих нас далее.

Во-первых, название/текст «О отшествии преподобного в пустыню от славы человеческия» (его теперь будем прочитывать как инструментально-иконическое единство) является прямой цитатой из «Повести о житии Иова Льговского», напечатанной в 9-м номере журнала «Родина» за 1990-й год [6, с. 50–55], где оба автора «О отшествии...» с ним и ознакомились¹. Как известно, преподобный в православной традиции – это святой из монахов, благодаря своим трудам преуспевший в уподоблении Христу. Преподобный Иов же был старообрядцем, т.е. всё-таки не поддерживавшим официальную церковь и отходившим в пустыни для уединения, которое часто оборачивалось стечением в эти места прознавшего о преподобном народа и последующим созданием там обителей. Возможно, авторов инструментала привлекли именно отвергнутость и «еретичество» старообрядчества/раскольничества, обретавшего при этом массу последователей, нередко без особого согласия со своей стороны. Так и движение «Гражданская оборона», всегда позиционировавшее себя одиозно по отношению к «официальной идеологии», по сей день продолжается в некоем онтологическом и метафизическом ракурсе. При том, что, по собственным словам, не говоря о неоднократном

¹ «Повесть» существует в единственном списке начала XVIII века, переданном в 1971 году старообрядческим епископом Иоасафом (Карповым) археографической экспедиции Московского государственного университета. См.: Электронный ресурс. URL: <http://krotov.info/acts/17/3/iov.htm> (дата обращения: 25.05.2023). Вряд ли данный список был известен авторскому тандему, но это вопрос другой работы.

подтверждении того близкими друзьями (Максимом Семеляком, к примеру), Летов не очень-то любил концертные выступления, общение с публикой и журналистами, стремясь проводить время в одиночестве. Но эта мечта о «замечательных ста годах одиночества», выражаемых в «отшествии в пустыню от славы человеческая», так и осталась мечтой. По-другому и быть не могло, но здесь уже подключаются иные мотивы, в малой степени связанные с волей земных авторов, в конечном итоге являющихся проводниками энергий и замыслов, идей и смыслов Вселенной, Космоса, Бога. А кроме того, у Рябинова и Летова образ «преподобного» обретает типологический характер: он уже ближе к *типу*, к обобщенному образу, а такие образы у Летова часто, если не всегда, синонимичны глобальным.

Во-вторых, можно говорить о вероятном сопряжении исследуемого текста и с другими отдельными православными текстами, а, в частности, с текстом «Лествица, возводящая на небо» преп. Иоанна Лествичника [2]. Это произведение состоит из 30 Слов/Ступеней, помогающих христианину искоренять пороки на пути к единению с Богом. Причем тщеславие как раз понимается как «слава человеческая», т.е. слава мирская, вопреки «славе Господней». Как уже было сказано, безусловно, сам текст «О отшествии...» интерпретируется как текст о смерти/переходе, выражаемых в освобождении от телесной оболочки, «[и]бо всякая плоть – как трава, и всякая слава человеческая – как цвет на траве: засохла трава, и цвет ее опал» [1 Пет. 1: 24]. «Отшествие» в такой семантической обусловленности может восприниматься и как окончание земной жизни старцев («Приблизилось, наконец, отшествие великого подвижника в другую жизнь» [7]), и как житийный их подвиг, совершение которого знаменует получение даров свыше, в том числе сенситивных способностей, и как вариация искушения Христа в пустыне. Таким образом, текст может представлять собой и обобщенную репрезентацию двойственности человеческой природы, содержащей творческое/божественное начало. «Пустыня» также кажется дуально трактуемой в связи с рецепцией лексемы как топического обозначения отречения/освобождения от мира и, одновременно, локуса опасностей и лишений. Характерно номерное

совпадение композиции 22-й «О отшествии преподобного в пустыню от славы человеческая» и Ступени 22-й¹ «О многообразном тщеславии» – и здесь мы снова сталкиваемся с мистическим аспектом творческого акта, обусловленным герметическими принципами бытия и находящимся на грани объяснимого и необъяснимого.

Вполне вероятно также, что Егору и Кузьме в свое время понравился один из подзаголовков «Повести о житии Иова Львовского» и впоследствии, а может быть, даже вскоре после создания иконы-коллажа, связь с первоисточником забылась. Получается, что сам вербальный текст, будучи цитируемым, попадая в иной художественный контекст, становится оригинальным (а во многом типизирующим, именно глобальным), о чем говорил и Летов, и большинство исследователей его творчества в беседах с Юрием Доманским [1].

И в-третьих, на наш взгляд, композиция «О отшествии преподобного в пустыню от славы человеческая» обладает спецификой семантической сопоставленности художественных концептов текста как «универсальных элементов смысла»² с телеологическим биографическим пространством движения «Гражданской обороны». Вспомним, что сама композиция была задумана, судя по времени записи (1991–1992 гг.), в самом начале 1990-х: «Дело в том, что все наши альбомы выходят с большим опозданием. Например, "Русское поле экспериментов" – это песни 86-го года, "Сто лет одиночества" – песни 91-го года, даже 90-го» [4, с. 239]. Именно с «кризисным» периодом роспуска Летовым «Гражданской обороны» и всех связанных с этим событий в известной степени сопряжено появление «О отшествии...». Оно совпало с новым этапом творчества коллектива, сохранившего костяк «резидентов», но получившего новое название, дабы исключить любые упоминания о себе в прессе, т.е. не допустить всякой вероятности причастности «славы человеческая». Однако стоит заметить, что данным инструментом декларируется экзистенциальный вектор «Гражданской обороны», особенностями которого станут новый, уникальный, по словам Летова, звук

¹ Существует немало особых интерпретационных вариантов, касающихся числа 22 в различных культурах и мировоззренческих парадигмах: 22 пути на древе сефирот и, пропорционально, 22 карты старшего аркана таро (каббала); 22 – основное число в нумерологии, и ряд других соответствий.

² Колесникова В. В. Художественный концепт «Душа» и его языковая репрезентация (на материале произведений Б. Пастернака): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Краснодар: КГУ, 2008. – С. 15

и новый, во многом в силу своего экзистенциалистского содержания, текст. Уход от вербализации, отказ от произнесения каких-либо слов и резкий, крутой обрыв музыки в финале как бы «готовят почву» для песни «Солнцеворот», с которой начинается следующий по хронологии одноименный альбом и провозглашается необходимость политической и метафизической консолидации сил света, как их понимал Летов того времени. И важно заметить, что композиция «О отшествии...» начала звучать на выступлениях «Гражданской обороны», согласно сайту «ГрОб-хроники»¹, с 2000-го года, когда к уже новому составу временно присоединяется брат Егора Сергей (т.е. здесь тоже в смысле возрастания роли воссоединения). Апогеем же исполнения композиции становится знаменитый концерт в Москве 13 ноября 2004 года – здесь «О отшествии...» идет финальным номером, – посвященный двадцатилетию существования группы и собравший практически всех, кто когда-либо в ней участвовал.

Обсуждение и выводы

Таким образом, «О отшествии преподобного в пустыню от славы человеческая» – это уникальный текст по ряду факторов. Двойное авторство, отсутствие словесной экспликации при визуальной соотнесенности вербального (название) и иконического (коллаж обложки альбома) компонентов, амбивалентность бытования (первоначально в двух «редакторских» вариантах написания самой заголовочной фразы, затем в двух основных вариантах записи самой композиции), общая семантическая переходность – лишь некоторые, пунктирные, атрибуты его исключительности. Глобальность и интермедialность текста опосредуется как минимум двумя причинами, связанными, во-первых, с его жизнеспособностью/функциональностью в культурном пространстве и, во-вторых, с интенцией одного из авторов – Егора Летова, собственно, и обозначившего текст как «глобальный». Границы понятия «культурное пространство» при этом достаточно широко раздвигаются, поскольку основными категориями рассмотрения данного текста, как мы постарались показать, могут стать та-

¹ ГрОб хроники: сайт. Электронный ресурс. URL: https://grob-hroniki.org/texts/go/t_el_o_ob_otshestvii_prepodobnago.html (дата обращения: 25.05.2023).

кие его параметры, как «рубежность» и «трансгрессивность», во многом уточняющие и углубляющие применяемый здесь термин «интермедиальность».

В качестве резюме заметим, что все инструменталы центральных проектов Егора Летова имеют общую семантическую тенденциозность, реализуемую именно в мотиве пути/перемещения/движения. Причем семантика названий композиций и возникающих в сознании при их прослушивании образов может быть соотнесена с идеей выхода в универсальном понимании: от нарушения самых простых, чаще социальных, границ до трансгрессии как феноменального, метафизического перехода, как принципа устремленности за всякие пределы. «Поезд на Малую землю», «Никак», «Жека уже в Гамбурге/Про голографических соловьёв», «О отшествии преподобного в пустыню от славы человеческая», «Из последних сил», «Свой среди чужих», «Где», «Песня барсука» – все эти названия интуитивно прочитываются через герменевтическую призму поиска/преодоления/освобождения, а воспроизведение их в записи приглашает приблизиться к особому постижению жизни, живого, вечного. Подобного летовской метафоре человека как заброшенного в океан аквариума с рыбками, у которого, наконец, не осталось «рамок».

Список литературы

1. Доманский Ю. В. Поэтика Егора Летова: Беседы с исследователями. – М.: Выргород, 2021. – 320 с.
2. Лествичник Иоанн преп. Лествица, возводящая на небо. – М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2013. – 592 с.
3. Летов Е. Офлайн. – М.: Выргород, 2018. – 280 с.
4. Летов Е. Я не верю в анархию / Сборник публикаций. – М.: Выргород, 2020. – 280 с.
5. Орлицкий Ю. Б. Minimum minimorum: Отсутствие текста как тип текста // Новое литературное обозрение. – 1997. – № 23. – С. 270–278.
6. Повесть о житии Иова Львовского // Родина. – 1990. – № 9. – С. 50–55.
7. Сладкопевцев П. М. Древние палестинские обители и прославившие их св. подвижники / [Соч.] Петра Сладкопевцева. Вып. 1–4. – СПб.: императорское Православное палестинское об-во, 1895–1896. – Вып. 4. – 188 с.

Stanislav F. Merkušov

Hermeneutical Reading of the Missing Text: on the Question of Intermedial Resources in Interpretation ("On the Departure of the Reverend into the Wilderness from the Glory of Man" by Egor Letov and Konstantin Ryabinov)

The text "On the Departure of the Reverend into the Desert from the Glory of Man" is placed on the cover of the second album/cycle/text of the group Egor Letov under the general title "One Hundred Years of Solitude". This allows us to put forward an assumption about the possibility of considering it as a kind of subtitle coexisting with this common title, and all together (both title and subtitle) will then be perceived as a title complex and represent the first/initial strong position of this album/cycle as a text. The final album (that is, being, again, in a strong position) the text bears the same name – "On the Departure of the Reverend into the Wilderness from the Glory of Man". His interpretation in the historical-cultural and socio-cultural context is mostly devoted to the material. The most important result of the proposed, generally intermedial, study can be considered another confirmation of the hypothesis about the great analytical potential of a synthetic approach to the interpretation of a work in which there is no verbal text.

Key words: intermediality, poetry, rock poetics, album "One Hundred Years of Solitude", Egor Letov, Konstantin Ryabinov.

For citation: Merkušov, S. F. (2023) Germenevticheskoe prochtenie otsustvuyushchego teksta: k voprosu ob intermedial'nyh resursah v interpretacii ("O otshestvii prepodobnago v pustynyu ot slavy chelovecheskiya" Egora Letova i Konstantina Ryabinova) [Hermeneutical reading of the missing text: on the question of intermedial resources in interpretation ("On the Departure of the Reverend into the Wilderness from the Glory of Man" by Egor Letov and Konstantin Ryabinov)]. *Art Logos – The Art of Word*. No. 2. Pp. 84–94. (In Russian). DOI 10.35231/25419803_2023_2_84

References

1. Domansky, YU. V. (2021) *Poetika Egora Letova: Besedy s issledovatelyami* [Egor Letov's Poetics: Conversations with Researchers]. Moscow: Vyrgorod Publ. (In Russian).
2. Lestvichnik Ioann prep. (2013) *Lestvica, vozvodyashchaya na nebo* [Ladder leading to heaven]. Moscow: Izd-vo Sretenskogo monastyrya. (In Russian).
3. Letov, E. (2018) *Oflajn* [Offline]. Moscow: Vyrgorod Publ. (In Russian).
4. Letov, E. (2020) *Ya ne veruyu v anarhiyu. Sbornik publikacij* [I do not believe in anarchy / Collection of publications]. Moscow: Vyrgorod. (In Russian).
5. Orlicky, Yu. B. (1997) *Minimum minimorum: Otsustvie teksta kak tip teksta* [Minimum minimorum: No text as a type of text] *Novoe literaturnoe obozrenie – New Literary Observer*. No. 23. Pp. 270–278. (In Russian).
6. *Povest' o zhizni Iova L'govskogo* (1990) [The Tale of the Life of Job L'govsky] *Rodina – Motherland*. No. 9. Pp. 50–55. (In Russian).
7. Sladkopevcev, P. M. (1895–1896) *Drevnie palestinskie obiteli i proslavivshie ih sv. podvizhniki* [Ancient Palestinian monasteries and St. devotees] [Soch.] Petra Sladkopevceva. Vyp. 1–4. St. Petersburg Imperatorskoe Pravoslavnoe palestinskoe obshchestvo Publ. (In Russian).

дата получения: 03.03.2023 г.
дата принятия: 17.03.2023 г.
дата публикации: 30.06.2023 г.

date of receiving: 03 March 2023
date of acceptance: 17 March 2023
date of publication: 30 June 2023

М. А. Жиркова, О. В. Капустина

Деятельность М. П. Чеховой по сохранению памяти писателя А. П. Чехова

В статье анализируется общественная и литературная деятельность М. П. Чеховой – младшей сестры А. П. Чехова, направленная на сохранение памяти писателя. В качестве основных источников рассматриваются автобиография Марии Павловны и ходатайство Общества друзей московского государственного музея им. А. П. Чехова об установлении ей персональной пенсии, находящиеся в личном деле персонального пенсионера республиканского значения. Документы содержат сведения о ее деятельности по созданию музея А. П. Чехова в Ялте, хранительницей, заведующей и директором которого М. П. Чехова была на протяжении ряда лет. Подчеркивается значимость ее работы по составлению и изданию собрания писем и материалов литературного архива брата. Обращено внимание на факт ее передачи государству недвижимости в Ялте, а также других материальных ценностей, ставших основными экспонатами ялтинского и московского чеховских музеев.

Ключевые слова: А. П. Чехов, М. П. Чехова, персональное пенсионное обеспечение, заслуги перед государством, ходатайство, автобиография, архив, Дом-музей.

Для цитирования: Жиркова М. А., Капустина О. В. Деятельность М. П. Чеховой по сохранению памяти писателя А. П. Чехова // Art Logos (искусство слова). – 2023. – № 2. – С. 95–111. DOI 10.35231/25419803_2023_2_95

Среди русских писателей рубежа XIX–XX вв. А. П. Чехов занимает особое место. С одной стороны, большая часть его жизни и творчества принадлежит XIX веку, с другой – он человек и писатель, в деятельности которого отразились духовные искания и стилистика следующего века. Не меньший интерес, чем его литературное наследие, вызывает его окружение. Пожалуй, самые доверительные

отношения у Антона Павловича сложились с младшей сестрой Марией Павловной Чеховой (1863–1957). Не случайно по личному письму-завещанию А. П. Чехова от 3 августа 1901 г., написанному им за несколько лет до смерти и адресованному сестре, именно она являлась его душеприказчицей [15, с. 22].

В настоящее время ученые пытаются взглянуть на биографию Марии Павловны через призму различных источников. Так, Н. А. Ковалева исследовала семейную переписку [6], О. В. Спачиль – роман К. Андерсон о ее судьбе [13], А. В. Кубасов – биографический образ М. П. Чеховой как модель, которую А. П. Чехов представлял в своих произведениях в различных образных модификациях [7]. Ю. Г. Долгополова рассмотрела деятельность сестры писателя в ялтинском Доме-музее А. П. Чехова в послевоенные годы [3].

Цель нашей работы – проанализировать личное дело персонального пенсионера республиканского значения М. П. Чеховой, содержащее документы о ее деятельности, направленной на сохранение памяти о великом брате. Материалы личных дел персональных пенсионеров позволяют уточнить факты их профессиональной деятельности, выявить неизвестные подробности личной жизни, даже выстроить целостные биографии. В настоящее время уже исследованы документы пенсионных дел организатора кинопроизводства, сценариста и кинорежиссера А. А. Ханжонкова¹, писателя А. И. Куприна [4], библиографа Н. А. Рубакина [14].

Персональное пенсионное обеспечение было введено в феврале 1923 г. на основании декрета Совета народных комиссаров (СНК) РСФСР «О персональных пенсиях лицам, имеющим исключительные заслуги перед республикой» [8] для материальной поддержки утративших трудоспособность выдающихся граждан. При установлении пенсий учитывались заслуги в области революционной и профессиональной деятельности, а также в области науки, искусства и техники. Право на назначение персональных пенсий республиканского значения определялось в Комиссии по назначению персональных пенсий при Народном комиссариате социального обеспечения (Наркомсобес, НКСО) РСФСР. Именно после

¹ Бессолицын А. А. Личное дело персонального пенсионера СССР А. А. Ханжонкова как исторический источник // Научный вестник Крыма. – 2021. – № 4 (33). Электронный ресурс. URL: <https://nvk-journal.ru/index.php/NVK/article/view/750> (дата обращения: 15.02.2023)

рассмотрения и принятия положительного решения поступившие в Комиссию документы претендентов о заслугах, нетрудоспособности, нуждаемости и иждивенцах формировались в личные дела получателей персональных пенсий.

С 1928 г. с вводом в действие Постановления Центрального исполнительного комитета (ЦИК) СССР и СНК СССР «О персональных пенсиях» [9] в СССР начала функционировать трехуровневая система персональных пенсий: пенсии союзного, республиканского и местного значения. При этом стал осуществляться постепенный перевод наиболее заслуженных получателей ранее назначенных республиканских пенсий на более статусные союзные.

Задачи данного исследования: на основании документов личного пенсионного дела персонального пенсионера республиканского значения, хранящегося в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ), рассмотреть общественную и литературную деятельность Марии Павловны Чеховой – так она сама называет свою работу по составлению и изданию собрания писем и материалов литературного архива брата – и оценить значимость ее работы по сохранению памяти А. П. Чехова с точки зрения советского государства.

Материалы и методы

Основными источниками нам послужили: из материалов личного пенсионного дела – заключение Арбатского бюро врачебной экспертизы от 16 февраля 1925 г.¹, автобиография М. П. Чеховой от 17 февраля 1925 г.,² ходатайство Общества друзей московского государственного музея им. А. П. Чехова от 12 марта 1930 г. о персональной пенсии Марии Павловне³ и две личные карты лица, испрашивающего назначение персональной пенсии или пособия без даты заполнения⁴. Кроме этого, воспоминания современников сестры писателя, уточняющие информацию вышеназванных документов.

По сложившейся практике пенсионные дела персональных пенсионеров оформлялись на имя того, за чьи заслуги пенсионное обеспечение было установлено. Соответственно,

¹ ГАРФ. Ф. А539. Оп. 3. Д. 1864. Л. 11.

² ГАРФ. Ф. А539. Оп. 3. Д. 1864. Л. 9–10 об.

³ ГАРФ. Ф. А539. Оп. 3. Д. 1864. Л. 4.

⁴ ГАРФ. Ф. А539. Оп. 3. Д. 1864. Л. 1, 7.

в Государственном архиве Российской Федерации хранятся пенсионные дела таких персональных пенсионеров республиканского значения, как: А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, Ф. М. Достоевский, Л. Н. Толстой, А. Н. Некрасов и др., оформленные для материальной поддержки их потомков и родственников. Факт оформления пенсионного дела сестры А. П. Чехова как совокупности документов на ее собственное имя говорит о признании советским государством ее личных заслуг. При этом в документах пенсионного дела родство с писателем постоянно подчеркивается: в ходатайстве Общества друзей московского государственного музея им. А. П. Чехова о Марии Павловне говорится именно как о сестре писателя¹. Свою автобиографию она также начинает словами: «Я, Мария Павловна Чехова, родная сестра писателя Антона Чехова»². Во второй, более поздней, личной карте все-таки А. П. Чехов значится в качестве пенсионера, а в графе «Заслуги в области революционной, профессиональной, научной» о Марии Павловне записано «сестра известного писателя Чехова»³. Впрочем, первая личная карта заполнена на ее имя, при этом в графе «Заслуги...» указано «учительница, хранительница музея А. П. Чехова»⁴.

Обстоятельства назначения пенсии

Как было подчеркнуто выше, по волеизъявлению А. П. Чехова Мария Павловна являлась душеприказчицей своего брата [15, с. 22]. Хотя письмо-завещание не имело юридической силы и по закону наследниками стали братья писателя Александр, Иван и Михаил, а также вдова Ольга Леонардовна Книппер-Чехова, тем не менее после выполнения всех формальностей в марте 1905 г. они передали Белую дачу в Аутке в собственность Марии Павловне, выполнив тем самым волю покойного. Как пишет Сергей Михайлович Чехов, она умоляла братьев взять абсолютно все, а ей оставить дом [15, с. 22]. Сразу после смерти брата Мария Павловна решила сохранить в память о нем его кабинет и спальню в неприкосновенности. Евгения Михайловна Чехова вспоминает: «После смерти Антона Павловича ялтинский дом сделался ее родным детищем,

¹ ГАРФ. Ф. А539. Оп. 3. Д. 1864. Л. 4.

² ГАРФ. Ф. А539. Оп. 3. Д. 1864. Л. 9.

³ ГАРФ. Ф. А539. Оп. 3. Д. 1864. Л. 1.

⁴ ГАРФ. Ф. А539. Оп. 3. Д. 1864. Л. 7.

которое она, в память брата, берегла и холила. Каждый камень, каждую стенку знала она. Каждая трещина волновала ее, как волнует любящую мать болезнь единственного ребенка» [15, с. 51]. Именно там открылся первый музей Чехова, который до получения официального статуса содержался на добровольные пожертвования посетителей и личные средства Марии Павловны, поступившие в качестве гонорара от издания подготовленного ею собрания писем Чехова в 6-ти томах [11], ставших важнейшим источником сведений о жизни и творчестве писателя.

На момент Октябрьской революции сестре писателя было уже более 50-ти лет и она имела серьезные проблемы со здоровьем. Постановлением Центральной комиссии по назначению персональных пенсий и пособий при НКСО РСФСР от 22 марта 1923 г. М. П. Чеховой была назначена персональная пенсия в размере $\frac{1}{2}$ ставки по 17 разряду для ответственных работников по г. Москве (ГБЛ. Ф. 331. Карт. 102. Ед. хр. 8) [15, с. 219], что равнялось 37 руб. 50 коп. в советских рублях (совзнаках). Пенсия в таком же размере выплачивалась племяннице Ф. М. Достоевского М. А. Ивановой¹. Дочери Г. И. Успенского, Вере Глебовне, имевшей двоих детей, пенсию установили в размере полной ставки по 17-му разряду тарифа ответственных работников по городу Петрограду², т.е. 75 руб.

В исследуемом деле М. П. Чеховой подробная информация о данном назначении отсутствует. Единственное упоминание о нем содержится в письме Центральной комиссии по улучшению быта ученых при Совнарком (Цекубу) в Наркомсобес РСФСР от 8 февраля 1924 г. «О переводе причитающейся ей персональной пенсии с I /I-1924 г. из Москвы в Ялту»³. Вероятно, документы о первичном установлении пенсии Марии Павловны были сформированы в отдельное личное дело, не поступившее на хранение в ГАРФ.

16 февраля 1925 г. Мария Павловна прошла освидетельствование в Арбатском бюро врачебной экспертизы, которое сделало заключение: «Ни к какому труду не способна, но в постороннем уходе не нуждается. Группа вторая»⁴. Следует отметить, что несмотря на серьезные диагнозы свои труды

¹ ГАРФ. Ф. А539. Оп. 3. Д. 1699. Л. 4.

² ГАРФ. Ф. А539. Оп. 3. Д. 860. Л. 32.

³ ГАРФ. Ф. А539. Оп. 3. Д. 1864. Л. 8.

⁴ ГАРФ. Ф. А539. Оп. 3. Д. 1864. Л. 11.

по сохранению памяти брата Мария Павловна не прекратила. Тем не менее этот вердикт дал ей возможность обратиться за назначением персональной пенсии. Вероятно, эта возможность была предварительно оговорена с кем-то из чиновников Народного Комиссариата просвещения РСФСР, который значится в первой, более ранней, личной карте в качестве ходатайствующего учреждения, или с каким-либо другим influentialным лицом, так как подшитая в дело автобиография Марии Павловны, начинается словами: «Согласно предложения Вашего, при этом представляю сведения о моей общественной и литературной деятельности»¹. Возможно, лицом, к которому обращалась сестра писателя, являлся сам нарком просвещения РСФСР А. В. Луначарский (1917–1929). Анатолий Васильевич известен тем, что неоднократно помогал в пенсионных делах родственникам русских писателей, в том числе, в 1923 г. племяннице Ф. М. Достоевского М. А. Ивановой². В 1926 г. к нему обращался Борис Глебович Успенский, сын писателя Г. И. Успенского, с просьбой увеличения пенсии сестре Вере Глебовне³.

Из автобиографии М. П. Чеховой

Автобиография М. П. Чеховой написана ею на двух листах с оборотами (на четырех страницах) зелеными чернилами. При этом подпись «Мария Чехова» и дата «17 февраля 1925 г.» дописаны уже синими чернилами. Возможно, рассказ о своей жизни она написала заранее в ожидании заключения врачебной экспертизы и поставила дату, следующую за датой вынесения вердикта. В автобиографии она с гордостью рассказала о своем образовании и работе в качестве учительницы (рис. 1): «Я, Мария Павловна Чехова, родная сестра писателя Антона Чехова, родилась в 1863 году и, по окончании среднего образования, поступила на известные тогда в Москве Женские курсы проф. В. И. Герье и была одной из самых первых женщин, получивших тогда высшее образование. Затем я отдалась педагогической деятельности. Целые 22 года я была учительницей»⁴.

¹ ГАРФ. Ф. А539. Оп. 3. Д. 1864. Л. 9.

² ГАРФ. Ф. А539. Оп. 3. Д. 1699. Л. 7–8 об.

³ ГАРФ. Ф. А539. Оп. 3. Д. 860. Л. 24–24 об.

⁴ ГАРФ. Ф. А539. Оп. 3. Д. 1864. Л. 9.

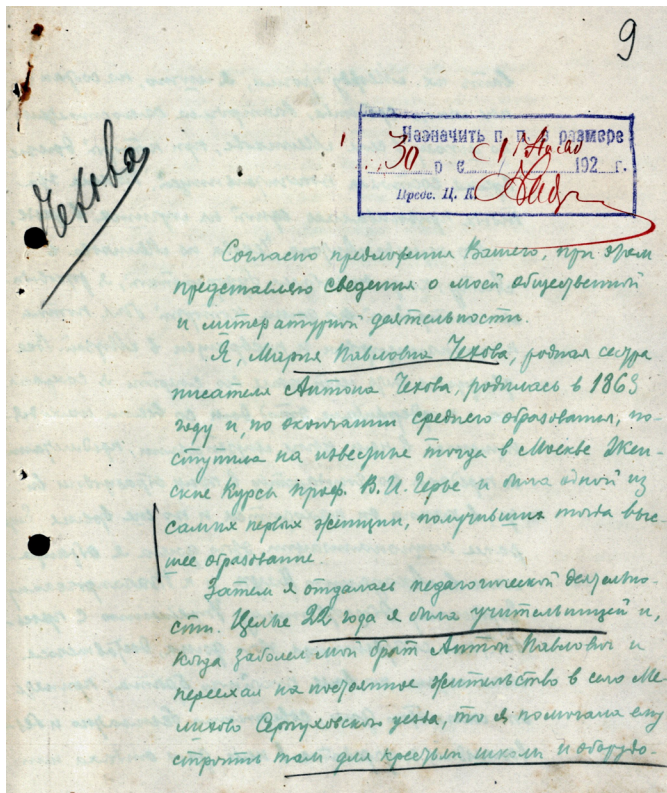


Рис. 1. Первый лист из автобиографии М. П. Чеховой

Следующий этап ее жизни связан с чеховской усадьбой: «Когда заболел мой брат Антон Павлович и переехал на постоянное жительство в село Мелихово Серпуховского уезда, то я помогала ему строить там для крестьян школы и оборудовать их. Между прочим, я лично, на собранные мною средства, выстроила самостоятельно школу в селе Мелихове, при которой долгое время состояла попечительницей. Школа эта тогда признавалась одной из лучших в цензе»¹. Далее следует ялтинский период: «По переезде Антона Чехова из Мелихова в Ялту, когда он заболел бугорчаткой, я руководила постройкой его дома, который был потом национализирован и превращен в Музей. Все двадцать пять лет после его смерти

¹ ГАРФ. Ф. А539. Оп. 3. Д. 1864. Л. 9–9 об.

я сохраняла и поддерживала этот дом со всеми находящимися в нем, ныне музейными, предметами и передала его государству в том образцовом виде, в каком он находится и по сей время»¹. Идея музея родилась вследствие посещения дома Чехова поклонниками его творчества: «Мне стало ясно, – писала она впоследствии, – что я должна беречь его не только как память о брате, но и для всех, кто любил и ценил его, как большого писателя, исключительного человека» [1, с. 7].

После революции 1917 г. Мария Павловна предприняла несколько попыток передать дом в качестве музея государству, однако сначала они не увенчались успехом: «Я обращалась в Академию Наук и к Таганрогскому Городскому Общественному Управлению с просьбой, как собственница этого дома, оставшегося мне лично по воле покойного брата, принять от меня этот дом, совершенно безвозмездно, и учредить в нем дом отдыха или Музей имени Чехова по их усмотрению. Но этот мой дар не был принят ими по причинам, которые от меня не зависели. Ныне этот дом, сохраненный мною со всем своим движимым имуществом до мельчайших подробностей, уже представляет собой собственность Республики, состоит в ведении Музейного Отдела Главнауки и носит название “Дом-музей имени А. П. Чехова”»². В итоге, в 1920 г. Мария Павловна стала хранительницей дачи-музея имени А. П. Чехова; в 1921 г., когда дом приобрел официальный статус музея и получил «Охранную грамоту», сестра писателя была назначена его заведующей; а с 1926 г., после передачи музея в ведение Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина, работала его директором. Помощником ей в этом деле стал брат Михаил, который «взял на себя все бухгалтерские и канцелярские дела» [15, с. 52].

Марии Павловне удалось сохранить ялтинский музей во время фашистской оккупации. Как вспоминает Ксения Васильевна Жукова, экскурсовод музея, Мария Павловна решительно отказала немцам в передаче в их распоряжение кабинета и спальни брата, а немецкий майор, недолго проживавший в доме-музее, оставил надпись, спасшую дом от посягательств и разорения [5, с. 80]. Несмотря на немецкую оккупацию и бомбежку сразу после освобождения Ялты му-

¹ ГАРФ. Ф. А539. Оп. 3. Д. 1864. Л. 9 об.

² ГАРФ. Ф. А539. Оп. 3. Д. 1864. Л. 9 об. -10.

зей стал принимать посетителей. Из письма С. Д. Балухатому от 10 июня 1944 г.: «Как учреждение музей налажен с 15. IV, начали уже принимать посетителей. Их детская радость – единственное наше утешение!» [15, с. 171].

Кроме работы по сохранению ялтинского Дома-музея сестра писателя «основала Музей имени А. П. Чехова еще и в Москве, снабдив его экспонатами, которые составляют его ядро. Ныне этот Музей функционирует в широких размерах, развернувшись в музей не лично одного А. П. Чехова, но всей литературной деятельности его современников и настроений его эпохи»¹. Судьба московского музея тоже складывалась непросто. Из письма В. Э. Мейерхольду от 7 января 1921 г.: «Дорогой Всеволод Эмильевич, не сердитесь на меня, что я обращаюсь к вам с большой просьбой, исполните ее, умоляю вас. Дело в том, что мою квартиру в Москве (Долгоруковская, 29, кв. 13) разорили. В ней находился весь архив покойного Антона Павловича и вообще все в ней было связано с его памятью. <...> Переехать мне сейчас трудно, почти невозможно, и поэтому я прошу вас оказать содействие – выхлопотать охрану этим вещам. Ведь это не мой личный интерес – вы знаете. Дом Чехова в Ялте охраняется в неприкосновенности, все как было при покойном. Теперь я назначена хранительницей музея и дачи имени А. П. Чехова и таким образом состою на советской службе. О судьбе архива очень скорблю и очень надеюсь на ваше содействие» [15, с. 160]. К 1925 г. основные проблемы были решены. Кроме московского музея Мария Павловна помогала другим чеховским музеям: в Таганроге, Мелехове, Сумах, на Сахалине.

Последнее, на что обращает внимание автор, – это ее работа, связанная с сохранением материалов, касающихся жизни и деятельности писателя А. П. Чехова, и публикацией эпистолярного наследия брата: «Я собрала все материалы <...> и передала их в соответствующие учреждения. Результатом моих многолетних работ в этом отношении являются шесть томов собранных и изданных мною "Писем А. П. Чехова", о которых в свое время благосклонно отзывались критики и ученые общества и которые до сих пор составляют ценный и единственный по изучению творчества А. П. Чехова вклад в литературу»².

¹ ГАРФ. Ф. А539. Оп. 3. Д. 1864. Л. 10.

² ГАРФ. Ф. А539. Оп. 3. Д. 1864. Л. 10–10 об.

Изменения размеров пенсионных выплат

На первой странице рукописи М. П. Чеховой стоит штамп, в котором имеется запись: «Назначить 30 р. с 1 ноября». Год не указан, однако будем считать, что назначение пенсии прошло в год написания автобиографии и освидетельствования в Арбатском бюро врачебной экспертизы, т.е. в 1925. В личной карте лица, запрашивающего назначение персональной пенсии или пособия, также проставлена сумма 30 руб. без указания даты¹. Происхождение размера пенсии можно объяснить. В 1924 г. в ходе денежной реформы, в соответствии с Постановлением Наркомата труда СССР «Об изменении норм пенсий и пособий по социальному страхованию и о червонном исчислении» от 5 февраля 1924 г. [10], пенсии пересчитали с формальным уменьшением: в 30 червонных рублей «превратились» первоначальные 37 руб. 50 коп. установленные в «совзнаках». Такое же уменьшение пенсии произошло и у племянницы Ф. М. Достоевского М. А. Ивановой.

С 1 мая 1930 г. размер персональной пенсии республиканского значения М. П. Чеховой был поднят до 80-ти руб.². Основанием для данного увеличения послужило ходатайство Общества друзей московского государственного музея им. А. П. Чехова, направленное в Публичную библиотеку СССР имени Ленина 12 марта 1930 г.³ В свою очередь, библиотека им. Ленина как организация, в тот период осуществлявшая руководство литературными музеями, должна была переслать его в Наркомсобес РСФСР. В своем письме руководство Общества сообщало, что «всецело поддерживает возникшую в общественных кругах мысль о возбуждении ходатайства относительно предоставления персональной пенсии сестре писателя Марии Павловне Чеховой»⁴. Пожалуй, наиболее значимым достижением сестры писателя авторы письма считали ее работу в ялтинском музее, так как именно с нее начали перечисление заслуг: «М. П. Чехова в течение истекшего после смерти писателя 25-летия являлась хранительницей Ялтинского Дома-музея А. П. Чехова, в настоящее время государственного учреждения. Ее трудам всецело обязано сохранение этого»⁵.

¹ ГАРФ. Ф. А539. Оп. 3. Д. 1864. Л. 7.

² ГАРФ. Ф. А539. Оп. 3. Д. 1864. Л. 1 об.

³ ГАРФ. Ф. А539. Оп. 3. Д. 1864. Л. 4.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

В принципе, ходатаи указали те же заслуги Марии Павловны, что были обозначены в ее автобиографии 1925 г., добавив к работе в ялтинском Доме-музее основание московского музея, которому она передала «большие архивные, иконографические и пр. ценности»¹, подготовку и публикацию шеститомного собрания писем А. П. Чехова. Также в ходатайстве отмечается отсутствующее в автобиографии редактирование Марией Павловной 2-го выпуска сборника «Слово» [12], посвященного А. П. Чехову (рис. 2).

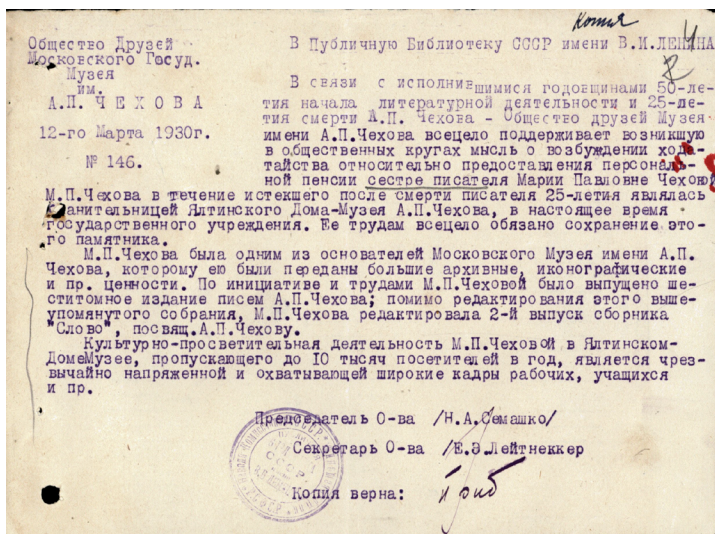


Рис. 2. Ходатайство Общества друзей
московского государственного музея им. А. П. Чехова

Современные исследователи также высоко оценивают деятельность Марии Павловны, которая «не только сохраняла дом писателя, но и вела в эти годы большую просветительскую и издательскую работу. Она разобрала его архив и рукописи, занималась подготовкой к публикации ряда ценнейших материалов, писем и неопубликованных произведений. М. П. Чеховой была проведена колоссальная работа: собрано около 2000 писем и составлены комментарии к ним» [2, с. 69].

¹ ГАРФ. Ф. А539. Оп. 3. Д. 1864. Л. 4.

Возвращаясь к вопросу «о желательности отметить исполнявшееся 50-летие начала литературной деятельности и 25-летия смерти А. П. Чехова предоставлением персональной пенсии сестре писателя М. П. Чеховой»¹, нужно обратить внимание на письмо заслуженного деятеля науки врача П. И. (фамилия в копии документа отсутствует). Подчеркнув, что деятельность сестры писателя в ялтинском Доме-музее широко известна, он отметил ее общественную работу в 1892–1899 гг., «когда семья Чеховых обитала в Мелиховской усадьбе. М. П. Чехова являлась ближайшей помощницей в культурно-просветительской работе писателя, она принимала непосредственное участие в постройке школ в Талеже, Новоселках и Мелихове. М. П. Чехова была помощницей А. П. Чехова и в других разрезах его работы – по медицинскому обслуживанию населения и пр. И, когда писатель уезжал по нездоровью, за границу или на юг, эти обязанности общественной работы он целиком передавал своей сестре»².

Последнее увеличение республиканской персональной пенсии до 200 руб. произошло с 1 июля 1934 г., а уже с августа этого же года Мария Павловна Чехова была переведена на более статусную персональную пенсию союзного значения. Резкое увеличение размера пенсии сразу на 120 руб. связано с инфляционными процессами 1930-х гг.

Обсуждение и выводы

Подводя общие итоги, нужно сказать, что документы пенсионного дела М. П. Чеховой содержат информацию об основных этапах ее жизни, начиная с момента получения образования по июль 1934 г. включительно (до момента перевода на союзную пенсию): о 22-х годах учительства, о занятии благотворительностью в мелиховские годы, о плохом состоянии здоровья в середине 1920-х гг. и о размерах государственной поддержки в период с 1925 по 1934 гг., предоставляемой в виде персональной пенсии республиканского значения.

Далее следует обратить внимание на не исследованный ранее автограф М. П. Чеховой, ее автобиографию, позволяющую взглянуть на перечисленные труды сквозь призму ее собственного мировосприятия. Руководство Общества друзей

¹ ГАРФ. Ф. А539. Оп. 3. Д. 1864. Л. 5.

² ГАРФ. Ф. А539. Оп. 3. Д. 1864. Л. 5.

московского чеховского музея подтверждает все ее достижения, добавляя работу со сборником «Слово», и обращает внимание на поддержку общественностью ходатайства об установлении ей персонального пенсионного обеспечения. Факт назначения сестре писателя республиканской персональной пенсии сначала по инвалидности, а в 1930-м г. по возрасту, с последующим переводом на персональную пенсию союзного значения, свидетельствует о государственном признании значимости ее заслуг по сохранению памяти А. П. Чехова.

В результате анализа документов личного пенсионного дела можно выделить три направления деятельности М. П. Чеховой на данном поприще. Первостепенную значимость для советской культуры представляла ее работа в качестве хранителя и директора Дома-музея А. П. Чехова в Ялте, в результате которой посещение крымской дачи писателя стало доступно для десятков тысяч почитателей его таланта. Второе направление – литературные труды, в том числе, по собиранию и изданию шести томов «Писем А. П. Чехова» и редактированию сборника «Слово», посвященного брату-писателю. Третье – передача государству принадлежавшей ей недвижимости в Ялте, а также архивных и других материальных («иконографических») ценностей, ставших основными экспонатами ялтинского и московского чеховских музеев.

Список литературы

1. Брагин С. Г. Мария Павловна Чехова // Хозяйка чеховского дома. Воспоминания. Письма. – Симферополь: Крым, 1969. – С. 3–11.
2. Гармасар О. Г. История дома-музея А. П. Чехова в Ялте. 1904–1917. После Чехова // Чеховские чтения в Ялте: ХLI Международная научно-практическая конференция, посвященная 100-летию со дня основания Дома-музея А. П. Чехова в Ялте: сборник научных трудов. – Ялта: Крымский литературно-художественный мемориальный музей-заповедник, 2022. – С. 63–72.
3. Долгополова Ю. Г. История Дома-Музея А. П. Чехова в Ялте (1944–1957 гг.). «Капитанский мостик» Марии Павловны // Чеховские чтения в Ялте. ХLI Международная научно-практическая конференция, посвященная 100-летию со дня основания Дома-музея А. П. Чехова в Ялте: сборник научных трудов. – Ялта: Крымский литературно-художественный мемориальный музей-заповедник, 2022. С. 21–29.
4. Жиркова М. А., Капустина О. В. Литературные заслуги А. И. Куприна перед Советским государством // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. – 2022. – № 2 (51). – С. 49–57.

5. Жукова К. В. Трудные годы // Хозяйка чеховского дома. Воспоминания. Письма. – Симферополь: Крым, 1969. – С. 79–82.

6. Ковалева Н. А. Семейное письмо А. П. Чехова как вид частного письма русских классиков // Текст: структура, семантика, стилистика. Сборник статей по итогам Международной конференции памяти д-ра филол. наук, проф. Е. И. Дибровой: В 2 ч. – М.: РИЦ МГГУ им. М. А. Шолохова, 2015. – Ч. 1. – С. 37–44.

7. Кубасов А. В. Трансформация биографического образа Марии Павловны Чеховой в литературной практике А. П. Чехова // Чеховские чтения в Ялте. ХLI Международная научно-практическая конференция, посвященная 100-летию со дня основания Дома-музея А. П. Чехова в Ялте: сборник научных трудов. – Ялта: Крымский литературно-художественный мемориальный музей-заповедник, 2022. – С. 196–206.

8. О персональных пенсиях лицам, имеющим исключительные заслуги перед республикой: Декрет СНК РСФСР от 16 февраля 1923 г. // Собрание узаконений РСФСР. – 1923. – № 15. – Ст. 198.

9. О персональных пенсиях: Постановление ЦИК СССР, СНК СССР от 30 мая 1928 г. // Свод законов СССР. – 1928. – № 35. – Ст. 315.

10. Об изменении норм пенсий и пособий по социальному страхованию и о черном исчислении: Постановление НКТ СССР от 5 февраля 1924 г. № 48/509 // Известия НКТ СССР. – 1924. – № 6–7.

11. Письма А. П. Чехова. 1–6 т. / Под ред. М. П. Чеховой. – М.: Книгоиздательство писателей, 1912–1916.

12. Слово: Сборник второй. К десятилетию смерти А. П. Чехова / Под ред. М. П. Чеховой. – М.: Книгоиздательство писателей, 1914. – 291 с.

13. Спачиль О. В. Образ М. П. Чеховой в романе Кэролин Андерсон A Russian Sister / «Русская сестра» // Чеховские чтения в Ялте. ХLI Международная научно-практическая конференция, посвященная 100-летию со дня основания Дома-музея А. П. Чехова в Ялте: сборник научных трудов. – Ялта: Крымский литературно-художественный мемориальный музей-заповедник, 2022. – С. 82–87.

14. Столяров Ю. Н. Товарищ Рубакин – советский персональный пенсионер. Штрих к биографии великого библиотековеда и просветителя // Научные и технические библиотеки. – 2017. – № 4. – С. 94–104.

15. Хозяйка чеховского дома. Воспоминания. Письма / сост. С. Г. Брагин. – Симферополь: Крым, 1969. – 232 с.

Marina A. Zhirkova, Olga V. Kapustina

The Activity of M. P. Chekhova to Preserve the Memory of the Writer A. P. Chekhov

The article is devoted to the analysis of the social and literary activities of M. P. Chekhova, the younger sister of A. P. Chekhov, aimed at preserving the memory of the writer. The main sources

are the autobiography of Maria Pavlovna and the Petition of the Society of Friends of the Moscow State Museum named after A. P. Chekhov for the establishment of her personal pension, which are in the personal file of a personal pensioner of republican significance. The documents contain information about her activities on the creation of the Chekhov Museum in Yalta, the curator, head and director of which she was for a number of years. The importance of her work on the compilation and publication of the collection of letters and materials of the literary archive of her brother is emphasized. Attention is drawn to the fact that she transferred real estate in Yalta to the state, as well as other material values that became the main exhibits of the Yalta and Moscow Chekhov museums.

Key words: A. P. Chekhov, M. P. Chekhova, personal pension provision, services to the state, petition, autobiography, archive, House museum.

For citation: Zhirkova, M. A., Kapustina, O. V. (2023) Deyatel'nost' M. P. Chekhovoj po sohraneniyu pamyati pisatelya A. P. Chekhova [The activity of M. P. Chekhova to preserve the memory of the writer A. P. Chekhov]. *Art Logos – The Art of Word*. No. 2. Pp. 95–111. (In Russian). DOI 10.35231/25419803_2023_2_95

References

1. Bragin, S. G. (1969) *Mariya Pvllovna Chekhova* [Maria Pavlovna Chekhova] *Hozyajka chekhovskogo doma. Vospominaniya. Pis'ma* [Mistress of the Chekhov House. Memories. Letters]. Simferopol': Krym Publ. Pp. 3–11. (In Russian).
2. Garmasar, O. G. (2022) *Istoriya doma-muzeya A. P. Chekhova v YAlte. 1904–1917. Posle Chekhova* [History of the house-museum of A. P. Chekhov in Yalta. 1904–1917 After Chekhov] *Chekhovskie chteniya v YAlte: XLI Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferenciya, posvyashchennaya 100-letiyu so dnya osnovaniya Doma-muzeya A. P. Chekhova v YAlte: sbornik nauchnyh trudov* [Chekhov Readings in Yalta: XLI International Scientific and Practical Conference dedicated to the 100th anniversary of the founding of the House-Museum of A. P. Chekhov in Yalta: a collection of scientific papers]. Yalta: Krymskij literaturno-hudozhestvennyj memorial'nyj muzej-zapovednik. Pp. 63–72. (In Russian).
3. Dolgoplova, Yu. G. (2022) *Istoriya Doma-Muzeya A. P. Chekhova v YAlte (1944–1957 gg.). «Kapitanskij mostik» Marii Pavlovny* [History of the House-Museum of A. P. Chekhov in Yalta (1944–1957). "The Captain's Bridge" by Maria Pavlovna] *Chekhovskie chteniya v YAlte. XLI Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferenciya, posvyashchennaya 100-letiyu so dnya osnovaniya Doma-muzeya A. P. Chekhova v YAlte: sbornik nauchnyh trudov* [Chekhov Readings in Yalta. XLI International scientific and practical conference dedicated to the 100th anniversary of the founding of the House-Museum of A. P. Chekhov in Yalta: a collection of scientific papers]. Yalta: Krymskij literaturno-hudozhestvennyj memorial'nyj muzej-zapovednik. Pp. 21–29. (In Russian).
4. Zhirkovam M. A., Kapustina, O. V. (2022) *Literaturnye A. I. Kuprina pered Sovetskim gosudarstvom* [Literary achievements of A. I. Kuprin before the Soviet state] *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury – Bulletin of the St. Petersburg State Institute of Culture*. No. 2 (51). Pp. 49–57. (In Russian).

5. Zhukova, K. V. (1969) *Trudnye gody* [Difficult years] *Hozyajka chekhovskogo doma. Vospominaniya. Pis'ma* [Mistress of the Chekhov house. Memories. Letters]. Simferopol': Krym Publ. Pp. 79–82. (In Russian).

6. Kovaleva, N. A. (2015) *Semejnoe pis'mo A. P. Chekhova kak vid chastnogo pis'ma russkikh klassikov* [A. P. Chekhov's family writing as a type of private writing of Russian classics] *Tekst: struktura, semantika, stilistika. Sbornik statej po itogam Mezhdunarodnoj konferencii pamyati d-ra filol. nauk, prof. E. I. Dibrovoj: V 2 ch.* [Text: structure, semantics, stylistics. Collection of articles on the results of the International Conference in memory of Dr. Philol. sciences, prof. E. I. Dibrova: At 2 Parts]. Moscow: MGGU im. M. A. SHolohova Publ. Part 1. Pp. 37–44. (In Russian).

7. Kubasov A. V. (2022) *Transformaciya biograficheskogo obraza Marii Pavlovny Chekhovoj v literaturnoj praktike A. P. Chekhova* [Transformation of the biographical image of Maria Pavlovna Chekhov in the literary practice of A. P. Chekhov] *Chekhovskie chteniya v Yalte. XLI Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferenciya, posvyashchennaya 100-letiyu so dnya osnovaniya Doma-muzeya A. P. Chekhova v Yalte: sbornik nauchnyh trudov* [Chekhov Readings in Yalta. XLI International scientific and practical conference dedicated to the 100th anniversary of the founding of the House-Museum of A. P. Chekhov in Yalta: a collection of scientific papers]. Yalta: Krymskij literaturno-hudozhestvennyj memorial'nyj muzej-zapovednik. Pp. 196–206. (In Russian).

8. *O personal'nyh pensiyah licam, imeyushchim isklyuchitel'nye zaslugi pered respublikoj* (1923) *Dekret SNK RSFSR ot 16 fevralya 1923 g.* [On personal pensions to persons who have exceptional services to the republic: Decree of the Council of People's Commissars of the RSFSR of February 16, 1923] *Sobranie uzakonenij RSFSR – Collection of legalizations of the RSFSR. No. 15. Article 198.* (In Russian).

9. *O personal'nyh pensiyah* (1928) *Postanovlenie CIK SSSR, SNK SSSR ot 30 maya 1928 g.* [On personal pensions: Decree of the Central Executive Committee of the USSR, Council of People's Commissars of the USSR of May 30, 1928] *Svod zakonov SSSR – Code of laws of the USSR. No. 35. Article 315.* (In Russian).

10. *Ob izmenenii norm pensij i posobij po social'nomu strahovaniyu i o chervonnom ischislenii* (1924) *Postanovlenie NKT SSSR ot 5 fevralya 1924 g. No. 48/509* [On changing the norms of pensions and benefits for social insurance and on the rudimentary calculation: Decree of the NCT of the USSR of February 5, 1924 No. 48/509] *Izvestiya Narodnogo komissariata truda SSSR – Proceedings of the People's Commissariat of Labor of the USSR. No. 6–7.* (In Russian).

11. Chekhova, M. P. (1912–1916) (ed.) *Pis'ma A. P. Chekhova. 1–6 t.* [Letters of A. P. Chekhov. 1–6 vols.]. Moscow: Knigoizdatel'stvo pisatelej. (In Russian).

12. Chekhova, M. P. (1914) (ed.) *Slovo: Sbornik vtoroj. K desyatiletiyu smerti A. P. Chekhova* [Word: Collection of the second. By the tenth anniversary of the death of A. P. Chekhov]. Moscow: Knigoizdatel'stvo pisatelej. (In Russian).

13. Spachil', O. V. (2022) *Obraz M. P. Chekhovoj v romane Kerolin Anderson a Russian Sister / «Russkaya sestra»* [The image of M. P. Chekhov in Carolyn Anderson's novel *A Russian Sister* / “Russian Sister”] *Chekhovskie chteniya v Yalte. XLI Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferenciya, posvyashchennaya 100-letiyu so dnya osnovaniya Doma-muzeya A. P. Chekhova v Yalte: sbornik nauchnyh trudov. Yalta: Krymskij literaturno-hudozhestvennyj memorial'nyj muzej-zapovednik* [Chekhov Readings in Yalta. XLI International scientific and practical conference dedicated to the 100th anniversary of the founding of the House-

Museum of A. P. Chekhov in Yalta: a collection of scientific papers]. Pp. 82–87. (In Russian).

14. Stolyarov, Yu. N. (2017) *Tovarishch Rubakin – sovetskij personal'nyj pensioner. SHtrih k biografii velikogo bibliotekoveda i prosvetatelya* [Comrade Rubakin – Soviet personal pensioner. A touch to the biography of the great librarian and educator] *Nauchnye i tekhnicheskie biblioteki – Scientific and technical libraries*. No. 4. Pp. 94–104. (In Russian).

15. Bragin S. G. (1969) (ed.) *Hozyajka chekhovskogo doma. Vospominaniya. Pis'ma* [Mistress of Chekhov's house. Memories. Letters]. Simferopol': Krym Publ. (In Russian).

Личный вклад соавторов
Personal co-authors contribution
50/50 %

дата получения: 27.02.2023 г.
дата принятия: 13.03.2023 г.
дата публикации: 30.06.2023 г.

date of receiving: 27 February 2023
date of acceptance: 13 March 2023
date of publication: 30 June 2023

Л ИНГВИСТИКА.
ЯЗЫК КАК СРЕДСТВО
КОММУНИКАЦИИ

Л. А. Моря

Художественное пространство как средство характеристики персонажа в романе И. С. Тургенева «Дворянское гнездо» (лексико-семантический комплекс пространства Лаврецкого)

В статье рассматривается категория художественного пространства с точки зрения лексических средств её выражения на материале романа И. С. Тургенева «Дворянское гнездо». В рамках категории художественного пространства исследуется пространство персонажа на примере главного героя романа «Дворянское гнездо» Федора Ивановича Лаврецкого. Выявлены основные топосы и локусы (структурные компоненты художественного пространства в произведении), связанные с главным героем романа и служащие для его характеристики. Так, пространство героя включает в себя локус дома, а также топосы деревни и родины. Описаны лексико-семантические средства, служащие речевой основой пространства главного героя в романе, которые включают лексемы как с пространственным, так и непространственным значением: прежде всего это слова лексико-семантического поля «дом» (дом, дома, бездомный, птенчик, гнездо) и лексико-семантического поля «деревня» (топонимы Васильевское, Лаврики; слова и словосочетания мужик, помещик, пахать землю, деревенская глушь). Отношение героя к дому, деревне и родине становятся главной его характеристикой, делают его выразителем авторского замысла, основного комплекса идей писателя в романе.

Ключевые слова: художественное пространство, топос, локус, герой, персонаж, лексема, лексико-семантическое поле, лексическая группа, лексическое значение, сема, контекст.

Для цитирования: Моря Л. А. Художественное пространство как средство характеристики персонажа в романе И. С. Тургенева «Дворянское гнездо» (лексико-семантический комплекс пространства Лаврецкого) // Art Logos (искусство слова). – 2023. – № 2. – С. 114–124. DOI 10.35231/25419803_2023_2_114

Тексту в целом свойственна категория художественного пространства, которая выступает как «организационный центр сюжетных основных событий романа» [2, с. 398], «континуум, в котором размещаются персонажи и совершается действие» [5, с. 258]. Но внутри этой общей категории существует интимное, личное пространство героев – то, которое они занимают, в котором реализуются.

Категория литературный герой – одна из важнейших в художественном произведении: «...именно они, отдельные характеры и личности, являются тем индивидуальным, конкретным, через которое постигается универсальное, общее» [4, с. 149]. На протяжении произведения герои живут и действуют в строго отведённом им пространстве, между героем и художественным пространством возникает связь, на которую первым указал М. М. Бахтин: «Хронотоп как формально-содержательная категория в значительной мере определяет и образ человека в литературе; этот образ всегда существенно хронотопичен» [2, с. 235]. Под хронотопом учёный понимает неразрывное единство художественного пространства и художественного времени в литературном произведении.

Ю. М. Лотман говорит о связи персонажа и его пространства так: «Если в художественном пространстве несколько типов пространства – герои принадлежат одному из них, переходят из одного в другой или попеременно появляются то в том, то в другом <...>. Каждому пространству соответствует особый тип отношений функционирующих в нём персонажей» [5, с. 265].

Материалы и методы

В романе И. С. Тургенева «Дворянское гнездо» пространственная характеристика текста достаточно разнообразна: это поместная Россия, Москва, Петербург, Париж. И путь каждого персонажа соотнесён с определёнными пространственными координатами, топосами и локусами (по терминологии Ю. М. Лотмана), которые характеризуют персонажей.

На уровне текстовой и лексической семантики соотнесённость героя и его пространства выражена в совокупности текстовых связей лексем с пространственным значением, на пересечении которых и существует герой в тексте. Л. Г. Бабенко заключает: «Исследователи категории литературного персонажа отмечают в качестве её значимых характеристик наличие общего семантического центра, соотносящего серию портретных зарисовок, эпизодов, описаний действий и внутренних состояний и скрепляющего их в определённое единство, функционирующее в многообразных сюжетных ситуациях» [1, с. 117–118]. Поскольку наиболее значимым ключевым

словом в тексте романа является дом, точнее, его смысловой эквивалент – гнездо, то можно предположить, что таким семантическим центром, доминантой для каждого персонажа романа будет его отношение к дому.

Лаврецкий, главный герой романа, несомненно, один из любимых героев Тургенева, выразитель его сокровенных мыслей. Ни с одним героем романа не связано столько пространственных номинаций, как с Лаврецким: с одной стороны, он наиболее полно живёт в пространственном мире текста, наиболее свободно в нём перемещается; а с другой, трудно выделить топос или локус, который был бы прикреплён к герою на протяжении всего действия.

Результаты

Особое место в пространстве главного героя занимает локус дома: сюжетное движение героя «завязано» именно на доме – в начале романа Лаврецкий вернулся домой, а из истории семейства Лаврецких мы узнаем, почему Фёдор Иванович покинул родное гнездо. В эпилоге же произведения, буквально на последней его странице (а окончание текста является сильной позицией, которая «служит для понимания текста» [6, с. 85]) писатель говорит о своём герое как «одиноким, бездомном страннике» [10, с. 252].

Эпитет *бездомный* деривационно и по смыслу соотнесён с понятием «дом» и непосредственно указывает на него: *бездомный* – «не имеющий жилья, приюта» [9, I, с. 339]; «у кого нет своего дома, крова, приюта» [3, с. 43]. Употребление данного определения в прямом значении в указанном контексте представляется нам нелогичным: у Лаврецкого есть дом – и в Лавриках, и в Васильевском; следовательно, слово имеет здесь переносный смысл. Очевидно, оно выступает как синоним слова *одинокий* («не имеющий семьи, близких» [9, VIII, с. 677]), в связи с этим можно вспомнить, что и лексема *дом* в одном из значений – это «семья, домочадцы» [3, с. 216]. Подобное значение у слова *бездомный* вполне оправданно: герой лишён семьи, и автор сообщает нам об этом с помощью указания на его отношение к дому.

Бездомность героя находит своё выражение в тексте и иными средствами. Вот первая встреча героя с его дедом:

«Он (Петр Андреич. – Л. М.) встал и нагнулся к Феде; ребёнок улыбнулся и протянул к нему свои бледные ручонки. Старика перевернуло.

– Ох, – промолвил он, – сиротливый!.. Не оставлю я тебя, птенчик» [10, с. 145].

Слово *сиротливый* имеет два значения: 1) «одинокий... не имеющий родных, близких» [9, XXIII, с. 851], 2) «тоскливый, унылый» [9, XIII, с. 851]. Ни одно из них не может быть реализовано в указанном контексте: слово во втором значении вступило бы в противоречие с глаголом *улыбнуться*. Первое же значение не может быть употреблено, поскольку у героя живы ещё и отец, и мать. Значит, слово употреблено в переносном значении и означает, что ребенок лишён должной заботы со стороны родителей, общения с ними (и действительно, отец Лаврецкого всё время живёт за границей, а у матери мальчика отняли, отдав на воспитание тётке). Ассоциативно слова персонажа, деда Лаврецкого, указывают на то, что у мальчика нет семьи (в значении этого слова основной компонент предметного значения – «отношения детей и родителей»: так, семья – это «группа... родственников» (родители с детьми) [9, XIII, с. 637; 7, с. 618] или «совокупность близких родственников... родители с детьми» [3, с. 585]), а значит, у него и нет дома.

Здесь же Петр Андреич называет внука *птенчик* (уменьшительное от *птенец* – «детеныш птицы» [9, XI, с. 1636]) – словом, которое ассоциативно связано с *гнездом* («сооружение из глины, листьев, устраиваемое птицами для... вывода птенцов» [9, III, с. 172]). Общие семы связывают слова *птенец* – *гнездо*, *гнездо* – *дом*; ведь обратившись так к маленькому Феде герой как бы принимает его в свой дом – гнездо Лаврецих.

Женившись, Лаврецкий – не по своей воле, а под влиянием жены – согласился на отъезд его тётки из Лавриков (родового поместья). И Глафира Петровна проклинает племянника: «...Не свить же и тебе гнезда нигде, скитаться тебе век. Вот тебе мой завет» [10, с. 157]. Лексическое окружение слова *гнездо* в этом фрагменте, а именно глагол *скитаться* («странствовать» [8, с. 627]), предполагает реализацию слова *гнездо* в значении «пристанище, приют, кров», то есть как синоним дома в широком смысле. И, по словам героини, Лаврецкий этого дома должен быть лишён.

«Завет» Глафиры Петровны исполнился. Когда после долгой разлуки Варвара Павловна приезжает к мужу, Лаврецкий, проскитавшись ночь по улицам города, пришел к Лемму: «Он думал о том, как жена выгнала его из дому...» [10, с. 217]. Слово дом может быть понято здесь в прямом смысле как «жилище» (ведь Лаврецкий ночевал в доме Лемма), то есть жена заставила его покинуть свою квартиру. Но благодаря семантическим связям с другими лексемами значение слова дом в данном контекста можно переосмыслить.

В контексте («...жена выгнала его из дому...» [10, с. 217]) присутствует слово со значением брачно-семейного родства: жена – «замужняя женщина (по отношению к своему мужу)» [9, IV, с. 74]), что косвенно напоминает читателю о том, что дом – это и «семья». То есть Варвара Павловна не только вытесняет мужа из его пространства, но и разрушает их семью, ведь брак распался по её вине.

Марья Дмитриевна Калитина старается помирить Лаврецкого с супругой, после чего «...Лаврецкий отправился к себе, заперся в комнатке своего камердинера» [10, с. 241]. С одной стороны, герой прибыл «к себе» (в значении «домой», то есть в свой дом, квартиру), но, с другой стороны, он остаётся в «комнатке своего камердинера» (*камердинер* – «домашний слуга» [9, V, с. 729]), то есть фактически в чужой комнате, принадлежащей другому человеку, слуге. Более того, герой «заперся» (*запереться* – «закрывать за собой дверь; скрываться, уединиться» [9, IV, с. 768]), отгородился в замкнутом пространстве под влиянием чувств, вызванных примирением с Варварой. Значит, жена «выжила» его из обжитого им пространства даже внутри дома.

Таким образом, для Лаврецкого потеря дома как пространства прежде всего сопряжена с отсутствием семьи. И на протяжении всего романа подчеркивается бесприютность героя, причём пространство дома (как и его отсутствие) фиксируется и пространственными, и непространственными номинациями: так, в лексико-семантическое поле со значением «дом» в тексте романа включаются такие лексемы, как *бездомный*, *сиротливый*, *птеньчик*, *гнездо*, на основании общих сем значения: семы 'жильё' и семы 'семья'.

Отношение героя к пространству дома обозначено в романе также с помощью слов лексической парадигмы топоса

деревни. Вот Лаврецкий избрал свои местом жительства Васильевское, село тётки. «Вот я и дома, вот я и вернулся», – подумал Лаврецкий, входя в крошечную переднюю...» [10, с. 168]). *Дома* означает «в своём доме», и это значение подкреплено значением слова *вернулся*. Но герой никогда не жил в этом доме – дом принадлежал его тётке: автор называет его «домик Глафиры Петровны» [10, с. 171]. В связи с этим слово *дома* приобретает более широкое значение – «в родных местах», а поскольку Федор Иванович в Васильевском, то слово *дома* соотносится с топосом деревни.

Связь главного героя с деревней выражают лексемы как с пространственным значением, так и с непространственным, последние примыкают к лексико-семантическому полю «деревня» благодаря общим семам. Деревня – это «крестьянское селение» [3, с. 208; 8, с. 138], то есть слово содержит сему 'крестьянский, крестьянин', что очень важно для характеристики героя. Вот описание маленького Лаврецкого: «...Он был довольно бледен, но толст, нескладно сложен и невысок, настоящий мужик, по выражению Глафиры Петровны...» [10, с. 149]. Мужик – «крестьянин (по противопоставлению с горожанином)» [9, VI, с. 1344]: тётка называет так племянника, имея в виду его происхождение от матери-крестьянки, а также типично «мужицкую» внешность: *настоящий* [мужик] значит «полностью подобный кому-чему-нибудь, несомненный» [9, VII, с. 540].

Мужиком Лаврецкого называет и Калитина: «Марья Дмитриевна с неудовольствием посмотрела ему вслед и подумала: «Экой тюлень, мужик!»» [10, с. 163]. Здесь слово *мужик* употреблено, как нам кажется, скорее в значении «невоспитанный, необразованный человек» [9, VI, с. 1344]. Под влиянием контекстуального синонима *тюлень* («о неуклюжем, неповоротливом человеке» [9, XV, с. 1215]) слово приобретает оттенок значения «неучтивый человек, не умеющий себя вести». Однако при этом оно сохраняет «память» о своём прямом значении.

Сам Лаврецкий хорошо помнит о своём крестьянском происхождении: «...Прадед мой мужиков за рёбра вешал, а дед мой сам был мужик...» [10, с. 161]. В данном контексте лексема *мужик* реализует своё прямое значение («крестьянин»), причём с его сужением: «крепостной крестьянин». Герой упоми-

нает деда (дед – «отец отца или матери» [9, III, с. 643]) и тем самым указывает на своё кровное родство с крестьянами. В рамках художественного пространства романа для нас это прежде всего свидетельствует о его кровной связи с деревней. Лаврецкий связан с деревней не только по происхождению, но и по роду занятий. «...Федор Иваныч обзавёлся всем нужным и начал жить – не то помещиком, не то отшельником» [10, с. 171]. Помещик – это «землевладелец-дворянин» [9, X, с. 1181], эта лексема имеет очевидную смысловую связь с лексемой *крестьянин*: во-первых, по В. И. Далю, помещик – «владелец крестьян» [3, с. 503]; во-вторых, лексемы имеют общую сему 'земля': крестьянин – земледелец, а помещик – землевладелец. И обе лексемы соотносимы с понятием «деревня».

Во время спора Паншина и Лаврецкого о судьбе России в завершение их диалога звучат такие слова: «[Паншин] – ... Что же вы намерены делать? – Пахать землю, – отвечал Лаврецкий...» [10, с. 204]. Слово *делать* употреблено здесь в самом широком смысле – «проявлять деятельность» [8, с. 136], таким образом, «пахать землю» означает деятельность героя, его занятие в жизни. *Пахать* («взрыхлять (почву) для посева» [9, IX, с. 318]) – это занятие прежде всего крестьянское (крестьянин – «тот, кто занят обработкой земли» [9, V, с. 1641]), то есть герой собирается связать свою деятельность с землёй – и деревней. И в эпилоге романа мы узнаём, что ему это удалось: «Он <...> действительно выучился пахать землю» [10, с. 252].

Таким образом, с помощью лексем, создающих семантическое поле «деревня» (*мужик, помещик, пахать*), писатель сообщает о кровной, органической связи героя с данным топосом – топосом деревни.

Наконец, в пространстве Лаврецкого топос деревни соединяется с топосом родины. «Он сидел под окном... и словно прислушивался... к редким звукам деревенской глуши» [10, с. 170]; «...скорбь о прошедшем таяла в его душе как весенний снег, и – странное дело – никогда не было в нём так глубоко и сильно чувство родины» [10, с. 171]. Чувство родины (а чувство здесь – «способность осознавать, переживать, понимать что-нибудь» [9, XVII, с. 1150]) – это способность героя, во-первых, ощущать Россию как родину, родную страну, во-вторых, осознать, открыть для себя подлинную, самобытную Россию.

Кроме того, в данном контексте лексема *родина* в синтаксической позиции несогласованного определения при слове «чувство» (ср., например, словосочетания «чувство боли», «чувство гордости» [8, с. 771]) приобретает дополнительный оттенок значения – «нечто, вызывающее в душе человека особые, специфические чувства и переживания». И такое отношение героя к родине рождается именно в пространстве деревни, которая обозначена сочетанием *деревенская глушь*. По своему значению слово *глушь* («место... оторванное от культурных центров» [9, III, с. 159]) может выступать как синоним деревни, что подкрепляется определением *деревенская*. Но в контексте слово приобретает и иные оттенки: в этом же эпизоде Лаврецкий говорит о себе: «Вот когда я на дне реки...» [10, с. 171] – говорит метафорически, и в слове *дно* (здесь: «почва под водой водоёма» [9, III, с. 826]) актуализируется денотативная сема 'нижняя часть, низ'. В результате смысловой корреляции слово *глушь* получает компонент значения «глубь, глубинка страны», а поскольку речь идёт о России, обозначенной лексемой *родина*, то *глушь (деревенская!)* – это «сердце» России.

О топосе родины мы уже говорили, что это наименование появляется только в пространстве Лаврецкого [7]. Примечательно, что в контексте именно с лексемой *родина* герой упомянут впервые в романе. «[Гедеоновский] – ...Лаврецкий Федор Иванович приехал... [Марфа Тимофеевна] – Человек возвратился на родину – куда же ему деться прикажете?» [10, с. 124]. Героиня говорит не «в Россию», а «на родину», чем подчеркивает, что для Лаврецкого Россия – родная страна. В контексте для глагола *деться* нет условий для реализации прямого значения «исчезнуть, пропасть» [9, III, с. 871]. В целом высказывание «куда ж ему деться прикажете» означает «ему больше некуда деться», и в таком семантическом окружении глагол *деться* приобретает значение «найти пристанище», а сема 'приют, пристанище' переносится в значение слова *родина*. Следовательно, в лексико-семантическом комплексе пространства Лаврецкого слово *родина* получает добавочную денотативную сему 'приют, пристанище', которая связывает понятие «родина» с понятием «дом» (как место, где можно найти приют, укрыться).

Обсуждение и выводы

Таким образом, в пространстве главного героя наиболее важными, актуализированными являются локус дома и топонимы деревни и России (родины). Лексические парадигмы, реализующие в тексте данные компоненты пространства, регулярно выступают в составе соответствующего семантического поля. Так, в проанализированном лексико-семантическом комплексе выделены два семантических поля: поле «дом» и поле «деревня».

Наблюдается также закономерное смысловое сближение лексических парадигм с доминантами *дом*, *деревня* и *родина* на основе общих сем. Наибольшее количество этих общих сем обнаруживает лексема *дом*, поэтому её можно признать доминантной в пространстве Лаврецкого. Доминанта *дом* возглавляет своего рода макрополе, объединяющее данные лексические группы и семантические микрополя.

Лексическая макрогруппа со значением «дом» в пространстве главного героя получает два смысловых направления (семантических типа): потери и приобретения. Взаимодействие героя с пространством дома осуществляется в пределах именно этих семантических векторов, разнонаправленность которых закономерна, так как «принцип противоречия – основной движущий механизм поведения литературного героя» (цит. по: [1, с. 122]). Лаврецкий еще не обрёл дома, не стал героем, который бы олицетворял связь с гнездом, но он уже осознал её необходимость, он дорог автору именно попыткой восстановить эту связь.

Лексические группы с пространственным значением и связанные с ними лексико-семантические поля в романе И. С. Тургенева «Дворянское гнездо» становятся средством, характеризующим героев, участвуют в создании речевого образа персонажа. Между героем и его пространством возникает взаимонаправленная связь. Смысловой доминантой в романе является понятие дома, родового гнезда, в структуре художественного пространства это – центральный локус, и герои Тургенева характеризуются прежде всего их отношением к дому. Для главного героя романа, Лаврецкого, пространство дома неотделимо от пространства деревни, а также от пространства родины. Топос родины (России) включает в себя

и топос деревни, и локус дома. На этой пространственной оси существует главный герой в романе, строит свою жизнь и выполняет свое предназначение – сохранить родовое гнездо. Отношение героя к дому, деревне и родине становится главной его характеристикой, делает его выразителем авторского замысла, основного комплекса идей писателя в романе.

Список литературы

1. Бабенко Л. Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке. – Свердловск: Изд-во Уральского ун-та, 1989. – 189 с.
2. Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе // Вопросы литературы и эстетики: Исследования разных лет. – М.: Худ. лит., 1975. – С. 234–401.
3. Даль В. И. Толковый словарь русского языка: Современная версия. – М.: ЭКСМО-Пресс, 1999. – 736 с.
4. Кухаренко В. А. Интерпретация текста. – М.: Просвещение, 1988. – 192 с.
5. Лотман Ю. М. Проблема художественного пространства в прозе Гоголя // В школе поэтического слова: Пушкин, Лермонтов, Гоголь: книга для учителя. – М.: Просвещение, 1988. – С. 251–265.
6. Лукин В. А. Художественный текст: Основы лингвистической теории и элементы анализа. – М.: Ось-89, 1999. – 192 с.
7. Моря Л. А. Россия в структуре художественного пространства романа И. С. Тургенева «Дворянское гнездо»: лексико-семантические средства описания национально-этнического пространства // Гуманитарно-педагогическое образование. – 2019. – Т. 5. – № 2. – С. 23–30.
8. Ожегов С. И. Словарь русского языка. – 16-е изд., испр. – М.: Рус. яз., 1984. – 797 с.
9. Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. / Под ред. В. И. Чернышова. – М.; Л., 1948–1965.
10. Тургенев И. С. Рудин. Дворянское гнездо. Накануне. Отцы и дети. – М.: Худ. лит., 1983. – 543 с., ил. (Б-ка классики. Русская литература).

Lilia A. Morya

Artistic Space as a Means of Characterization in I. S. Turgenev's Novel "The Noble Nest" (Lexico-semantic Complex of Lavretsky's Space)

The article considers the category of artistic space from the point of view of lexical means of its expression based on the material of the novel by I. S. Turgenev "The Noble Nest". Within the category of artistic space, the space of the character is explored by the example of the protagonist of the novel "The Noble Nest" by Fyodor Ivanovich Lavretsky. The main toposes and loci (structural components of the artistic space in the work) associated with the main character of the novel and serving to characterize it are identified. So, the hero's space includes the locus of the house, as well as the topos of the village and homeland. The lexico-semantic means serving as the speech basis of the space of the protagonist in the novel are described, which include lexemes with both spatial and non-spatial meanings: first of all, these are the words of the lexico-semantic field "house" (house, houses, home-

less, chick, nest) and the lexico-semantic field "village" (toponyms Vasilyevskoye, Lavriki; words and phrases peasant, landowner, plow the land, rural wilderness). The hero's attitude to home, village and homeland become his main characteristic, make him an exponent of the author's idea, the main complex of the writer's ideas in the novel.

Key words: artistic space, topos, locus, hero, character, lexeme, lexico-semantic field, lexical group, lexical meaning, sema, context.

For citation: Morya, L. A. (2023) Hudozhestvennoe prostranstvo kak sredstvo harakteristiki personazha v romane I. S. Turgeneva «Dvoryanskoe gnezdo» (leksiko-semanticheskij kompleks prostranstva Lavreckogo) [Artistic space as a means of characterization in I. S. Turgenev's novel "The noble nest" (lexico-semantic complex of Lavretsky's space)]. *Art Logos – The Art of Word*. No. 2. Pp. 114–124 (In Russian). DOI 10.35231/25419803_2023_2_114

References

1. Babenko, L. G. (1989) *Leksicheskie sredstva oboznacheniya emocij v russkomazykye* [Lexical means of designating emotions in Russian]. Sverdlovsk: Izd-vo Uralskogo un-ta. (In Russian).
2. Bahtin, M. M. (1975) *Formy vremeni i hronotopa v romane* [Forms of time and chronotope in the novel] *Voprosy literatury i estetiki: Issledovaniya raznykh let* [Questions of literature and aesthetics: Studies of different years]. Moscow: Hud. lit. Publ. Pp. 234–401. (In Russian).
3. Dal, V. I. (1999) *Tolkovyy slovar russkogoazyky: Sovremennaya versiya* [Explanatory dictionary of the Russian language: Modern version]. Moscow: EKSMO-Press. (In Russian).
4. Kuharenko, V. A. (1988) *Interpretatsiya teksta* [Text interpretation]. Moscow: Prosveshchenie Publ. (In Russian).
5. Lotman, Yu. M. (1988) *Problema hudozhestvennogo prostranstva v proze Gogolya* [The problem of artistic space in Gogol's prose] *V shkole poeticheskogo slova: Pushkin, Lermontov, Gogol: kniga dlya uchitelya* [At the school of the poetic word: Pushkin, Lermontov, Gogol: a book for the teacher]. Moscow: Prosveshchenie Publ. Pp. 251–265. (In Russian).
6. Lukin, V. A. (1999) *Hudozhestvennyy tekst: Osnovy lingvisticheskoy teorii i elementy analiza* [Artistic text: Fundamentals of linguistic theory and elements of analysis]. Moscow: Os-89 Publ. (In Russian).
7. Morya, L. A. (2019) *Rossiya v strukture hudozhestvennogo prostranstva romana I. S. Turgeneva «Dvoryanskoe gnezdo»: leksiko-semanticheskie sredstva opisaniya nacionalno-etrnicheskogo prostranstva* [Russia in the structure of the artistic space of I. S. Turgenev's novel "The Nest of Nobles": lexical and semantic means of describing the national-ethnic space] *Gumanitarno-pedagogicheskoe obrazovanie – Humanitarian and Pedagogical Education* Vol. 5. No. 2. Pp. 23–30. (In Russian).
8. Ozhegov, S. I. (1984) *Slovar russkogoazyky. 16-e izd., ispr.* [Dictionary of the Russian language. 16th ed., rev.] Moscow: Rus. yaz. Publ. (In Russian).
9. Chernyshov V. I. (1948–1965) (ed.) *Slovar sovremennogo russkogo literaturnogoazyky: v 17 t.* [Dictionary of the modern Russian literary language: in 17 vols.]. Moscow; Leningrad. (In Russian).
10. Turgenev, I. S. (1983) *Rudin. Dvoryanskoe gnezdo. Nakanune. Otcy i deti* [Rudin. Noble Nest. The day before. Fathers and Sons]. Moscow: Hud. lit. Publ. (In Russian).

дата получения: 24.03.2023 г.
дата принятия: 10.04.2023 г.
дата публикации: 30.06.2023 г.

date of receiving: 24 March 2023
date of acceptance: 10 April 2023
date of publication: 30 June 2023

Т. Е. Лебедева

Образование парных наименований лиц женского пола (феминативов) как реализация общерусской тенденции пополнения словарного состава

В статье рассматривается значение термина феминатив в отечественной лингвистике, предпринимается попытка систематизации научной литературы, посвященной парным наименованиям лиц, выделяются гендерный, словообразовательный, исторический аспекты изучения таких наименований. В работе преследуется цель дополнить существующие исследования анализом диалектного материала и, тем самым, доказать общерусский характер тенденции к образованию парных наименований лиц женского пола, производных от соответствующих наименований лиц мужского пола. Исследование выполнено на материале Сводного Словаря русских народных говоров. В результате обнаружено большое количество парных наименований лиц женского пола по роду деятельности, социальному статусу, характеру, способностям, месту жительства. В диалектной речи реализуются все известные способы образования таких наименований. Тезис о том, что большинство феминативов имеют негативные коннотации, не нашел подтверждения на диалектном материале, так как соотносительные наименования лиц мужского пола так же могут содержать негативные оценки в своих лексических значениях.

Ключевые слова: парные наименования лиц, феминативы, русские народные говоры.

Для цитирования: Лебедева Т. Е. Образование парных наименований лиц женского пола (феминативов) как реализация общерусской тенденции пополнения словарного состава // Art Logos (искусство слова). – 2023. – № 2. – С. 125–141. DOI 10.35231/25419803_2023_2_125

Научный интерес к феминативам, как и сам термин, возник в отечественной научной литературе в конце XX века. «Пристальное внимание современной лингвистики к феминативам объясняется несколькими причинами: рост феминистских настроений в обществе, и соответственно рост

феминистского движения, вовлечение женщин в различные сферы трудовой и творческой деятельности» [7, с. 169].

Под феминативом сегодня понимаются «[и]мена существительные женского рода, которые обозначают женщин, образованы от однокоренных существительных мужского рода, обозначающих мужчин, и являются парными к ним» [1, с. 89], «слова, относящиеся к словообразовательной категории *nomina feminina*, наименования лиц женского пола, образованные от названий лиц мужского рода» [2, с. 7]. Однако намечается тенденция толковать данный термин расширительно и понимать под феминативом любое наименование лица женского пола (ср.: «В русском языке суффиксальные феминитивы не обязаны происходить от существительных, называющих мужчин (или “просто людей”), а могут при необходимости образовываться и сами по себе»¹).

Феминативам посвящена большая литература, подробный обзор исследований по этому направлению содержится в работе В. В. Демичевой [7] и Р. Р. Гузаеровой². Изучение феминативов смыкается с исследованиями наименований лиц женского пола в русском и других языках³. В рамках этого широкого направления можно выделить отдельные аспекты исследования.

Гендерный аспект. В работах такого рода анализируется гендерная окрашенность/нейтральность наименований лиц женского пола на фоне наличия или отсутствия такой окрашенности у соотносительных существительных, обозначающих лиц мужского пола [2; 11; 12]. Указывается, что многие феминативы имеют сниженную или разговорную окраску и/или негативную коннотацию. «В русском языке феминитивы для обозначения той или иной категории женщин зачастую либо отсутствуют, либо несут в себе отрицательную коннотацию (достаточно вспомнить слова «врачиха», «торговка», «генеральша», «содержанка»)» [12, с. 78]. «Нейтральную окраску имеет лишь небольшая доля феминитивов, именующая исконно женские или бывшие допустимыми для лиц женского пола

¹ Фуфаева И. Как называются женщины. Феминитивы: история, устройство, конкуренция. – М.: Corpus, 2020. Электронный ресурс. URL: <https://libcat.ru/knigi/nauka-i-obrazovanie/yazykoznanie/397230-12-irina-fufaeva-kak-nazyvayutsya-zhenchiny-feminativy-istoriya-ustrojstvo-konkurenciya-litres.html#text> (дата обращения: 02.02.2023)

² Гузаерова Р. Р. Феминитивы в русскоязычном медиапространстве: словообразовательный аспект: автореф. дис. ...канд. филол. наук. – М., 2021. – 189 с.

³ В данной статье не ставится задача дать исчерпывающий перечень научных работ, посвященных феминативам или вообще наименованиям лиц женского пола.

профессии и занятия: ткачиха, учительница, няня, певица, танцовщица, доярка, уборщица. Многие из этих слов являются наследием советского прошлого: крановщица, паяльщица, мотористка» [12, с. 78–79]. Существительные с суффиксом -щ(а) «широко использовались в нейтральном стиле, не имея того сниженного стилистического оттенка, который они имеют в наши дни, и не смешиваясь с названиями женщин по мужу» (цит. по: [2 с. 10]). По мнению Ю. С. Замышляевой, феминативы «используются в русскоязычном рекламном дискурсе в ироническом, даже уничижительном смысле» [11, с. 199]. К сходному заключению приходит А. Н. Вохина, проводившая исследование феминативов на материале молодежного сленга: «Среди обозначений лиц женского пола по профессии, по специальности, роду занятий самыми многочисленными оказались подгруппы, включающие наименования вузовских преподавателей и учителей, причем, окрашенные либо шутливо-иронически, либо еще более негативно. Многие феминативы и других тематических групп отражают негативное отношение к женщинам. Этот феномен, видимо, можно объяснить традиционной установкой на преобладание маскулинности в обществе» [5, с. 51].

В то же время Л. К. Граудина указывает, что «чаще всего эти образования стилистически нейтральны» [6, с. 77]. Семантика, стилистические коннотации обозначения лиц женского пола исследовались, в основном, на материале публицистического и рекламного текста, в интернет-коммуникации. Немногочисленные работы, выполненные на материале разговоров русского языка, отчасти подтверждают положение о негативной окрашенности наименований лиц женского пола. В статье «Наименования лиц женского пола в вятских говорах» проводится классификация наименований лиц женского пола по ряду признаков: внешний вид, характер, поведение; дается интерпретация представлений о женщине в народной картине мира через анализ таких номинаций [14]. Авторы приходят к выводу, что «... при всем тематическом многообразии наименования-характеристики лиц женского пола в вятских говорах объединяют в первую очередь лексемы, обозначающие разнообразные негативные качества. Стилистические коннотации в ряде случаев фиксируются <...> пометами “не-

одобрительное”, “презрительное”» [14, с. 196]. То же свойство номинаций лиц женского пола обнаруживается в брянских говорах: «Большинство наименований лиц женского пола в изучаемых нами говорах характеризуется отрицательными коннотациями, негативными оценками, что создано определенными экстралингвистическими факторами, связанными, а также определяющим этими факторами отбором аффиксов, прежде всего суффиксальных, служащих для усиления реализации словом негативной характеристики человека, что создало ситуацию присутствия в группе наименований лиц суффиксов, усиливающих в значении слова такую отрицательную характеристику человека (-ух, -уг, -юг)», – пишет Ю. В. Милютина [15, с. 34].

К группе гендерных исследований можно отнести и статью Ефремова «О гендерной асимметрии в наименовании лиц женского пола» [10], где в фокусе внимания автора оказываются сразу несколько вопросов: нормативный аспект употребления т.н. феминативов, целесообразность «узаконивания» образований типа *авторка* в литературном языке путем его фиксации в лексикографических изданиях, подвергается сомнению «андрогенность» русского языка в целом.

В словообразовательном аспекте, собственно, основные способы образования наименований лиц женского пола описаны в Грамматике–80 [16]. Считается, что «около 90% всех женских соответствий образованы с помощью этих суффиксов» [6, с. 137]. Диденко утверждает, «что наиболее активным является продуктивный суффикс -к(а), когда производные имена существительные ж.р. построены по модели «имя существительное со значением лица мужского пола + суффикс -к(а) со значением лица женского пола: претендент – претендентка, лауреат – лауреатка» [8, с. 206].

Словообразовательный аспект номинаций лиц женского пола неоднократно становился объектом исследования в научных работах, посвященных диалектной лексике. В частности, установлена номенклатура словообразовательных формантов, наиболее активно используемых для производства наименований лиц женского пола. В смоленских говорах формирование морфемной структуры таких имен существительных происходит за счет присоединения суффиксов: -енниц(а),

-уш(а), -олк(а), -отк(а), -и(я), -н(я), -льн(я), -еп(а), -ак(а), -уг(а), (-лк(а), -б(а), -чк(а), -л(а) -ух(а), -нк(а), -онк(а), -ох(а), -е(я), -их(а), -ль(я), ы-щик — -щиц(а), -ник — -ниц(а), -овник — -овниц(а), -ун — -ух(а), -ень — -ниц(а), -ец — -к(а) [4, с. 49].

В разных говорах у номинаций лица по внутренним характеристикам словообразовательными средствами выражения значения женскости являются суффиксы: -j- (варзúнья 'женск. к варзун' (варзún 1. 'неаккуратный, неопрятный человек, пачкун'; -ниц(а): докúчница 'женск. к докучник' (докúчник 'докучливый человек'); -ух(а): ирзúха 'женск. к ирзун' (ирзún 'веселый парень, любящий смеяться'); -к(а): межедвóрка и междвóрка 'женск. к межедвор (в 1-м знач.)' (межедвóр 'бездельник, который ходит от нечего делать по чужим домам' (1-е знач.)) и др. [19, с. 63–64].

В историческом аспекте история бытования наименований лиц женского пола в русском языке, пути пополнения этого класса лексики рассматриваются в исследованиях Л. Ф. Килиной, А. Соколовой (XVIII–XX вв.) [13], В. В. Демичевой (XVIII в.) [7], В. В. Беркутовой (с древнерусской эпохи до наших дней) [2], О. И. Еременко (XIX в.) [9]. В названных работах прослеживается история наименований лиц женского пола на разных этапах истории русского языка и доказываемая продуктивность такого рода образований для словарного состава русского языка. Ученые приходят к выводу, что «группа феминитивов сложилась задолго до XVIII века, и многие лексемы, называющие женщин, функционировали в языке XI–XVII веков» [7, с. 169]. Часть этого лексического пласта составляют номинации церковнославянского происхождения, точнее – лексемы, функционировавшие в религиозных текстах или контекстах. Другая часть – исконно русская лексика с суффиксами -иц(а) и -к(а): *домоводица*, *старица*, *богачка*, *торговка* (см. [7, с. 172]). И в XIX в., по утверждению О. И. Еременко, «значительную часть новообразований <...> составляли именно феминативы» [9, с. 100]. К этим исследованиям примыкает монография И. Фуфаевой «Как называются женщины. Феминитивы: история, устройство, конкуренция»¹, где автор постоянно обращается к фактам истории русского языка, в основном, XIX века.

¹ Фуфаева И. Как называются женщины. Феминитивы: история, устройство, конкуренция. – М.: Corpus, 2020. Электронный ресурс. URL: <https://libcat.ru/knigi/nauka-i-obrazovanie/yazykoznanie/397230-12-irina-fufaeva-kak-nazyvayutsya-zhenchiny-feminitivy-istoriya-ustrojstvo-konkurenciya-litres.html#text> (дата обращения: 02.02.2023)

Материал и методы

Цель нашей работы – продемонстрировать общерусский характер и устойчивость тенденции к образованию наименований лиц женского пола по роду деятельности в русском национальном языке посредством привлечения диалектного материала.

Большая часть имеющихся исследований феминативов проводилась на материале литературного языка, диалектные данные практически не привлекались для изучения этой группы лексики. Однако говоры, как отмечает О. И. Блинова в пособии «Введение в современную региональную лексикологию», – «это вторая по значимости (после литературного языка) форма национального языка, которая является средством общения значительной части русского населения страны» [3, с. 11]. Учет диалектного материала будет способствовать реконструкции более объективной картины существования парных наименований лиц женского пола в русском национальном языке на разных этапах.

Эмпирической базой исследования являются материалы Словаря русских народных говоров (далее – СРНГ), вып. 1–19 (до буквы Н). На наш взгляд, это достаточно репрезентативная выборка для того, чтобы продемонстрировать общую картину наличия/отсутствия подобных парных наименований в говорах русского языка.

Исследование проходило в несколько этапов. Сначала был произведен отбор лексики с финалью **-рка** по Инверсионному индексу СРНГ, затем из полученного списка были выбраны слова со значением лица. На следующем этапе была осуществлена проверка на наличие соответствия м.р. с тем же значением. Таким образом мы получили наименования лиц женского пола, имеющие парные наименования лиц мужского пола. Попутно фиксировались парные наименования с суффиксами **-ниц-(а)**, **-щиц-(а)**, **-чиц(а)**, **-ух(а)**, **-их(а)**, **-ј-** (с финалью **-ья**). Полученный список не претендует на абсолютную полноту, он может быть дополнен материалами региональных словарей, вышедших после публикации СРНГ.

В методологическом смысле важно сделать некоторые замечания. СРНГ, как известно, является сводным словарем русской диалектной лексики, вследствие чего под одним за-

головочным словом объединены значения, зафиксированные в разные годы в разных регионах России. Мы отдаем себе отчет, что члены коррелятивной пары наименований лиц могут существовать на разных территориях, тем не менее, мы рассматриваем их как реальные соответствия. В этой части мы опираемся на понятие диалектной макросистемы, разработанное Р. И. Аванесовым, Ф. П. Сороколетовым и другими авторитетными отечественными диалектологами. «Разные говоры одного и того же языка образуют определенную «систему» (сложную и многообразную» и в отношениях между собою, и в отношениях с ЛЯ. В этом и проявляется их историческая общность, единство их развития в условиях взаимодействия друг с другом и с ЛЯ. В условиях многообразных и все расширяющихся контактов нельзя полностью исключать возможность влияния одного говора на другой (влияния непосредственного или опосредованного); в то же время все говоры находятся под влиянием ЛЯ, что ведёт к возникновению общих тенденций и закономерностей языкового развития в народных говорах», – писал Ф. П. Сороколетов [18, с. 155].

Согласно принципам СРНГ, в словарной статье указывается время первой фиксации того или иного значения языковой единицы. В настоящем исследовании не ставится задача определить точные хронологические рамки бытования того или иного феминатива в диалектах русского языка, важно показать сам факт наличия данной единицы в лексическом составе говоров.

Словарные материалы в статье не воспроизводятся в полном объеме: не приводятся географические пометы, время фиксации, иллюстративный материал, – все эти сведения содержатся в источнике материала, слова сопровождаются ссылкой к соответствующим выпуску СРНГ и странице. В рамках настоящей статьи не приводятся все выбранные для анализа лексические единицы – более 150 соотносительных пар.

Результаты

В диалектах русского языка представлены все словообразовательные модели, по которым образуются парные наименования лиц женского пола в литературном языке. Приведем некоторые примеры:

с суффиксом -ниц(а): варенник – варенница [17, IV, с. 51]; еретник – еретница [17, IX, с. 22–23], ехидник – ехидница [17, IX, с. 47], жадник – жадница [17, IX, с. 58], жаланник – жаланница [17, IX, с. 61], жалельник – жалельница [17, IX, с. 63], жалостник – жалостница [17, IX, с. 67], жальник – жальница [17, IX, с. 68], жатник – жатница [17, IX, с. 86], животник – животница [17, IX, с. 159], загадник – загадница [17, IX, с. 351], заключевник – заключевница [17, X, с. 135], запечник – запечница [17, X, с. 316], заугольник – заугольница [17, X, с. 127];

с суффиксом -чиц(а): забидчик – забидчица [17, IX, с. 255], замолотчик – замолотчица [17, X, с. 254], записчик – записчица [17, X, с. 322];

с суффиксом -щиц(а): вартовщик – вартовщица [17, IV, с. 61], зажигальщик – зажигальщица [17, X, с. 85];

с суффиксом -иц(а): жиха(о)рь – жихорица [17, IX, с. 200], зазнайщик – зазнайщица [17, X, с. 94], занятник – занятница [17, X, с. 287];

с суффиксом -их(а): завертай – завертяиха [17, IX, с. 306];

с суффиксом -ух(а): варызгун – варызгуха ‘тот, кто слишком поспешно ест жидкую пищу’ [17, IV, с. 62] (Пск., 1855), жабтун – жабтуха [17, IX, с. 53], жвакун – жвакуха [17, IX, с. 90], жнитух – жнитуха [17, IX, с. 213];

с суффиксом -j(а): варзун – варзунья ‘неаккуратный, неопрятный человек; женск. к варзун’ [17, IV, с. 51] (Волог., 1858), ездун – ездунья [17, IX, с. 25], звягун – звягунья [17, X, с. 226], зевун – зевунья [17, X, с. 244] и т.д.

Рассмотрим подробнее образования с суффиксом -к(а); будем приводить лексические значения слов и место фиксации.

бобыль ‘В Оренбургской губернии бобылями назывались бездомные выходцы, припущенники или поселенцы у теплярей’ (Оренб., Даль) – **бобылька** ‘жена бобыля’ (Даль без указ. места) [17, III, с. 39];

божат ‘крестный отец’ (Волог., 1820, Костром., Новг., Олон., Арх., Сев., Тамб.) – **божатка** ‘крестная мать’ (Волог., 1820, Новг., Сев-Двин., Арх., Олон., Костром., Ярослав., Пск., Тамб., Перм.) [17, III, с. 61];

боярок ‘обедневший дворянин, живший на хлебником у кого-либо’ (Пск., 1855) [17, III, с. 145] – **боярка** ‘женск. к 1.Боярок’ (Пск., Даль) [17, III, с. 144];

вахлак 'грубый, невоспитанный, невежественный человек' (Оренб., 1849, Костром., Арх., Яросл., Пенз., Ворон., Урал.) [17, IV, с. 73] – **вахлачка** 'грубая, необразованная женщина' (Урал.) [17, IV, с. 74];

воспарь 'оспопрививатель' (Бийск. Алт., 1896) – **воспарка** 'женск. к воспарь' (Енис. 1894, Алт., 1896) [17, V, с. 139];

глуздырь (в 3-м знач.) 'умный человек, умник' (Южн., Зап., Даль) – **глуздырка** 'женск. к глуздырь в 3-м знач.' (Южн., Зап., Даль) [17, V, с. 209];

господарь 'хозяин, хозяин дома' (Смол., 1914) – **господарка** 'хозяйка дома' (Южн., Даль; Вят.) [17, VII, с. 89];

доможи́р 'запасливый, экономный человек, состоятельный хозяин' (Перм., 1853, Сев.-Двин.) – **доможи́рка** 'хозяйка, главная женщина в семейной общине, назначающая других женщин на разного рода полевые работы и заботящаяся о порядке в доме' (Олон., 1885–1898, Нов., Яросл., Перм.) [17, VIII, с. 122];

еготор 'сплетник, болтун' (Архив АН без указ. места) – **еготорка** 'сплетница, болтунья' (Архив АН без указ. места) [17, VIII, с. 318];

ершеед 'прозвище жителей города Белозерска Новгородской губернии' (Новг., 1848, Пск., Твер.) – **ершеедка** 'прозвище жителей города Белозерска Новгородской губернии' (Новг., 1848, Пск.) [17, IX, с. 36];

жебрак 'нищий' (Лит. ССР, Лат. ССР) [17, IX, с. 95] – **жебрачка** 'женск. к жебрак' (Лит. ССР, Лат. ССР) [17, IX, с. 95];

житель 'старожил' (Том., 1964) (+ общерусское значение) [17, IX, с. 189] – **жителька** 'уроженка, жительница' (Моск., 1989, Дон.) [17, IX, с. 189];

жней 'жнец' (Челяб., Южн. Урал, Моск.) – **жнейка** 'жница' (Смол., Калинин., Новг., Волог., Том.) [17, IX, с. 209];

забалуй 'шалун, озорник' (Костром., Моск.) – **забалуйка** 'озорница, шалунья' (Олон., 1870, Моск.) [17, IX, с. 245];

задрепанец 'неопрятный, неаккуратный человек; замарашка, грязнуля' (Южн., Даль) – **задрепанка** 'неопрятная, неаккуратная женщина; замарашка, грязнуля' (Южн., Слов. Акад., 1900) [17, X, с. 67];

займит 'должник' (Твер., 1855) – **займитка** 'должница' (Пск., Даль) [17, X, с. 106];

злодырь ‘дурной человек, злодей’ (Ряз., 1858) – **злодырка** ‘злодейка’ (Ряз., Даль) [17, XI, с. 290],

злокоман ‘злой, нехороший человек, тот, кто делает что-либо во вред другим’ (Олон., Смол., Слов. акад. 1809) – **злокоманка** ‘женск. к злокоман’ (Слов. акад., 1809, Олон.) [17, XI, с. 290];

злыдарь ‘злой, недобрый человек, завистник’ (Вят., 1907, Пенз., Ряз., Тамб., Костром., Тул., Твер., Нижегород.) – **злыдарка** ‘злая, недобрая женщина’ (Тамб., 1852) [17, XI, с. 293];

зубоскал ‘о человеке, который мгновенно находит на все ответ, не теряется, не лезет за словом в карман’ (Арх., 1963–1965) – **зубоскалка** ‘женск. к зубоскал’ (Арх., 1963–1965) [17, XI, с. 362];

испитонец ‘в дореволюционное время – ребенок, взятый на воспитание из воспитательного дома’ (Пск., 1919–1934) – **испитонка** ‘женск. к испитонец’ (Пск., 1919–1934) [17, XII, с. 227];

казюк ‘рабочий Тульского оружейного завода’: «Казюками в Туле (более в насмешливом, бранном смысле) называют оружейников, т.е. прикрепленных к казенному заводу работников. Местные жители производят слово казюк от слова казна, казенный, казенная принадлежность, казенник, казёшка, казюшка, отсюда уж недалек переход к объясняемому слову» (Тул., Шейн, 1873) – **казючка** ‘женск, к 2.Казюк (в 1-м и во 2-м знач.)’: К ним тульская казючка приехала. Не бери замуж казючку (Дубен. Тул., 1933) [17, XII, с. 322–323];

калугер ‘монах’ (Арх., Слов. акад. 1906–1907) [17, XII, с. 367] – **калагурка** ‘женщина, уединенно живущая в отдельной избушке, занятая молитвами и постом; келейница’ (Самар.) [17, XII, с. 333];

каламут ‘человек, вносящий несогласие, вызывающий раздор, беспорядок; баламут’ (Курск., 1850) [17, XII, с. 334–335] – **каламутка** ‘женск. к каламут’ (Курск., 1850) [17, XII, с. 335];

камагор ‘мужчина маленького роста’ (Ворон., 1893) [17, XIII, с. 13] – **камагорка** ‘о человеке небольшого роста’ (Ворон., Слов. акад., 1906–1907) [17, XIII, с. 14];

кикимор ‘домосед, нелюдим’ (Калуж., 1849) [17, XIII, с. 205] – **кикиморка** ‘нелюдим, домосед’ (Вят., 1882) [17, XIII, с. 205];

крамарь ‘торговец, обычно мелочным товаром’ [17, XV с. 167] (Курск., Ворон., Орл., Костром., Тул., Калуж., Южн., Пск.) – **крамарка** и **крамырка** ‘торговка’ (Калуж., 1916) [17, XV с. 167];

краснорядец ‘мелкий торговец’ (Смол., 1914) [17, XV, с. 185] – **краснорядка** ‘торговка красным товаром’ (Смол., 1916) [17, XV, с. 185];

кутимер 'сплетник' (Калуж., 1849) – **кутимерка** 'женск. к. кутимер' (Калуж., 1849) [17, XVI, с. 169];

куховар 'повар' (Тул.) и **куховарка** 'кухарка, стряпуха' (Ворон., Курск., Южн., 1850) [17, XVI, с. 183–184];

лекарь 'знахарь' (Арх., 1877, Вят., Перм., Забайкал.) – **лекарка** 'знахарка' (повсеместно) [17, XVI, с. 342];

лихарь 'колдун, лиходей'; 'удалой, ловкий' (Краснояр., 1965) – **лихарка** 'женск. к лихарь' (Краснояр., 1965) [17, XVII, с. 75];

лодырь (общерусское) – **лодырка** 'лентяйка, бездельница' (Том., 1964) [17, XVII, с. 107];

майор (общерусское) – **майорка** 'жена майора' (Смол., 1890) [17, XVII, с. 305];

межедвор 'бездельник, который ходит от нечего делать по чужим домам' (Курск., 1858. Дон.) – **межедворка** 'женск. к межедвор в 1-м знач.' (Курск., 1858. Орл.) [17, XVIII, с. 81];

музавер 'жестокий человек, мучитель, тиран, изувер, безбожник, басурман' (Курск., Орл., Даль) – **музаверка** 'безбожница' (Курск.) [17, XVIII, с. 336];

мытарь 'о плутоватом, пронырливом, лживом человеке' (Олон., Курган., Слов. акад. 1847) – **мытарка** 'лживая, плутоватая, пронырливая женщина' (Слов. акад., 1847, Вят.) [17, XIX, с. 64].

Как правило, парные наименования лиц распространены на одних и тех же территориях.

Среди номинаций лиц женского пола на **-к(а)** встречаются такие лексические единицы, значение которых уже, чем значение коррелята м.р., например, лексема **музаверка** употребляется только в значении 'безбожница', в то время как лексема **музавер** имеет еще ряд сем в структуре лексического значения.

В русских говорах бытуют формально парные наименования лиц не полностью соотносительные по значению. Так, лексическая единица **домосед** имеет значение 'старик или ребенок, остающийся дома во время страды, когда остальные уходят в поле' (Терск., 1910) [17, VIII, с. 123], а **домоседка** – 'женщина, которая в летнюю рабочую пору остается дома хозяйничать' [17, VIII, с. 123] (Ворон., 1858). Значения слов мужского и женского рода различаются семей «лицо» (которое остается дома во время летних полевых работ).

Среди наименований с суффиксом **-к(а)** были отмечены лексемы только ж.р., соответствие м.р., обозначающее лицо

мужского пола, отсутствует: **массажирка** – ‘повитуха’ [17, XVIII, с. 16], **мытейка** – ‘женщина, которая моет полы’ [17, XIX, с. 64], **неприборка** – ‘о неаккуратной женщине’ [17, XXI, с. 126], **нерка** – ‘о ворчливой женщине’ [17, XXI, с. 143].

По значению лексические единицы можно объединить в следующие тематические группы: наименования 1) по роду деятельности (**воспарка, жнейка, лекарка, красноградка**), 2) по социальному статусу (**божатка, боярка, майорка**), 3) по характеру (**доможирка, кикиморка, лодырка**), 4) по способностям (**глуздарка**) 5) по месту жительства (**ершеедка**). В нашей выборке слов с финалью -к(а) не представлена тематическая группа наименований лиц по вероисповеданию, однако языковые единицы другого морфемного состава обозначают лиц и по этому признаку, например, **еретник** – **еретница**.

В стилистическом отношении часть данных образований нейтральна (**божатка, жнейка, жителька**), другие лексические единицы имеют негативные коннотации (**вахлачка, ершеедка, задрепанка, казючка**), но обычно эти же коннотации присущи и соотносительным словам, обозначающим лиц мужского пола (ср. лексические значения соответствий м.р.).

Суффикс -к(а) оказался не самым продуктивным, гораздо больше (по приблизительным оценкам) парных наименований в говорах образуется с помощью суффиксов -ниц(а), -щиц(а), -чиц(а); далее следуют номинации лиц женского пола с суффиксами -их(а), -ух(а), -уш(а), -j(а).

Обсуждение и выводы

В русском национальном языке прослеживается устойчивая тенденция к образованию наименований лиц женского пола, имеющих соответствия м.р., начиная с момента возникновения письменности. Изолированное рассмотрение исключительно современного материала медиасферы могло бы привести к неверным выводам относительно причин возникновения наименований лиц женского пола, называемых феминативами.

Полученные данные позволяют утверждать, что появление и закрепление в речевой практике парных наименований лиц отражает сословную организацию общества, традиционные представления народа о роде деятельности, характерном для мужчин и женщин. В языковом сознании современного

носителя русского языка происходит переосмысление, «ремотивация» существующих наименований лиц женского пола в соответствии с актуальными идеологическими течениями.

В свете сказанного широкое применение термина феминатив представляется, с одной стороны, удобным в силу своей краткости и закреплённости в лингвистической литературе; с другой стороны, необоснованным (многие языковые единицы – парные наименования лиц и способы их образования появились в русском языке задолго до того, как возникло социальное движение феминизм и соответствующее понятие).

На протяжении многих веков номенклатура словообразовательных суффиксов наименований лиц женского пола остается неизменной, равно как и тематические группы таких наименований: это названия лиц по роду деятельности, вероисповеданию, характеру, внешности, месту жительства.

В диалектной речи парные номинации образуются более свободно, что связано, прежде всего, с устной формой существования русских говоров.

В дальнейшем планируется выявить полный список парных наименований лиц мужского и женского пола, определить доминирующие тематические группы, которые формируют данные существительные. Представляет интерес исследование наименований лиц по роду деятельности, характеру, внешнему виду, социальной и религиозной принадлежности, не имеющих парного наименования в разные периоды существования русского языка на разных территориях.

Список литературы

1. Баданина И. В. Функционирование феминативов в языке интернета // Русский язык в Интернете: личность, общество, коммуникация, культура: сборник статей I Международной научно-практической конференции, Москва, 08–09 февраля 2017 года / Российский университет дружбы народов. – М.: Российский университет дружбы народов (РУДН), 2017. – С. 89–94.
2. Беркутова В. В. Феминативы в русском языке: исторический аспект // Филологический аспект. – 2018. – № 11 (43). – С. 7–23.
3. Блинова О. И. Введение в современную региональную лексикологию. – Томск: Томский гос. ун-т им. В. В. Куйбышева, 1973. – 62 с.
4. Бояринова Л. З. Формирование морфемной структуры имен существительных – наименований лиц женского пола (на материале смоленских говоров) // Актуальные проблемы русской диалектологии: Материалы междунар. конф., Москва, 26–28 октября 2018 года. – М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2018. – С. 48–51.

5. Вохина А. Н. Наименования лиц женского пола в речи молодежи: мотивировочные признаки // Вестник филологических наук. – 2022. – Т. 2. – № 4. – С. 48–53.
6. Грамматическая правильность русской речи: Стилистический словарь вариантов / Л. К. Граудина В. А. Ицкович, Л. П. Катлинская. – М.: Наука, 2004. – 557 с.
7. Демичева В. В., Еременко О. И. Феминитивная лексика, унаследованная русским литературным языком XVIII века (лингвистический и социокультурный аспекты) // Фундаментальная и прикладная наука: актуальные вопросы и современные аспекты: монография. – Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г. Ю.), 2022. – С. 167–178.
8. Диденко А. С., Садченко В. Т. Феминитивы в современном русском языке // Современные научные исследования и разработки. – 2018. – Т. 1. – № 12 (29). – С. 205–207.
9. Еременко О. И., Демичева В. В. Экзотизмы-феминитивы в словарном составе русского литературного языка XIX столетия // Фундаментальные и прикладные науки сегодня: Материалы XXX международной научно-практ. конф., Bengaluru, Karnataka, India, 26–27 декабря 2022 года. – Bengaluru, Karnataka, India: Pothi.com, 2022. – С. 99–104.
10. Ефремов В. А. О гендерной асимметрии в наименовании лиц женского пола // Русский язык в школе. – 2009. – № 1. – С. 75–81.
11. Замышляева Ю. С. Отражение гендерной специфики в языке рекламы (на материале современной англои русскоязычной рекламы) // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах: материалы XI Международной научной конференции: в 2 ч., Челябинск, 07–09 апреля 2022 года / ЧелГУ. – Челябинск: Челябинский государственный ун-т, 2022. – Ч. 1. – С. 198–199. DOI 10.47475/9785727118047_198.
12. Захарчук Е. А. Феминитивы в коммуникативном пространстве современности: постановка проблемы // Теория языка и межкультурная коммуникация. – 2020. – № 4 (39). – С. 75–82.
13. Килина Л. Ф., Соколова А. Феминитивы с суффиксом -их(а) в текстах XVIII–XX вв.: корпусное исследование // Вопросы языкознания. – 2022. – № 1. – С. 85–105. DOI 10.31857/0373–658X.2022.1.85–105.
14. Мартемьянова Е. Е., Федянина О. Н. Наименования лиц женского пола в вятских говорах // Семантика. Функционирование. Текст. К 70-летию со дня рождения С. В. Черновой: Межвузовский сб. научн. тр. междунар. участием, Киров, 30 октября 2018 года. – Киров: Радуга-ПРЕСС, 2018. – С. 189–196.
15. Милютина Ю. В. Структурно-семантические особенности наименований лиц женского пола в брянских диалектах // Университет на пути к новому качеству науки и образования: Национальная научно-практ. конф. с междунар. участием, Брянск, 24 сентября 2020 года. – Брянск: Брянский государственный ун-т им. академика И. Г. Петровского, 2020. – С. 30–35.
16. Русская грамматика. В 2-х тт. [Н. С. Авилова, А. В. Бондаренко, Е. А. Брызгунова и др.]. – М.: Наука, 1980. – Т. 1. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология.
17. Словарь русских народных говоров / Под ред. Ф. П. Филина, Ф. П. Сороколетова, О. Д. Кузнецовой. Т. 1–19. – М.; Л.; СПб. – 1965–2002.
18. Сороколетов Ф. П. Очерки по русской диалектной лексикографии. – 2-е изд. – М.: ЛИБРОКОМ, 2010. – 232 с.
19. Янковская С. А. Номинации лица по внутренним характеристикам в русских народных говорах // Вестник Гродненского государственного ун-та им. Янки Купалы. Серия 3. Филология. Педагогика. Психология. – 2018. – Т. 8. – № 1. – С. 59–66.

Tatiana E. Lebedeva

The Formation of Paired Names of Females (Feminatives) as a Realization of the All-Russian Tendency to Extend the Vocabulary

The article discusses the meaning of the term "feminative" in Russian linguistics, an attempt is made to systematize the scientific literature devoted to pair names of persons; gender, word-formation, and historical aspects of the study of such names are highlighted. The aim of the work is to supplement existing studies with an analysis of dialect material and, thereby, to prove the all-Russian nature of the tendency to form paired female names derived from the corresponding male names. The study was carried out on the material of the consolidated Dictionary of Russian folk dialects. As a result, a large number of paired names of females were found according to the type of activity, social status, character, abilities, and place of residence. In dialect speech, all known methods of forming such names are implemented. The thesis that most feminatives have negative connotations was not confirmed by the dialect material, since the correlative names of males can also contain negative assessments in their lexical meanings.

Key words: paired names of females, feminative, Russian dialects.

For citation: Lebedeva, T. E. (2023) *Образование парных наименований лиц женского пола (феминативов) как реализация общерусской тенденции пополнения словарного состава [The formation of paired names of females (feminatives) as a realization of the all-Russian tendency to extend the vocabulary]. Art Logos – The Art of Word. No. 2. Pp. 125–141. (In Russian). DOI 10.35231/25419803_2023_2_125*

References

1. Badanina, I. V. (2017) *Funkcionirovanie feminativov v yazyke interneta* [The functioning of feminatives in the language of the Internet] *Russkij yazyk v Internetе: lichnost', obshchestvo, kommunikaciya, kul'tura*. [Russian language on the Internet: personality, society, communication, culture. Proceedings of the I international scientific and practical conference]. Moscow: Rossijskij universitet druzhby narodov (RUDN). Pp. 89–94. (In Russian).
2. Berkutova, V. V. (2018) *Feminativy v russkom yazyke: istoricheskij aspekt* [Feminatives in Russian: a historical aspect] *Filologicheskij aspekt – Pilological aspect. No. 11 (43). Pp. 7–23. (In Russian).*
3. Blinova, O. I. (1973) *Vvedenie v sovremennuyu regional'nuyu leksikologiyu*. [Introduction to modern regional lexicology]. Tomsk: Tomsk State un-t n.a. V.V. Kuibyshev. (In Russian)
4. Boyarinova, L. Z. (2018) *Formirovanie morfemnoj struktury imen sushchestvitel'nyh – naimenovanij lic zhenskogo pola (na materiale smolenskikh govorov)* [Formation of the morphemic structure of nouns – names of female persons (on the material of Smolensk dialects)] *Aktual'nye problemy russkoj dialektologii* [Actual problems of Russian dialectology. Proceedings of the international conference]. Moscow: V. V. Vinogradov Russian Language Institute of the RAS. Pp. 48–51. (In Russian).
5. Vohina, A. N. (2022) *Naimenovaniya lic zhenskogo pola v rechi molodezhi: motivirovochnye priznaki* [Names of female persons in the speech of young people: motivational signs]. *Vestnik filologicheskikh nauk – Bulletin of Philological Sciences. Vol. 2. No. 4. Pp. 48–53. (In Russian).*

6. Graudina L. K., Ickovich V. A., Katlinskaya L. P. (2004) *Grammaticheskaya pravil'nost' russkoj rechi: Stilisticheskij slovari variantov* [Grammatical correctness of Russian speech: Stylistic dictionary of variants]. Moscow: Nauka Publ. (In Russian).

7. Demicheva, V. V. (2022) *Feminitivnaya leksika, unasledovannaya russkim literaturnym yazykom XVIII veka (lingvisticheskij i sociokul'turnyj aspekt)* [Feminative Vocabulary Inherited by the Russian Literary Language of the 18th Century (Linguistic and Sociocultural Aspects)] *Fundamental'naya i prikladnaya nauka: aktual'nye voprosy i sovremennye aspekty: monografiya*. [Fundamental and applied science: topical issues and modern aspects: monograph]. Penza: Science and Enlightenment. Pp. 167–178. (In Russian).

8. Didenko, A. S., (2018) *Feminitivy v sovremennom russskom yazyke* [Feminitives in modern Russian]. *Sovremennye nauchnye issledovaniya i razrabotki – Modern research and development*. Vol. 1. No. 12 (29). Pp. 205–207. (In Russian).

9. Eremenko, O. I. (2022) *Ekzotizmy-feminitivy v slovarnom sostave russkogo literaturnogo yazyka XIX stoletiya* [Exoticisms-Feminatives in the Vocabulary of the Russian Literary Language of the 20th Century] *Fundamental'nye i prikladnye nauki segodnya* [Fundamental and applied sciences today. Proceedings of the XXX International Scientific and Practical Conference, Bengaluru, Karnataka, India]. Bengaluru, Karnataka, India: Pothi.com. Pp. 99–104. (In Russian).

10. Efremov, V. A. (2009) *O gendernoj asimmetrii v naimenovanii lic zhenskogo pola*. [On gender asymmetry in the naming of females]. *Russkij yazyk v shkole. – Russian language at School*. No. 1. Pp. 75–81. (In Russian).

11. Zamyshlyayeva, Yu. S. (2022) *Otrazhenie gendernoj specifiky v yazyke reklamy (na materiale sovremennoj angloj russkojazychnoj reklamy)* [Reflection of gender specificity in the language of advertising (on the material of modern English and Russian-language advertising)] *Slovo, vyskazyvanie, tekst v kognitivnom, pragmaticheskom i kul'turologicheskom aspektah* [Word, statement, text in cognitive, pragmatic and cultural aspects]. Proceedings of the XI International Scientific conference: in 2 vols. Chelyabinsk: Chelyabinskij gosudarstvennyj universitet. Vol. 1. Pp. 198–199. (In Russian).

12. Zaharchuk, E. A. (2020) *Feminitivy v kommunikativnom prostranstve sovremennosti: postanovka problem* [Feminitives in the communicative space of modernity: problem setting] *Teoriya yazyka i mezhkul'turnaya kommunikaciya – Theory of language and intercultural communication*. No. 4(39). Pp. 75–82. (In Russian).

13. Kilina L. F., (2022) *Feminitivy s suffiksom -ih(a) v tekstah XVIII–XX vv.: korpusnoe issledovanie*. [Feminitives with the suffix -ih(a) in the texts of the 18th–20th centuries: a corpus study] *Voprosy yazykoznanija – Questions of linguistics*. No. 1. Pp. 85–105. (In Russian).

14. Martem'yanova, E. E. (2018) *Naimenovaniya lic zhenskogo pola v vyatskih govorah*. [The naming of female persons in Vyatka dialects]. *Semantika. Funkcionirovanie. Tekst. K 70-letiyu so dnya rozhdeniya S.V. Chernovoj: Mezhvuzovskij sbornik nauchnyh trudov s mezhdunarodnym uchastiem* [Semantics. Functioning. Text. To the 70th anniversary of the birth of S. V. Chernova: Interuniversity collection of scientific papers with international participation]. Kirov: Raduga-PRESS Publ. Pp. 189–196. (In Russian).

15. Milyutina, Yu. V. (2020) *Strukturno-semanticheskie osobennosti naimenovaniy lic zhenskogo pola v bryanskih dialektah* [Structural and semantic features of female names in Bryansk dialects] *Universitet na puti k novomu kachestvu nauki i obrazovaniya* [University on the way to a new quality of science and education. Proceedings of National scientific and practical conference with international participation]. Bryansk: Bryanskij gosudarstvennyj universitet imeni akademika I. G. Petrovskogo. Pp. 30–35. (In Russian).

16. Avilova, N. S., Bondarenko, A. V., Bryzgunova, E. A. (1980) (eds.) *Russkaya grammatika. V 2-h tt. Tom. 1. Fonetika. Fonologiya. Udarenie. Intonaciya. Slovoobrazovanie. Morfologiya*. Russian Grammar. In 2 vols. Vol. 1. Phonetics. Phonology. Stress. Intonation. Word formation. Morphology. Moscow: Science Publ. (In Russian).

17. Filin, F. P. (1965–2002) (ed.) *Slovar' russkih narodnyh govorov*. T. 1–19 [Dictionary of Russian folk dialects. Vols. 1–19]. Moscow; Leningrad; St. Petersburg: Science Publ. (In Russian).

18. Sorokoletov, F. P., Kuznecova, O. D. (2010) *Ocherki po russkoj dialektnoj leksikografii. 2-e izd.* [Essays on Russian Dialect Lexicography]. Moscow: Librocom Publ. (In Russian).

19. Yankovskaya, S. A. (2018) Nominacii lica po vnutrennim harakteristikam v russkikh narodnyh govorah. [Nominations of a person according to internal characteristics in Russian folk dialects] *Vestnik Grodnenskogo gosudarstvennogo universiteta imeni YAnki Kupaly. Seriya 3. Filologiya. Pedagogika. Psihologiya – Bulletin of Grodno State University named after Yanka Kupala. Series 3. Philology. Pedagogy. Psychology*. Vol. 8. No. 1. Pp. 59–66. (In Russian).

дата получения: 18.02.2023 г.
дата принятия: 02.03.2023 г.
дата публикации: 30.06.2023 г.

date of receiving: 18 February 2023
date of acceptance: 02 March 2023
date of publication: 30 June 2023

В. В. Цицкун, Д. Д. Корниук

Эрративы как одно из средств передачи вербальной информации в интернет-меме

Данная статья посвящена проблеме использования эрративов как средства создания образа и передачи вербальной информации в интернет-меме. Авторами дается определение понятиям «интернет-мем», «эрратив», перечисляются их дифференциальные признаки. Особое внимание уделяется причинам возникновения эрративов в русском языке, различным подходам к их классификации. Приведены примеры интернет-мемов, в которых употреблены эрративы, определена их роль в создании словесного образа. В статье предпринята попытка определить предпосылки появления эрративов в русском языке и последствия их выхода за рамки микрогрупповой коммуникации.

Ключевые слова: эрратив, эрративная лексика, мем, меметика, меметическое значение слова, интернет-мем, вербальная информация, интернет-пространство.

Для цитирования: Цицкун В. В., Корниук Д. Д. Эрративы как одно из средств передачи вербальной информации в интернет-меме // Art Logos (искусство слова). – 2023. – № 2. – С. 142–151. DOI 10.35231/25419803_2023_2_142

Несмотря на широкую распространенность мема как информационно-смысловой единицы однозначное общепринятое определение у данного понятия в научной литературе пока отсутствует. Некоторые исследователи, в частности, Р. Докинз (автор термина), М. Н. Эпштейн, А. В. Бочаров понимают «мемы» как «гены культуры», ответственные за сохранение, воспроизводство и распространение информации, вместо генетического кода несущие код идеологический – ценностный [1, с. 93].

Будучи, по определению Р. Докинза, репликатором [3, с. 156], единственная цель которого – множить свои копии, мем – идея, образ, рекламный слоган, мелодия и т.п., созданные для тиражирования самих себя, – наибольшую популярность как информационно-смысловые единицы приобрели в веб-пространстве. Поэтому более употребим в научной литературе термин интернет-мем, универсальной дефиниции также не имеющий.

Чаще всего исследователи трактуют интернет-мем широко, например, как «медиально воспроизведенную единицу информации, которая обладает необходимыми качествами для максимально быстрого и объемного воспроизведения в мировой сети»¹ или как «особого рода медиатекст меметического содержания, созданный интернет-аудиторией и обладающий креолизованной структурой»². А. В. Вешнякова тоже называет интернет-мемы «креолизованным текстом», где вербальные и невербальные элементы образуют визуальное, структурное, смысловое и функциональное целое, комплексно воздействуя на адресата³. Наделенные ярким визуальным компонентом, имеющие возможность «многократного воспроизведения, копирования и реорганизации в интернет-среде», интернет-мемы являются еще и способом выражения «национальных, культурных, исторических или общественных ценностей интернет-аудитории»⁴. В качестве отдельного жанра коммуникации, представляющего собой «вербальное оформление типичной ситуации социального взаимодействия, дополненное иконическим элементом для максимально быстрой и точной передачи не только информации как таковой, но и отношения к ней автора», рассматривает интернет-мем Н. В. Часовский⁵. А. В. Изгаршева отмечает, что интернет-мемы обладают такими качествами, как «безавторство, широкая распространенность, <...> вариативность, творчески-эстетическая основа», характерными для устного

¹ Марченко Н. Г. Социальная сеть «ВКонтакте»: лингвопрагматический аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Ростов-на-Дону, 2013. – С. 6.

² Изгаршева А. В. Лингвистическая интерпретация интернет-мема: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2022. – С. 3.

³ Вешнякова А. В. Лингвокреативный аспект интернет-мемов // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2016. – № 6–4. – С. 1–2. Электронный ресурс. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvokreativnyy-aspekt-internet-memov> (дата обращения: 23.03.2023).

⁴ Изгаршева А. В. Лингвистическая интерпретация интернет-мема: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2022. – С. 3.

⁵ Часовский Н. В. Визуализация общения в сети Интернет (на материале креолизованных мемов): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Челябинск, 2022. – С. 9.

народного творчества, что дает право трактовать мемы как «элементы коммуникации фольклорного типа»¹.

С учетом того, что даже отдельное слово может проявлять себя как своего рода мини-мем, поскольку, по мнению М. Эпштейна, обладает большей, чем другие единицы языка (словосочетание, предложение, текст и т.д.), «репликабельностью» (способностью воспроизводить себя)², определение интернет-мема можно конкретизировать и понимать под ним информационно-смысловую медиаединицу, несущую определенную культурную тенденцию, отраженную в виде конкретного слова (как наиболее эффективного средства выражения мема), емкого словосочетания или предложения и подтвержденную визуально. Способность к репликации – главное свойство интернет-мема.

Материалы и методы

Мем, включающий текстуальный и визуальный элементы, облегчает восприятие вложенной в него информации, делает ее более зримой, осязаемой, понятной. Более того, зачастую мемы через синтез вербального и визуального воспроизводят и полноценную коммуникативную ситуацию. Рассмотрим в качестве примера мем, представленный на рисунке 1.

Текстовый компонент мема «*Mr бутенброд уходит нас об наружели*», сопровождаемый фотографией кота, ворующего бутерброд, способствует созданию в сознании человека аллегорического образа ребенка, совершившего неблаговидный поступок и старающегося его скрыть. Такой словесный образ, с одной стороны, вызывает смеховую реакцию, с другой – выполняет воспитательную функцию. Подчеркнуть комизм ситуации позволяют слова с намеренно искаженным написанием: «*mr бутенброд*», «*об наружели*», которые относятся к особому виду лексики – эрративам.

Лингвистами неоднократно предпринимались попытки установить объективные причины возникновения эрративов в русском языке. Как одну из возможных многие исследователи называют интенсивное развитие электронных технологий. Появление в России в конце XX – начале XXI вв. новой социо-

¹ Изгаршева А. В. Лингвистическая интерпретация интернет-мема: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2022. – С. 10.

² Эпштейн М. «Слово управляет царствами...»: Лексикология как идеология нашего времени. Электронный ресурс. URL: https://www.emory.edu/INTElNET/dar_slovo_delo.html (дата обращения: 01.03.2023).

культурной среды с «режимом максимального приближения к устной речи» позволило обеспечить «моментальное письменное выражение устного узуса» и обусловило создание «нового языка» как средства эффективной коммуникации [2]. Порожденный сетевой культурой «новояз» быстро нашел своих почитателей, любителей экспериментов над родным языком – не столько ради «практических потребностей упрощения кода», сколько из желания «сделать предельно зримым собственное присутствие в Сети» [2]. Игровые условия веб-пространства этому способствовали, что в принципе объясняет и возникшую в тот период моду на употребление в речи эрративов как средства языковой игры.



Рис. 1. Интернет-мем «Мг бутенброд уходит нас об наружели»

Г. Гусейнов, А. С. Либман называют еще одну причину появления эрративов в русском языке – стремление молодежи, чуждой идее предписания, «оторваться» от влияния старшего поколения, привыкшего указывать молодым на соблюдение определенных общественных правил, в том числе и на сохранение литературных норм [2; 5], что и спровоцировало возникновение определенных социальных групп, в речи которых намеренно искажались написания слов ввиду осознанного отказа от соблюдения традиционных орфографических правил русского литературного языка в угоду новым правилам, предписывающим внутри этого нарочитого искажения соблюдать свою (эрративную) норму.

Однако предпосылки возникновения такого явления в языке, на наш взгляд, были заложены задолго до появления в России сети Интернет. Истоки эрративов, возможно, надо искать в реформе в 1917–1918 гг., в тех радикальных, приведших к упрощению орфографической системы изменениях русского языка, о которых И. Ильин говорил как о «революционном кривописании», что «растерзало, изуродовало и снизило его [русского языка] письменное обличье» (курсив наш. – Ц. В., К. Д.)¹. «То, что упрощено для обучения, может оказаться очень неудобным для употребления», – предупреждал Д. С. Лихачев, видя в реформе, призванной помочь в освоении русской орфографии детям и иностранцам, упростить им чтение текстов, «порчу и снижение русской грамотности»². Функционально оправданная, с одной стороны, эта реформа, с другой стороны, заложила тенденцию к упрощению, развитие которой со временем могло вполне привести к появлению эрративной лексики.

Результаты

Эрративы не входят в словарный состав языка и обычно не получают широкого распространения в языковой среде; возникают они в результате «нарочитого грубого искажения стандартного написания слова и его последующей микрогрупповой канонизации в качестве утрированно-исправленного и иногда фиктивно приспособленного к реальному произношению»³. Под эрративом мы понимаем слово, подвергшееся такой графической обработке («отзеркаливанию»), при которой написание, закрепленное правилами русской орфографии, уступает место написанию, регулируемому эрративной нормой.

Эрративы в мемах достаточно востребованы, что было установлено в результате исследования 50 интернет-мемов и отражено в диаграмме на рисунке 2.

Как показано в диаграмме, в большей части из исследуемых интернет-мемов (35 медиаединиц), что составляет 70 %

¹ Ильин И. О Русском правописании. Электронный ресурс. URL: <https://vetrovo.ru/inoi/iliin-pravopisanie/> (дата обращения: 21.03.2023).

² Лихачев Д. С. О старой, традиционной, освящённой, исторической русской орфографии, поправной и искажённой врагом церкви христовой и народа российского. Электронный ресурс. URL: <https://vetrovo.ru/svyatorus/lihachev/>

³ Гусейнов Г. «Берлога веблога». Введение в эрратическую семантику // Архивы форума «Говорим по-русски». Электронный ресурс. URL: http://speakrus.ru/gg/microprosa_erratica-1.htm. (дата обращения: 23.03.2023).

от общего числа анализируемых, были употреблены эрративы, и только в 15 мемах (30 % соответственно) эрративная лексика не использовалась.



Рис. 2. Диаграмма частотности употребления эрративной лексики в мемах

На наш взгляд, высокая частотность употребления эрративов в интернет-мемах обусловлена рядом причин. Во-первых, оба явления есть порождение веб-среды. Во-вторых, в мемах с помощью эрративов (за счет сочетания антинормированного текстового материала и экспрессивно-окрашенного изображения) осуществляется гиперболизация словесного образа, закладываемого в медиаединице для передачи конкретной культурной и/или социальной информации. Мем, «заряженный» эрративом, выполняет сразу несколько функций – информирования, трансляции, репрезентации, не говоря уже об эмоциональной, комической и фатической функциях. Такой словесный образ легче запоминается и быстрее воспроизводится при определенных речевых ситуациях. Рассмотрим это на конкретных примерах (см. рис. 3).

Вашему вниманию предлагаются два мема, реализуемых в веб-пространстве. Интернет-мем 1 представляет собой синтез двух компонентов: визуального (иконического) (изображение испуганного кота, представляющего собой аллегорию человека, который находится в стрессовой ситуации) и вербального (эрративной надписи «стлесс»). Благодаря креолизованной структуре данного мема легко выстраивается ассоциативный ряд: человек (кот) напуган – ноги подкашиваются – язык заплетается (искажается произношение слов). Таким образом, использование эрратива, имитирующего

фонетическое искажение слова «стресс», не только служит средством создания комического эффекта, но и позволяет наглядно отразить реальную ситуацию, нарисовать испытывающего стресс человека. То же наблюдаем и в интернет-меме 2: эрративы в фразе «а что у нас немир чтоли», с одной стороны, помогают адекватно декодировать информацию, содержащуюся в интернет-меме, обеспечивая ей наглядность и комический эффект, с другой – служат средством создания образа «немира» (в «мире» предполагается все правильное, в том числе и написание слов, в «немире» – искаженное).

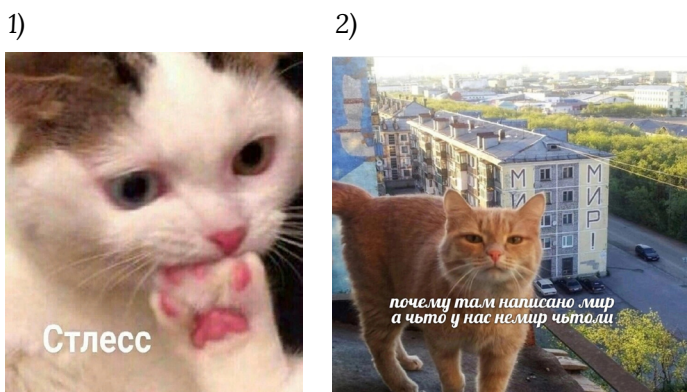


Рис. 3. Интернет-мемы с использованием эрративов

Согласно имеющимся классификациям эрративов, в мемах могут быть использованы первичные эрративы – те, которые намеренно искажают письменную норму и воспроизводят слова в их фонетической форме («малако», «соцэ»), и вторичные, представляющие собой трудно произносимую гиперкоррекцию предполагаемого первичного эрратива [4, с. 77–78]. Например, «красавчег» восходит не к нормативному «красавчик», а к его потенциальному первичному эрративу «красафчег».

Согласно другому подходу, эрративы, используемые в мемах, можно классифицировать как полные/неполные. Суть данной классификации заключается в «полноте/неполноте» соблюдения эрративной нормы, которая прямо пропорциональна норме литературной. В то время как литературная

норма регламентирует правильное написание/произношение, норма эрративная предписывает нарочитое искажение слова. Так, в текстовом компоненте мема «Mr бутенброд уходим нас об наружели» эрратив «бутенброд» можно охарактеризовать как неполный. А вот в меме «Хммм гдежэ мышш...» все эрративы являются первичными, полными.

В ходе исследования установлено, что каждый 5 мем (около 95 %) содержит в себе эрративную лексику, относящуюся к первичной стадии искажения письменной нормы, когда слова при письме воспроизведены так, как они произносятся, например, «шакалатка на акцыи».

Обсуждение и выводы

Как показало исследование, эрративная лексика в качестве средства передачи вербальной информации и создания словесного образа активно используется в интернет-мемах и интерес к ней постоянно растет. А с учетом быстроты распространения мема в интернет-пространстве появляется угроза выхода эрративов за рамки микрогруппы, что может спровоцировать ситуацию, которой опасался И. Ильин, – привести к узакониванию «кривописания». И, хотя исследователи, занимающиеся меметикой, утверждают, что активное «размножение» мемов продолжается недолго и, зачастую, постепенно замедляясь, вообще останавливается, входя в так называемый период пресыщения (мем подвергается вытеснению новым мемом), а также что многие интернет-мемы подвержены микрогрупповой канонизации и остаются «необщедоступными», проблема нарушения границ существует. Чтобы увлеченность «эрративной лексикой» не принесла вреда русскому литературному языку, носители языка, любящие искажать правильное написание/произношение слов, должны делать это, строго осознавая, ЧТО они делают, и исключительно в соответствии с условием, лежащим в основе определения эрратива, – владеть литературной нормой и подвергать слово искажению осознанно, как бы «отзеркаливая» эрративное написание/произношение от традиционного [4, с. 81–82]. Отказываясь от соблюдения традиционных орфографических правил русского литературного языка, пользователь обязан автоматически подчиниться правилам, предписывающим

соблюдать эрративную норму – своего рода диаметрально противоположность норме языковой [8, с. 82].

Следовательно, необходимо стремиться к тому, чтобы языковая норма была закреплена у носителей языка на уровне подсознания. И в этом, как ни парадоксально, в качестве вспомогательного инструмента образовательного процесса может помочь интернет-мем, поскольку «деятельность мемов протекает не в слоях культуры, а в самом сознании» [1, с. 96]. А значит, комплекс упражнений, направленный на развитие у обучающегося умений и навыков отделения нормированных слов от ненормированных (т.е. эрративной лексики), объяснение правил орфографии через решение лингвистических задач с использованием мемов с эрративами позволит ребенку на ошибках учиться не допускать ошибки при написании и произношении слов. Такой метод поможет лучше запоминать грамматические и лексические нормы.

Отношение лингвистов к феномену эрратива было и остается неоднозначным: одни в эрративной лексике видят только дань моде, другие, как В. Г. Костомаров, считают языковым злом, угрозой национальной культуре, третьи (в основном, молодые исследователи) относятся к эрративам как к своеобразной языковой игре. Профессор Г. Гусейнов (автор термина) не только считает эрративы нормальным, вполне допустимым явлением, но и верит в их полезность «и для тех, кто изучает русский язык как иностранный, и для носителей языка, испытывающих трудности при общении в новой для себя поколенческой или профессионально-поколенческой среде»¹.

Безусловно, феномен эрративной лексики нужно изучать. И это доказывает всё возрастающий интерес молодежи к «эрративной игре». Но, чтобы подверженные «микрогрупповой канонизации» эрративные образования не претендовали на широкое распространение в речи и языке, а тем более, на словарную регистрацию, мы, филологи, должны не только контролировать правила этой игры, но и диктовать ее условия.

¹ Гусейнов Г. «Берлога веблога». Введение в эрратическую семантику // Архивы форума «Говорим по-русски». Электронный ресурс. URL: http://speakrus.ru/gg/microprosa_erratica-1.htm. (дата обращения: 23.03.2023).

Список литературы

1. Бочаров А. Б., Демидов М. О. Мемы, мем-вирусы: их сущность и распространение в инфосфере и медийном пространстве // Управление консалтинг. – 2020. – № 9 (141). – С. 92–100. DOI 10.22394/1726-1139-2020-9-92-100.
2. Гусейнов Г. Заметки к антропологии русского Интернета: особенности языка и литературы сетевых людей // Новое литературное обозрение. – 2000. – № 3 (43). – С. 289–321.
3. Докинз Р. Эгоистичный ген. – М.: Сорпус, 2013.
4. Корниук Д. Д., Цицкун В. В. Влияние эрративов на речь современной молодежи // Севастопольские Кирилло-Медфодиевские чтения. – 2023. – № 16. – С. 75–84.
5. Liberman A. Word Origins and How We Know Them: Etymology for Everyone. – Oxford UP, 2009. – 336 p.

Violetta V. Tsytskun, Daria D. Korniiuk

Errativs as One of the Means of Transmission of Verbal Information in the Internet Meme

This article is devoted to the problem of using erratives as a means of creating an image and transmitting verbal information in an Internet meme. The authors define the concepts of "Internet meme", "errative", list their differential features. Particular attention is paid to the reasons for the emergence of erratives in the Russian language, various approaches to their classification. Examples of Internet memes in which erratives are used are given, their role in creating a verbal image is determined. The article attempts to determine the prerequisites for detecting errors in Russian and the consequences of their going beyond the scope of microgroup communication.

Key words: errativ, errativ vocabulary, meme, memetics, memetic meaning of the word, Internet meme, verbal information, internet space.

For citation: Tsytskun, V. V., Korniiuk, D. D. (2023) Errativy kak odno iz sredstv peredachi verbal'noy informatsii v internet-meme [Errativs as one of the means of transmission of verbal information in the internet meme]. *Art Logos – The Art of Word*. No. 2. Pp. 142–151. (In Russian). DOI 10.35231/25419803_2023_2_142

References

1. Bocharov, A. B., Demidov M. O. (2020) *Memy, mem-virusy: ih sushchnost' i rasprostranenie v infosfere i medijnom prostranstve* [Demidov M. O. Memes, meme viruses: their essence and distribution in the infosphere and media space] *Upravlencheskoe konsul'tirovanie – Management Consulting*. No. 9 (141). Pp. 92–100. DOI 10.22394/1726-1139-2020-9-92-100. (In Russian).
2. Guseynov, G. (2000) *Zametki k antropologii russkogo Interneta: osobennosti yazyka i literatury setevykh lyudej* [Notes on the Anthropology of the Russian Internet: Features of the Language and Literature of Network People] *Novoe literaturnoe obozrenie – New Literary Observer*. No. 3 (43). Pp. 289–321. (In Russian)
3. Dokinz, R. (2013) *Egoistichnyj gen* [Selfish gene]. Moscow: Sorpus Publ. (In Russian).
4. Korniyuk, D. D., Cickun, V. V. (2023) *Vliyaniye errativov na rech' sovremennoj molodezhi* [Influence of erratives on the speech of modern youth] *Sevastopol'skie Kirillo-Mefodievskie chteniya – Sevastopol Cyril and Methodius Readings*. No. 16. Pp. 75–84. (In Russian).
5. Liberman, A. (2009) *Word Origins and How We Know Them: Etymology for Everyone*. – Oxford UP.

Личный вклад соавторов

Personal co-authors contribution
50/50 %

дата получения: 23.03.2023 г.
дата принятия: 12.04.2023 г.
дата публикации: 30.06.2023 г.

date of receiving: 23 March 2023
date of acceptance: 12 April 2023
date of publication: 30 June 2023

И. Н. Ковтун

Предметно-понятийный компонент концепта «ЛЮБОВЬ» в поэзии Беллы Ахмадулиной

В статье исследуется одна из актуальных проблем современной филологической науки: изучение концептов в художественном тексте. Автор рассматривает концепт как многомерное лингвоментальное образование, которое обладает сложной структурой и многослойным смыслом, анализирует ключевые характеристики концепта «ЛЮБОВЬ» в поэзии Беллы Ахмадулиной. Основное внимание уделяется языковому и предметно-понятийному компонентам концепта «ЛЮБОВЬ» в творчестве Беллы Ахмадулиной.

Ключевые слова: концепт, художественный текст, структура концепта, предметный компонент, понятийный компонент.

Для цитирования: Ковтун И. Н. Предметно-понятийный компонент концепта «ЛЮБОВЬ» в поэзии Беллы Ахмадулиной // Art Logos (искусство слова). – 2023. – № 2. – С. 152–161. DOI 10.35231/25419803_2023_2_152

В последнее десятилетие внимание многих гуманитарных наук, в том числе и литературоведения, концентрируется на концепте как единице ментальной деятельности человека. Это связано с активным распространением когнитивной методологии и творческим переосмыслением ее основных идей другими сферами научного познания. В литературоведении интерес к концепту, с одной стороны, связан с ценностью литературы для осознания духовных, культурно-исторических, материальных доминант народа. Как подчеркивают ученые, «именно литература, вбирая коллективный духовный опыт, сохраняя память народа, содержит в себе

многообразный спектр смыслов, ассоциаций и представлений, константный и исторически изменчивый, который соотносится с наиболее устойчивыми концептами национальной или мировой культуры»¹. С другой стороны, со стремлением исследователей по-новому осознать процесс порождения художественного произведения, в котором автор, отражая свое виденье мира, представление о мироустройстве, личный опыт, наполняет общекультурные и национальные концепты новыми смыслами. Моделирование таких концептов, описание средств их реализации позволяет более глубоко и разносторонне раскрыть смысл и структуру художественного произведения, выявить его особенности и основные идеи, а также определить его место и роль в литературной традиции и культурном контексте. Кроме того, анализ концептов способствует изучению идиостиля автора, его художественного мышления и мировосприятия.

Основы исследования концептов в литературоведческом аспекте раскрываются в работах И. В. Бурдина², Т. И. Васильевой [2], Н. А. Володиной³, Е. С. Корнаковой⁴, Е. В. Лозинской [5], И. А. Тарасовой [6], в лингвокультурологическом аспекте в диссертации Л. Е. Вильмс⁵ и др. В них ученые, ссылаясь на достижение современной когнитивной лингвистики и культурологии, определяют категориальный аппарат когнитивного литературоведения, описывают методiku моделирования концепта на примере авторских художественных текстов. В поле внимания исследователей, в первую очередь, попадают концепты, представляющие ценностные ориентиры общества, среди которых, безусловно, ЛЮБОВЬ. Интересным представляется в этом плане точка зрения Л. Н. Чурилиной, которая считает, что концепт ЛЮБОВЬ «занимает господствующее положение в иерархии текстовых концептов и выступа-

¹ Володина Н. В. Концепт в системе когнитивного литературоведения: опыт методологического подхода. // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. – 2018. – № 2–1(35). – С. 13. Электронный ресурс. URL: <https://cyberleninka.ru> (дата обращения: 19.02.2023).

² Бурдин И. В. Понятие «концепт» в литературоведении // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2019. – № 7. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-kontsept-v-literaturovedenii> (дата обращения: 30.02.2023).

³ Володина Н. В. Концепт в системе когнитивного литературоведения: опыт методологического подхода. // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. – 2018. – № 2–1(35). Электронный ресурс. URL: <https://cyberleninka.ru> (дата обращения: 19.02.2023).

⁴ Корнакова Е. С. Концепт «гражданственность» в творчестве Е. А. Евтушенко: монография. – М.: Юрайт, 2023. – 118 с. (Актуальные монографии) // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. [Электронный ресурс]. URL: <https://urait.ru/bscode/519512> (дата обращения: 29.02.2023).

⁵ Вильмс Л. Е. Лингвокультурологическая специфика понятия «любовь»: (на материале нем и рус яз.); автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 1997. – 24 с.

ет главнейшим признаком антропоцентризма художественного текста и как многогранное явление может представлять фрагмент индивидуальной картины мира персонажа, быть элементом текстовой концептосферы служить своеобразным ключом к пониманию его языковой личности»¹.

Материалы и методы

В рамках статьи рассмотрим концепт ЛЮБОВЬ в творчестве Беллы Ахмадулиной – одной из самых известных и уважаемых поэтесс второй половины XX века, яркой представительницы поколения “шестидесятников”, стремившихся к свободе творчества и мысли в условиях тоталитарного режима. Ее стихи отличаются лиризмом, эмоциональной глубиной, богатством образов и метафор. О значении любви в жизни и творчестве поэтессы свидетельствуют слова, сказанные ею на одной творческой встрече: «Любовь есть высшее состояние души и ума человека, и чем больше мы можем вместить ее в себе, тем лучше для нас и для всех остальных»².

Для моделирования концепта «ЛЮБОВЬ» в художественных произведениях, написанных Беллой Ахмадулиной, будем использовать методик, предложенную Т. И. Васильевой [2, с. 53–54], и вслед за Ж. Н. Масловой [4, с. 84] в его структуре выделяем следующие компоненты: языковой, предметный, понятийный, ассоциативный, образный, символический, ценностно-оценочный.

Цель настоящей статьи – раскрыть предметный и понятийный компоненты концепта ЛЮБОВЬ в творчестве Беллы Ахмадулиной.

Однако, учитывая мнение исследователей [4, с. 84] о том, что предметный концепт соотносится с денотатом, а понятийный со словарной дефиницией, рассмотрим их в единстве.

Результаты

Репрезентантом предметной составляющей концепта ЛЮБОВЬ являются лексемы словообразовательного гнезда с корнем люб-. В процессе изучения текстов стихотворений

¹ Чурилина Л. Н. Антропоцентризм художественного текста как принцип организации его лексической структуры: дис. ... д-ра филол. наук. – СПб., 2003. – С. 12.

² Белла Ахмадулина. Библиографический ресурс «Чтобы помнили». Электронный ресурс. URL: <http://chtoby-pomnili.com/page.php?id=1147> (дата обращения: 21.02.2023).

Беллы Ахмадулиной, вошедших в сборник «Избранное» [1] (всего 210 поэтических текстов), обнаружены лексические единицы, имеющие следующие смыслы:

1) чувство – любовь («Ты меня не любишь, не жалеешь...», «Апрель», «Романс о романсе», «Сумерки», «Она цеплялась за любовь», «По пути в Сванетию»);

2) объект любви – возлюбленный, любим, любима: «Я влюблена, она любима, / вот вам сюжета грозный крен...» («Дачный роман»); «Да, мы немалый шанс имеем / не проиграть. И говорю: / – Любимый, будь высокомерен / и холоден к календарю», «Как щедро это одаренье / меня тобой! Но погоди – / любимых так не привечают», «Для музыки этой возможных нашествий / Возлюбленный путник пускается в путь» («Сентябрь»);

3) состояние любви – любить, любил, люблю, любовалась, влюблен, влюблена, влюблены: «Не жалею, что встретила. / Не боюсь, что люблю...» («Дождь в лицо и ключицы»); «Я подумала – скоро конец февралю – / и сказала вошедшему: / «Радость! Люблю!...»; «Люблю всех, кто жив...»; «Как влюблен он, и нежен, и статен...» («Романс о романсе»); «Я говорю себе: твой гость с тобою, любуйся его милой художью («Явится утром в чистый»); «..увидеть дом, где счастливо семейство, / где невопад и пылко влюблены»; «Между тем удастся руке / детским жестом придвинуть тетрадку / и в любви, в беспокойстве, в тоске / все, что есть, описать по порядку («По пути в Сванетию»); «Ты меня не любишь, не жалеешь...»;

4) признак, основанный на любви, – влюблен, влюблена, влюблены, возлюбленный, любовно: «Я влюблена, она любима...» («Дачный роман»); «Дитя, наученное веком, / возьму коня, отдам коня / за полмгновенья с человеком / любимым мною...» («Влечет меня старинный слог»).

Анализ текстов стихотворений Беллы Ахмадулиной позволяет выделить четыре смысловых центра понятийного содержания концепта ЛЮБОВЬ.

1. Чувство сильного влечения к противоположному полу. В стихотворениях Беллы Ахмадулиной оно предстает как идеальное чувство, которое выражает глубину человеческой личности, возникает вне воли человека и, как стихия, охватывает его всецело: «Дождь в лицо и ключицы, / и над мачтами гром. / Ты со мной приключился, / словно шторм с кораблем.

/ То ли будет, другое... / Я и знать не хочу – разобьюсь ли о горе, или в счастье влечу / Мне и страшно, и весело, как тому кораблю... / Не жалею, что встретила. / Не боюсь, что люблю» (1955). Противостоять такому чувству невозможно, несмотря на то что зачастую лирический герой ощущает не только счастье, но и страдания из-за разлуки, измены, расставания («Я думала, что ты мой враг», 1957; «Жилось мне весело и шибко», 1958; «Не уделяй мне много времени», 1958; «Смеясь, ликуя и бунтуя», 1958; «Твой дом, не ведая беды», 1959; «А напоследок я скажу», 1960; «Из глубины моих невзгод молюсь о милом человеке», 1960; «О, мой застенчивый герой», 1960–1961). Такая любовь вызывает у лирической героини различные чувства и может быть страстной, нежной, грустной или прощальной.

2. Чувство глубокого расположения, привязанности к чему-либо. В этом значении предметного-понятийного слоя, в свою очередь, определяются такие составляющие: любовь к природе и животным; любовь родной земле; любовь к друзьям.

Любовь к природе, животным прослеживается в стихотворениях «Август», «Апрель», «Сентябрь», «Ноябрь», «Осень», «Зима», «Метель», «Пейзаж»; «Снегопад»; «Живут на улице Песчаной», «Сумерки», «Бабочка», «Два гепарда», «Поросенок». Здесь репрезентация концепта ЛЮБОВЬ заключается в умении поэтессы абстрагироваться и строить сложные умозаключения. В указанных стихотворениях редко встречаются описанные с любовью пейзажи или животные, но это чувство проявляется имплицитно и чаще всего выражается через внутреннее состояние лирических героев: «В прощенье мне теплом собрата / повеяло, и со двора вошла прекрасная собака / с душой, исполненной добра» («Прощание с другом»).

Любовь к родной земле также имплицитно проявляется в текстах стихотворений «Родина», «Черный ручей», «Сумерки», «Смерть совы», «Лебедин мой», «Гребенников здесь жил...», «Суббота в Тарусе», «Хожу по околицам дюжей весны...» и др. В них также не встретишь высокопарных слов о любви, но она ощущается, присутствует естественно, когда Б. Ахмадулина пишет о воздухе, дожде, земле и христианских традициях. Ее любовь к родной земле, Родине включает в себя сложные взаимоотношения между человеком и природой, человеком и пространством, человеком и временем, как, на-

пример, в стихотворении «Родина»: «На грядках зеленого огоро-
дика, / Где тянется хмель к кривому крыльцу, / Я неожиданно
встретила Родину, / С нею столкнувшись лицом к лицу».

Поэзия Б. Ахмадулиной также полна чувств любви, которые она адресует прохожим, знакомым, своим читателям, и, конечно же, своим дорогим друзьям. По отношению к ним это чувство у поэтессы возвышенное, изысканное, даже обладающее некоей жертвенностью. Репрезентацией любви к друзьям являются тексты стихотворений «По улице моей который год», «Сон», «Мои товарищи», «Зимняя замкнутость», «Наскучило уже, да и некстати», «Ремесло наши души светло», «Два гепарда» и др. В них любовь и дружба представляют некую дихотомию: разделяются внешне, но имеют тесную внутреннюю связь. Об этом красноречиво говорят строки из стихотворения «Сон»: «Свирепей дружбы в мире нет любви». В текстах указанных произведений дружба видится как одно из самых таинственных и глубоко духовных чувств, граничащее с любовью, поэтому, говоря о друзьях, поэтесса часто использует слово «люблю»: «Люблю, что живу, / что сиденье на ветхом диване / гостей неизбывных его / обрекло на разруху. / Люблю всех, кто жив. / Только не расставайтесь давайте, сквозь слезы смотреть / и низжайше дивиться друг другу» («За что мне все это»). Лирическая героиня Беллы Ахмадулиной убеждена, что спасение от всех зол существует только в тесном союзе с друзьями, поэтому и не устает выражать свою любовь к ним: «А я люблю товарищей моих» («Мне нравится, что вы больны не мной»), «Сегодня, став взрослее и трезвей, хочу обедать посреди друзей – лишь их привет мне сладок и угоден» («Я думаю: как я была глупа»).

3. Чувство постоянной заботы, сильная склонность к детям. Еще одна составляющая предметно-понятийного слоя концепта «ЛЮБОВЬ», занимающая особое место в творчестве поэтессы, выражается в материнской любви. В этом убеждают строки, посвященные детям. В них мы слышим и боль от потери ребенка («Жестокость промаха... О, нет / тебе прощенья. Живо тело / и бродит, видит белый свет, / но тело мое опустело») и нежность, счастье («Тем временем, для радости гостей, / творилось что-то новое, родное: / в гостиную впускали кружевное, / серебряное облако детей»),

и чувство вины («И повторяют вслед за мною, / и причитают все моря: / о ты, дитя мое родное, / о бедное, прости меня!»).

Младшая дочь Беллы Ахмадулиной Елизавета Кулиева подчеркивала: «В маме жила установка, что материнство важнее всего на свете. Она корила себя за то, что обделяет нас вниманием»¹. Белла Ахмадулина считала, что дети – это источник радости и счастья. Ее любовь к детям красноречиво представлена в стихотворении, посвященном ее старшей дочери Анне «Сперва дитя явилось из потемок Небытия», где поэтессой с теплотой описывается жизнь семьи, наполненная весельем и любовью: «Останься с нами, кто-нибудь вошедший! / Ты сам увидишь, как по вечерам / Мы возжигаем наш фонарь волшебный. / О, смех! О, лай, о, скрип, о, тарарам...». Сама Ахмадулина называла свою материнскую любовь «кроткой». И ее любовь к детям действительно была спокойной и тихой, но в то же время сильной: «Храни меня, прищур неумолимый, в сохранности от всех благополучий, но обойди твоей опекой жгучей двух девочек, замаранных малиной» («Молитва»).

Таким образом, материнская любовь в творчестве Беллы Ахмадулиной проявляется как сильное и тихое чувство матери-хранительницы.

4. Чувство тяготения к чему-либо, увлечённости самоотверженности. Существенной составляющей концепта «ЛЮБОВЬ» в поэзии Беллы Ахмадулиной является любовь к талантам: от Пушкина до поэтов-современников, и любовь к творчеству. На одном творческом вечере, отвечая на вопрос о ее знакомстве с Владимиром Высоцким и о его трепетном к ней отношении, Белла Ахатовна ответила: «Это все моя любовь к талантам других людей». Она действительно с любовью относится к талантливым людям как прошлого, так и настоящего, о чем не раз говорит в своих творениях, посвященных Александру Пушкину («Отрывок из маленькой поэмы о Пушкине»), поэмах «Приключение в антикварном магазине» и «Дачный роман», прозе «Миг его зрения», «Встреча», «Вечное присутствие», «Пушкин. Лермонтов», «Чудная вечность», «Слово о Пушкине»), Марине Цветаевой («Четверть века, Марина, тому..»), Анне Ахматовой («...Дорога, не скажу

¹ Белла Ахмадулина. Библиографический ресурс «Чтобы помнили». Электронный ресурс. – URL: <http://chtoby-pomni.ru.com/page.php?id=1147> (дата обращения: 21.02.2023).

куда..», «Я завидую ей, молодой..», «Снимок»), Осипу Мандельштаму («В том времени...», «Я завидую ей – молодой...»), Андрею Вознесенскому («Когда моих товарищей корят...»), Владимиру Высоцкому («Эта смерть не моя есть ущерб и зачет...», «Все чаще голос твой...»), Борису Пастернаку («Памяти Бориса Пастернака», «Рассвет»), Булату Окуджаве («Песенка для Булата», «Шуточное послание к другу»), Павлу Антокольскому («Павлу Антокольскому») и др.

Обсуждение и выводы

В указанных произведениях, размышляя о жизненном пути великих людей, художественном воссоздании их облика, речи, лирический герой Беллы Ахмадулиной пытается осмыслить, в чем кроется загадка их творчества и пророческого смысла талантливое слово.

Любовь как восхищение творчеством проявляется и в созданных Беллой Ахмадулиной прекрасных переводах с английского, французского, польского, итальянского, чешского, грузинского, армянского, сербохорватского и других языков. Это поэзия Михаила Квицидзе, Яна Неруды, Ираклия Абашидзе, Сильвы Капутикян, Кайсына Кулиева, Анны Каландадзе, Отара Чиладзе и других.

Репрезентация концепта «ЛЮБОВЬ» в творчестве Беллы Ахмадулиной будет неполной без учета ее отношения к процессу творения. Поскольку творчество для поэтессы есть способ выражения своей любви к миру, то и сам процесс невозможен без любви и восхищения тем, что делаешь. Такое осмысление творчества прослеживается в следующих стихотворениях: «Лунатики» «Стихи о замечательных людях», «Новая тетрадь», «Ночь», «Ночь перед выступлением», «Пришла. Стоит...», «Так, значит, как вы делаете, други?», «Что за мгновенье...», «Теперь о тех...» и др. Сила этой любви звучит в словах: *«Что за мгновенье! Родное дитя / дальше от сердца, чем этот обычай – / красться к столу сквозь чащобу житья, / зренье возжечь и следить за добычей»* («Что за мгновенье! Родное дитя»), – они дают понять, страсть поэтессы к искусству превышает любовь к окружающим, даже к ее семье.

Таким образом, творчество Беллы Ахмадулиной тесно связано с любовью. Предметно-понятийное содержание концеп-

та «ЛЮБОВЬ» в творчестве Ахмадулиной неразрывно связана с культурно-национальной концептосферой и отражает чувство преданности родным людям, соотечественникам, восхищение окружающим миром, преклонение перед творчеством, талантом других людей, верность идеям, мечтам и самому себе, своему духовному миру.

Список литературы

1. Ахмадулина Б. Избранное: Стихи. – М.: Советский писатель, 1988. – 480 с.
2. Васильева Т. И. Литературоведческий подход к изучению художественного концепта // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2012. – № 7 (19): в 2 ч. – Ч. 1. – С. 51–54.
3. Воркачев С. Г. Лингвоконцептология и межкультурная коммуникация: истоки и цели // Филологические науки. – 2005. – № 4. – С. 76–83.
4. Маслова Ж. Н. Валентная модель художественного (поэтического) концепта // Вестник ТГПУ. – 2011. – № 9. – С. 84–87.
5. Лозинская Е. В. Литература как мышление: когнитивное литературоведение на рубеже XX–XXI веков. – М.: ИНИОН РАН, 2007. 158 с.
6. Тарасова И. А. Художественный концепт: диалог лингвистики и литературоведения // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2010. – № 4 (2). – С. 742–745.

Irina N. Kovtun

The Object-conceptual Component of the Concept of 'LOVE' in the Poetry of Bella Akhmadulina

The work is devoted to the study of one of the problems of modern philological science: the study of concepts in artistic text. The author considers the concept as a multidimensional linguoamental formation that has a complex structure and multilayered meaning, analyzes the key characteristics of the concept of "LOVE" in the poetry of Bella Akhmadulina. The main attention is dedicated to the linguistic and subject-conceptual components of the concept of "LOVE" in the work of Bella Akhmadulina.

Key words: concept, artistic text, structure of the concept, linguistic component, subject and conceptual component.

For citation: Kovtun, I. N. (2023) Predmetno-ponyatijnyj komponent koncepta «LYUBOV» v poezii Belly Ahmadulinov [The object-conceptual component of the concept of 'LOVE' in the poetry of Bella Akhmadulina]. *Art Logos – The Art of Word*. No. 2. Pp. 152–161. (In Russian). DOI 10.35231/25419803_2023_2_152

References

1. Ahmadulina, B. (1988) *Izbrannoe: Stihi* [Selected: Poems]. Moscow: Sovetskij pisatel' Publ. (In Russian).
2. Vasil'eva, T. I. (2012) *Literaturovedcheskij podhod k izucheniyu hudozhestvennogo koncepta* [Literary approach to the study of the artistic concept] *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* – *Philological Sciences. Questions of theory and practice*. No. 7 (19). Part 1. Pp. 51–54. (In Russian).
3. Vorkachev, S. G. (2005) *Linguokonceptologiya i mezhkul'turnaya kommunikaciya: istoki i celi* [Linguoconceptology and intercultural communication: origins and goals] *Filologicheskie nauki – Philological sciences*. No. 4. Pp. 76–83. (In Russian).
4. Maslova, Zh. N. (2011) *Valentnaya model' hudozhestvennogo (poeticheskogo) koncepta* [Valence model of artistic (poetic) concept] *Vestnik TGPU – Bulletin TSPU*. No. 9. Pp. 84–87. (In Russian).
5. Lozinskaya, E. V. (2007) *Literatura kak myshlenie: kognitivnoe literaturovedenie na rubezhe XX–XXI vekov* [Literature as thinking: cognitive literary criticism at the turn of the XX–XXI centuries]. Moscow: INION RAN Publ. (In Russian).
6. Tarasova, I. A. (2010) *Hudozhestvennyj koncept: dialog lingvistiki i literaturovedeniya* [Artistic concept: dialogue of linguistics and literary criticism] *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo – Bulletin of the Nizhny Novgorod University N. I. Lobachevsky*. No. 4 (2). Pp. 742–745. (In Russian).

дата получения: 19.02.2023 г.
дата принятия: 05.03.2023 г.
дата публикации: 30.06.2023 г.

date of receiving: 19 February 2023
date of acceptance: 05 March 2023
date of publication: 30 June 2023

Л. Б. Кацюба

Образовательный потенциал системы WhatsApp при обучении русскому языку как иностранному

В статье рассматривается система мгновенного обмена текстовыми сообщениями WhatsApp как современное дополнительное средство электронного обучения. Цель исследования состоит в анализе возможностей применения системы WhatsApp при обучении русскому языку как иностранному и определении значимости данной системы для формирования и развития у иностранных студентов коммуникативной компетентности. Методологическую основу исследования составили анализ современных информационно-коммуникационных технологий, применяемых в образовательном процессе; анализ научно-методической литературы по теме и обобщение опыта коллег, работающих в электронной среде. Эмпирическая база исследования эффективности применения WhatsApp в образовательном процессе создавалась нами на протяжении 6 лет. В исследовании приняли участие 72 человека – это иностранные слушатели факультета русского языка и общеобразовательных дисциплин Российского университета дружбы народов, будущие студенты-медики, ординаторы и аспиранты медико-биологического профиля. В статье представлен анализ функциональной составляющей приложения WhatsApp в учебном процессе и продуктивности учебной деятельности с применением WhatsApp. По результатам наблюдения и практической деятельности дано обоснование целесообразности данного мессенджера и определен этап его введения в учебный процесс; ограничен объем работы, связанной с использованием системы WhatsApp в учебном процессе; проведено наполнение учебной группы WhatsApp лингводидактическим материалом; определена система заданий, направленных на успешное внедрение приложения WhatsApp в учебный процесс. Обобщен лингводидактический потенциал системы WhatsApp при обучении русскому языку как иностранному на этапе предвузовской подготовки, определено место приложения в традиционной обучающей среде, обоснованы преимущества использования WhatsApp как дополнительного средства электронного обучения.

Ключевые слова: русский язык как иностранный; электронное обучение; WhatsApp в образовательном процессе.

Для цитирования: Кацюба Л. Б. Образовательный потенциал системы WhatsApp при обучении русскому языку как иностранному // Art Logos (искусство слова). – 2023. – № 2. – С. 162–177. DOI 10.35231/25419803_2023_2_162

В настоящее время в образовательной среде актуальными являются электронные средства, которые широко используются в обучении иностранным языкам, в частности, русскому языку как иностранному. По мнению Г. Драйдена и Д. Вос [8], мы все живем во времена новой революции в об-

учении, которая формирует обучающееся общество 21-го века и учит эффективно учиться и думать, как стать самостоятельным активным менеджером своего будущего с помощью в том числе новейших компьютерных технологий. Трудно в целом не согласиться с авторами бестселлера «Революция в обучении: научить мир учиться по-новому» в том, что революция в образовании неизбежна, и она уже идет полным ходом. Однако, как справедливо указывал А. Д. Гарцов, «изменение парадигмы в обучении имеет ряд противоречий. С одной стороны, революционные изменения средств и видов коммуникации коренным образом меняют образ мышления, стиль жизни, общения, коммуникативного поведения, способы достижения благосостояния человека; с другой, и это общепризнанный факт, только один человек из пяти знает, как практически использовать непривычно огромные информационные массивы, объем которых непрерывно растет» [5, с. 116].

Электронные средства обучения безусловно обладают высоким образовательным потенциалом. Под образовательным потенциалом мы имеем в виду способность любой системы помогать преподавателю русского языка как иностранного в ходе процесса обучения реализовывать образовательную функцию: обучать иностранных учащихся владению русским языком, а, значит, формировать коммуникативную компетенцию учащихся, закладывать основы русской грамматики, формировать основы русской культуры с учетом национального социокультурного опыта учащихся, знакомить с базовыми ценностями русской культуры в кросс-культурном аспекте, способствовать формированию лидерских качеств. (Отдельно вспомним серьезные теоретические работы по формированию коммуникативной компетенции и разработке ее содержания таких авторов, как Васильева Т. В., Левина Г. М., Ускова О. А. [4]; Клобукова Л. П., Нестерская Л. А. [12]; Ларина Т. В. [13], Румянцева Н. М. [18]).

Говоря о проблеме содержания образования в контексте образовательного потенциала, приведем получившую одобрение участников международного круглого стола образовательную модель Майкла Барбера, которая выражена своеобразной формулой: «Хорошее образование = Э (З + М + Л)», где «буква «З» обозначает знание, «М» – мышление, «Л» – лидерство (лидер-

ские навыки и установки относительно себя и других), а «Э» символизирует этические основания. Модель Барбера обогащает традиционный подход с акцентом на знаниях и критическом мышлении, включая в формулу лидерство, необходимое для того, чтобы идеи реализовывались, и этические принципы, гарантирующие, что влияние будет осуществляться на благо общества. «Можно ожидать, что в будущем именно такой – более целостный – набор навыков и характеристик окажется востребованным» [3, с. 8]. В целом новая концептуальная образовательная модель М. Барбера коррелирует с моделью современного российского образования.

Возвращаясь к теме электронных средств обучения, отметим, что сегодня эта тема получила новое развитие в современной образовательной практике и, как следствие, отразилась в научных публикациях об электронном обучении и применении информационно-коммуникационных технологий в образовании (см.: [7; 20; 26; 27]) и, в частности, в процессе изучения иностранных языков (см. работы [2; 10; 23; 24]. Как указывает один из исследователей, «в современном мире информационных и образовательных технологий на первый план вышли такие качества, как динамичность развития инструментальных средств (визуальных редакторов) и оперативность управления электронными обучающими ресурсами педагогом. В дальнейшем значение этих качеств будет только возрастать» [6, с. 8].

Материалы и методы

В своей работе мы рассматриваем популярную систему мгновенного обмена текстовыми сообщениями WhatsApp как современное дополнительное средство электронного обучения, обладающее определенным образовательным потенциалом. Как показал анализ теоретического материала, тема WhatsApp в сопряжении с процессом обучения иностранным языкам отражена в практике некоторых российских специалистов по русскому языку как иностранному и немногих научных работах [9; 24].

В работе использовались общелогические методы и приемы исследования. Были проведены: анализ современных информационно-коммуникационных технологий, применяемых

в образовательном процессе; анализ научной и методической литературы по теме; научно фиксируемое наблюдение за учебным процессом. Обобщен опыт преподавания коллег, работающих в сфере информационно-коммуникационных технологий.

В качестве дополнительного специального метода использовался субъективный слуховой анализ звучащей речи, с помощью которого исследовалось иноязычное произношение и интонации.

Эмпирическая база исследования эффективности применения WhatsApp в образовательном процессе создавалась нами на протяжении 6 лет, с конца 2016 года по 2022 год включительно. В экспериментальной работе с применением системы WhatsApp приняли участие 72 человека (7 групп) – это иностранные слушатели факультета русского языка и общеобразовательных дисциплин (подготовительного факультета) Российского университета дружбы народов, будущие студенты-медики, ординаторы и аспиранты медико-биологического профиля.

Результаты

Как известно, WhatsApp – это бесплатная система для мобильных устройств с поддержкой голосовой и видеосвязи. Она автоматически синхронизирует список контактов с телефонной книгой телефона, что стало возможным благодаря регистрации пользователей по своему телефонному номеру. Таким образом, преподаватель, имея номера телефонов учащихся, легко может создать учебную (рабочую) группу в WhatsApp, соответствующую студенческой (ординаторской) академической группе уже на первых занятиях по русскому как иностранному, возглавив ее в качестве администратора.

Как показала практика преподавательской деятельности последних шести лет, учебную группу в WhatsApp целесообразно создавать с первых занятий даже не наполненной группы. Группе в WhatsApp присваивается индекс, идентичный формально академическому, и она начинает реализовывать дидактическую функцию уже с первого дня учебы студентов.

Рассмотрим функционирование таких групп на примере реально созданных с 2016 года академических групп студентов, ординаторов, аспирантов медико-биологического

профиля, обучающихся в Российском университете дружбы народов, которые изучали русский язык как иностранный на факультете русского языка и общеобразовательных дисциплин в течение восьми месяцев. Это группы: МЛ-31а (слушатели – студенты-медики; открытие группы 10 ноября 2016 года); МЛ-03а (слушатели – ординаторы и аспиранты биологического профиля; открытие группы 15 октября 2018 года).

На иллюстративном материале (см. рис. 1–2) мы можем видеть важную информацию аккаунта группы, представленную в WhatsApp: время создания группы МЛ-03а, администратора-преподавателя, количество участников и др. Как видно на рис. 2, автор впервые предпринял попытку создания виртуальной группы в WhatsApp через два дня после образования академической группы.

Большой выбор мультимедийных сообщений (графические изображения (фотоматериалы), аудиофайлы и видеозаписи), которые могут передаваться и транслироваться посредством WhatsApp одновременно всем участникам группы (на связи может быть более двухсот человек), безусловно расширяет возможности традиционной обучающей среды.

Так, в процессе занятия преподаватель может накапливать фотоматериалы по объяснению новой темы (грамматические таблицы, правила и т.п., графически зафиксированные на доске в аудитории), материалы по работе с новой лексикой, которые после урока отправляются в «методическую копилку» группы WhatsApp, что позволяет слушателям тщательно повторить и проработать сложные моменты занятия дома. В дополнение к оригинальным материалам преподавателя могут служить картинки, видео, тексты, слайды и т.п., заимствованные на разных обучающих платформах, почерпнутые из лингводидактических ресурсов интернета.

Оригинальные и заимствованные аудиоматериалы (произнесенные фонетические упражнения, записи звуков и фраз, позднее, текстов) преподаватель размещает в группе WhatsApp на протяжении всего курса обучения, что позволяет слушателям эффективно самостоятельно работать над фонетикой, а также осуществлять подготовку к тестированию по начальному и базовому уровням, формируя основные коммуникативные навыки в социально-бытовой и социально-культурной сферах общения.

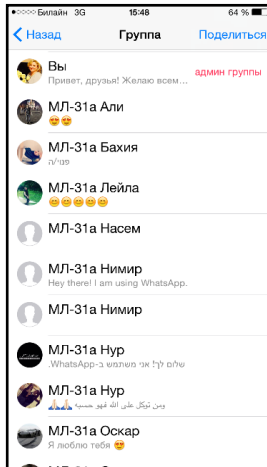


Рис. 1. Администратор и участники

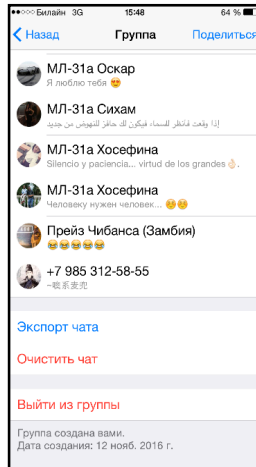


Рис. 2. Время создания группы

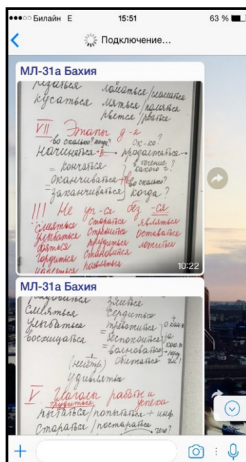
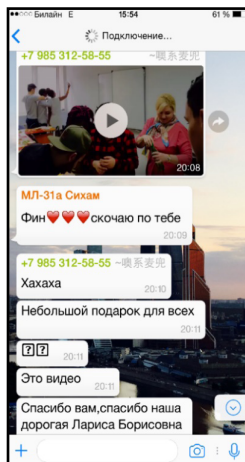
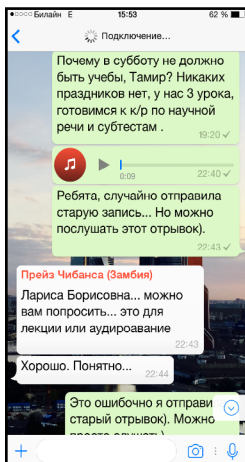


Рис. 3–5. Реализация накопительной функции

Возможность системы WhatsApp сохранять и накапливать текстовые материалы, фото-, видео- и аудиоинформацию реализует накопительную или консервативную функцию (см. рис. 3–5).

WhatsApp как современная форма коммуникации вносит коррективы и в традиционную воспитательную деятельность преподавателя, в тех случаях, когда, например, после проведенных уроков-экскурсий WhatsApp продолжает служить полем общения, выполняя функции Форума: учащиеся активно обмениваются мнениями о проведенном мероприятии, фотографиями, короткими видео.

Работа с накопленным посредством WhatsApp материалом не исчерпывается лишь мгновенным ознакомлением и просмотром чата. Важные сообщения с изображением пройденных тем и т.д. преподаватель выделяет специальными пометками, помещая информацию в Избранное, чтобы в конце темы, «поделившись» помеченными сообщениями, «напомнить» учащимся о сложном сохраненном материале или ознакомить с этим материалом вновь прибывших в группу студентов. Таким образом выделительная функция WhatsApp помогает учащимся повторить, закрепить, а некоторым – узнать новую для них информацию.

Студенты, желающие перенести для удобства изучения учебную информацию группы (задания, таблицы, схемы и т.п.) на компьютер, без труда могут сделать это с помощью не требующей установки и регистрации веб-версии, которая реализована на сайте web.whatsapp.com. Переслать материалы чата (переписку с файлами или только текст) на почту можно, выбрав позицию «Экспорт чата». Данную возможность WhatsApp реализует как функцию сцепления, соединения, объединяющую разные программы (см. рис. 6).

Поисковая функция WhatsApp (см. рис. 7) позволяет быстро найти нужную тему в «речевом» потоке чата, которая давно «уплыла» наверх. Эта функция особенно важна при повторении темы, при объяснении нового материала с опорой на пройденный, наконец, при контроле усвоения знаний и обнаружении, что у некоторых учащихся не выполнено домашнее задание, причиной чего послужили незнание и отсутствие информации.

Необходимо подчеркнуть, что среди множества специализированных функций WhatsApp (некоторые профессионалы выделяют до тридцати и более) мы обозначили лишь несколько функций системы, активно реализующихся в образовательном контексте, не претендуя на закрепление понятий.

Безусловно, коммуникативно-информативная функция WhatsApp и ее закономерное продолжение – обменная функция – остаются в фундаменте создания данной системы.

Благодаря перечисленным свойствам и функциям система WhatsApp может успешно использоваться в учебном процессе как дополнительное средство электронного обучения русскому языку как иностранному, начиная с этапа предвузовской подготовки. Говоря «дополнительное», мы указываем на то, что в настоящее время процесс обучения на кафедре русского языка № 2 факультета русского языка и общеобразовательных дисциплин Российского университета дружбы народов, на базе

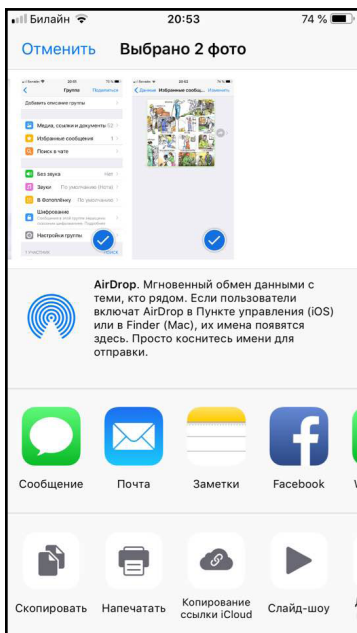


Рис. 6. Реализация функции сцепления



Рис. 7. Реализация поисковой функции

которой проводилось исследование, выстраивается согласно концепции так называемого комбинированного, или смешанного, обучения. О преимуществах модели интегрированной учебной среды говорят российские и зарубежные специалисты [16; 19; 21; 22; 25]. Напомним, что понятие смешанного обучения включает в себя такую образовательную технологию, которая характеризуется объединением онлайн-обучения с традиционным обучением, проводимым аудиторно с участием и под руководством преподавателя. При этом, как отмечали М. Барбер и М. Муршед, необходимо помнить о «встраивании ИКТ в ежедневное обучение, а не создание отдельных курсов компьютерных знаний» [3, с. 31]. Особенно важным в смешанном обучении является взаимосвязанность аудиторной работы с онлайн-модулями, которая призвана сделать учебный процесс целостным, эффективным, комфортным, ориентированным на учащихся.

Отметим, что на кафедре, где обучались студенты, ординаторы и аспиранты перечисленных групп, есть место традиционным средствам обучения: учебники, учебные пособия, рабочие тетради и информационно-коммуникативным технологиям: система ТУИС – веб-приложение на основе Moodle, с помощью которого создаются электронные обучающие курсы; MOOK; компьютерные программы, социальные сети, WhatsApp, Telegram и другие мессенджеры.

Подытоживая шестилетнюю работу в группах (студенческих, ординаторских и аспирантских) с применением системы WhatsApp, мы можем говорить о некоторых преимуществах и недостатках использования данного средства связи в лингводидактическом аспекте.

К положительным моментам можно отнести следующие.

Во-первых, это быстрое накопление и воспроизведение нужной учебной информации: таблицы, файлы, звуко-видеоматериалы. С первого занятия в группе, начинающей изучение русского языка как иностранного «с нуля», полноценно используется весь объем технических свойств мессенджера WhatsApp: записывается первый видеодialog «Знакомство», производятся фото новых букв и слов, записанных на доске, в том числе «раскадровки» их написания, отправляются в группу WhatsApp звуковые файлы с записью произнесенных

преподавателем звуков, слов и фраз. Все эти первоначальные действия преподавателя способствуют оптимизации приема, фиксирования, осмысления, переработки, повторения учебной информации на русском языке, в том числе и для самостоятельной работы дома.

Во-вторых, к преимуществам использования данного мессенджера мы относим вовлеченность студентов в учебный процесс.

Несмотря на небольшое общее количество участников чата – 6–14 человек (в зависимости от наполняемости группы), обсуждение вопросов по мере овладения русским языком становится все более живым и непринужденным, а количество написанных студентами «только по-русски» реплик в чате постепенно возрастает. И если в первый месяц использования группы WhatsApp в чате преобладают реплики преподавателя – студенты пользуются системой смайликов, сопровождая их первыми словами и фразами типа «здравствуйте», «привет», «спасибо», «до свидания», то впоследствии чаты часто ведут сами студенты, иницилируя полилоги и дискуссии.

Обсуждение и выводы

Наше практическое наблюдение соотносится с выводами исследователей-практиков о взаимосвязи использования в образовательном процессе мультимедийных технологий со студенческой вовлеченностью. Одна из авторов, разрабатывающих данную концепцию, говорит о том, что на основе полученных результатов исследования «можно предположить, что чем выше распространенность использования технологий в учебном процессе, тем сильнее вовлеченность студентов во взаимодействие с преподавателями и их кооперация между собой для достижения образовательных целей» [14, с. 71]. Согласимся с мнением автора и в том, что «активность и эффективность внедрения новых технологий в преподавание обусловлена, в частности, убежденностью преподавателя в том, что эти технологии имеют образовательную ценность и способствуют улучшению результатов обучения» [14, с. 74]. Здесь уместно также привести утверждение о том, что в настоящее время «в системе образования нет больше пассивных реципиентов, студент теперь – это все более разносторонний

учащийся во все более многообразной и динамичной среде, он вкладывает в обучение много ресурсов и ждет существенных результатов в разных областях жизни» [11, с. 17].

Тезис о студенческой вовлеченности переходит в разговор о следующем преимуществе WhatsApp – стимулировании проявления лидерских качеств – неотъемлемом атрибуте востребованной личности, «способной осуществлять социально-значимую деятельность» [15, с. 78]. В течение всего учебного периода студенты по-разному проявляют свои способности: кто-то выкладывает фото- и видеоматериалы о проведенных с группой экскурсиях, кто-то дублирует преподавателя в административной работе, напоминая о собраниях, кто-то ищет дополнительный материал, располагая его в чате и т.п. Каждый может побыть лидером при несомненно выделяющемся лидере группы.

Кроме перечисленных к бесспорным положительным сторонам использования WhatsApp относятся: ответственность за себя и оптимизацию своего процесса обучения; совместная групповая деятельность (поздравления с днем рождения, тематические праздники, помощь в выполнении домашнего задания и т.п.), которая способствует формированию коллектива и его сплочению, что впоследствии приводит к обретению настоящей дружбы; доверительные отношения с преподавателем, которые проявляются в частной переписке, связанной с учебными, а иногда и личными проблемами.

Как видно из приведенных фактов, положительных сторон использования системы WhatsApp в интерактивной работе немало. Однако картина будет неполной, если не сказать и об отрицательной стороне вопроса. Главным минусом, который существует в реализации образовательной функции мессенджера, по нашему мнению, является отсутствие инструмента контроля знаний. Система прекрасно работает в качестве дополнительного средства, но заменить весь учебный процесс с ее помощью нельзя. Мы попытались убрать функциональный пробел данного мессенджера по контролю знаний через использование аудиовозможностей WhatsApp – ввели проверку устного воспроизведения. На начальном этапе – это контроль за произнесением формирующих артикуляционную базу упражнений, позднее – проверка чтения и пересказа текстов,

заготовленных дома «топиков» на темы «Я изучаю русский язык», «Моя страна», «Наш университет», «Наша группа» и т.д.

К трудностям использования данной системы можно отнести также неготовность преподавателя к применению данного типа информационно-коммуникационной технологии в образовательной деятельности. Одним из факторов «инновационной готовности» или неготовности, исследователи называют влияние социально-психологического климата на создание инновационной среды в педагогическом коллективе (см. об этом подробнее: [1]).

В завершение можно с уверенностью сказать, что использование популярной системы мгновенного обмена текстовыми сообщениями WhatsApp на этапе предвузовской подготовки (I сертификационный уровень владения русским языком как иностранным) явилось эффективным дополнительным средством, которое значительно облегчает прием, фиксирование, осмысление, переработку учебной информации на иностранном языке; вовлекает студента в учебный процесс и актуализирует ряд других положительных качеств в реализации образовательной функции.

WhatsApp сегодня – это не только средство общения и взаимодействия между людьми, но и современное средство обучения в формате легкодоступной бесплатной информационно-коммуникационной площадки, хорошо знакомой международному сообществу.

Список литературы

1. Авакян И. Б., Виноградова Г. А. Факторный анализ развития инновационной готовности преподавателей вуза // Science for Education Today. – 2019. – Т. 9. – № 1. – С. 43–56. DOI: 10.15293/2658-6762.1901.03
2. Бальхина Т. М., Гарцов А. Д. Русский язык в сети как лингводидактический путь его глобализации // Мир русского слова. – 2010. – № 2. – С. 90–94.
3. Барбер М., Муршед М. Создавая будущее: как хорошие образовательные системы могут стать еще более эффективными в следующем десятилетии // Вопросы образования. – 2010. – № 3. – С. 6–31.
4. Васильева Т. В., Левина Г. А., Ускова О. А. Еще раз о коммуникативной компетенции: возвращение к истокам // Русский язык за рубежом. – 2012. – № 4. – С. 17–23.
5. Гарцов А. Д. Международный образовательный потенциал электронной дидактики // Вестник РУДН. Серия «Вопросы образования: языки и специальность». – 2009. – № 4. – С. 116–123.
6. Гарцов А. Д. Русский язык в инфокоммуникационном пространстве // Вестник РУДН. Серия «Вопросы образования: языки и специальность». – 2008. – № 4. – С. 5–9.

7. Джанелли М. Электронное обучение в теории, практике и исследованиях // Вопросы образования. – 2018. – № 4. – С. 81–98. DOI: 10.17323/1814-9545-2018-4-81-98
8. Драйден Г., Вос Д. Революция в обучении: научить мир учиться по-новому. – М., 2003. – 671 с.
9. Зонова М. В., Николаева Н. А. Применение мессенджера WhatsApp при организации самостоятельной работы студентов по иностранному языку // Актуальные проблемы германистики и методики преподавания иностранных языков. – Саранск, 2018. – С. 227–231.
10. Кацуба Л. Б., Гуляева Н. А., Сидорова И. Н. Фразеология в контексте ИКТ (на материале занятий по русскому языку как иностранному) // European Social Science Journal (Европейский журнал социальных наук). – 2016. – № 2. – С. 397–401.
11. Келли П., Коутс Х., Нейлор Р. Онлайн-образование: путь от участия к успеху // Вопросы образования. – 2016. – № 3. – С. 34–58. DOI: 10.17323/1814-9545-2016-3-34-58
12. Клобукова Л. П., Нестерская Л. А., Норейко Л. Н. Лингводидактические проблемы формирования языковой компетенции иностранных учащихся в сфере экономики и бизнеса // Русский язык на перекрестке эпох: традиции и инновации в русистике. – Ереван, 2019. – С. 235–240.
13. Ларина Т. В. Формирование межкультурной коммуникативной компетенции через обучение национальному стилю коммуникации // Вестник РУДН. Серия «Русский и иностранные языки и методика их преподавания». – 2009. – № 4. – С. 64–73.
14. Малошонок Н. Г. Взаимосвязь использования Интернета и мультимедийных технологий в образовательном процессе со студенческой вовлеченностью // Вопросы образования. – 2016. – № 4. – С. 59–83. DOI: 10.17323/1814-9545-2016-4-59-83
15. Пасовец Ю. М., Беспалов Д. В. Отношение социально-активной молодежи к лидерству // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. – 2018. – Т. 8. – № 2. – С. 77–101. DOI: 10.15293/2226-3365.1802.05
16. Просвиркина И. И., Садретдинова Т. А., Яхно М. Д., Фролова А. М. Использование моделей смешанного обучения при обучении говорению // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 12 (78). – С. 202–205.
17. Резникова А. В., Внуковская А. В. К вопросу о возможности использования мессенджера «WhatsApp» как дидактической платформы и средства психологической адаптации иностранных слушателей при обучении русскому языку как иностранному // Вестник Уфимского юридического института МВД России. – 2019. – № 4 (86). – С. 183–187.
18. Румянцева Н. М., Юрова Ю. В. Использование традиционных и современных технических средств обучения в процессе формирования коммуникативной компетенции учащихся (довузовский этап обучения) // Вестник РУДН. Серия «Вопросы образования: языки и специальность». – 2007. – № 4. – С. 133–139.
19. Фомина А. С. Смешанное обучение в вузе: институциональный, организационно-технологический и педагогический аспекты // Теория и практика общественного развития. – 2014. – № 21. – С. 272–279.
20. Хромов С. С., Каменева Н. А. Современный подход к формированию и развитию цифровой грамотности в образовании // Открытое образование. – 2016. – Т. 20, № 1. – С. 60–65. DOI: 10.21686/1818-4243-2016-1-60-65
21. Alammary A., Sheard J., Carbone A. Blended learning in higher education: Three different design approaches // Australasian Journal of Educational Technology. – 2014. – Vol. 30 (4). – P. 440–454. DOI: 10.14742/ajet.693
22. Horn M. B., Staker H. Blended: Using Disruptive Innovation to Improve Schools. – San Francisco, CA 94104–4594, Published by Jossey-Bass, 2015. – 336 p.
23. Ismailova Kh. E., Arzumanova R. A., Katsyuba L. B., Pshenichnikova A. Y. Methodological foundations of teaching vocabulary to foreign students-nonphilologists by means of computer technologies (initial stage of training) // Revista ESPACIOS. – 2018. – Vol. 39. No 29. – P. 8.
24. Ismailova Kh. E., Bondareva O. V. Learning the vocabulary of Russian as a foreign language within the elementary level through Quizlet.com // XLinguae. – 2018. – Vol. 11. Issue 3. – P. 86–95. DOI: 10.18355/XL.2018.11.03.08
25. Kumar A. Blended Learning in Higher Education: A Comprehensive Study // Proceeding of International Conference on Business Mangement & Information Systems, 2012. – P. 6.

26. Kuzu Ö. H. Digital Transformation in Higher Education: A Case Study on Strategic Plans // Высшее образование в России. – 2020. – Т. 29. – № 3. – С. 9–23. DOI: 10.31992/0869-3617-2019-29-3-9-23

27. Penkov B. V. M-learning: curriculum and professional development // Инновационные технологии в современном образовании. – М., 2019. – С. 772–779.

Larisa B. Katsyuba

The Educational Potential of WhatsApp for Teaching Russian as a Foreign Language

The article discusses the cross-platform messaging service WhatsApp as an additional modern means of e-learning. The purpose of the research is to analyze the possibilities of using WhatsApp in teaching Russian as a foreign language and determine the significance of this service for the formation and development of international students' communicative competence. The methodological basis of the research is the analysis of modern information and communication technologies used in the educational process; analysis of scientific and methodological literature on the topic and generalization of experiences of colleagues working in the electronic environment. We have been creating an empirical base for studying the effectiveness of WhatsApp in the educational process for six years. The study involved 72 participants, including international students of the Faculty of Russian language and General Education Disciplines of The Peoples' Friendship University of Russia, future medical students, residents and postgraduate students in Biological sciences. The article presents an analysis of both of the functional component of the WhatsApp application in the educational process and the productivity of educational activities using WhatsApp. According to observations and practical activities' results, the rationale for the expediency of this messenger was given, and the stage of its introduction in the educational process was defined. A limited amount of work associated with the use of WhatsApp in the educational process was performed. The WhatsApp study group was given with lingua-didactic materials, and the system of tasks aimed at the successful implementation of the WhatsApp application in the educational process was defined. The article summarizes the linguistic and didactic potential of WhatsApp in teaching Russian as a foreign language at the stage of pre-University training, defines the application's place in the traditional learning environment, and substantiates the advantages of using WhatsApp as an additional e-learning tool.

Key words: an as a foreign language; e-learning; WhatsApp in the educational process.

For citation: Katsyuba, L. B. (2023) Obrazovatel'nyj potencial sistemy WhatsApp pri obuchenii russkomu yazyku kak inostrannomu [The educational potential of WhatsApp for teaching Russian as a foreign language]. *Art Logos – The Art of Word*. No. 2. Pp. 162–177. (In Russian). DOI 10.35231/25419803_2023_2_162

References

1. Avakyan, I. B., Vinogradova, G. A. (2019) Faktornyj analiz razvitiya innovacionnoj gotovnosti prepodavatelej vuza [Factor analysis of developing innovative readiness of academic staff] *Science for Education Today*. Vol. 9. No. 1. Pp. 43–56. DOI: 10.15293/2658-6762.1901.03 (In Russian).
2. Balykhina, T. M., Gartsov, A. D. (2010) Russkij yazyk v seti kak lingvodidakticheskij put' ego globalizacii [Russian in the Network as a Linguodidactic Way of Its Globalization] *Mir russkogo slova – World of the Russian Word*. No. 2. Pp. 90–94. (In Russian).
3. Barber, M., Murshed, M. (2010) Sozdavaya budushchee: kak horoshie obrazovatel'nye sistemy mogut stat' eshche bolee effektivnymi v sleduyushchem desyatiletii [Shaping the Future: How good education systems can become great in the Decade ahead] *Voprosy obrazovaniya – Educational Studies*. No. 3. Pp. 6–31. (In Russian).
4. Vasilieva, T. V., Lyovina, G. M., Uskova, O. A. (2012) Eshche raz o kommunikativnoj kompetencii: vozvrashchenie k istokam [Once more about Communicative competence: Communicative competence, levels of language command, acquisition strategies] *Russkij yazyk za rubezhom – Russian Language Abroad*. No. 4. Pp. 17–23. (In Russian).
5. Gartsov, A. D. (2009) Mezhdunarodnyj obrazovatel'nyj potencial elektronnoj didaktiki [International educational potential of electronic didactics] *Vestnik RUDN. Seriya «Voprosy obrazovaniya: yazyki i special'nost'» – Bulletin of RUDN University. Series: Problems of Education: Languages and Speciality*. No. 4. Pp. 116–122. (In Russian).
6. Gartsov, A. D. (2008) Russkij yazyk v infokommunikacionnom prostranstve [The Russian Language in the Conditions of the informational Society] *Vestnik RUDN. Seriya «Voprosy obrazovaniya: yazyki i special'nost'» – Bulletin of RUDN University, Series: Problems of Education: Languages and Speciality*. No. 4. Pp. 5–9. (In Russian).
7. Janelli, M. (2018) Elektronnoe obuchenie v teorii, praktike i issledovaniyah [E-learning in Theory, Practice, and Research] *Voprosy obrazovaniya – Educational Studies*. No. 4. Pp. 81–98. DOI: 10.17323/1814-9545-2018-4-81-98 (In Russian).
8. Dryden, G., Vos, J. (2003) *Revoljuciya v obuchenii: nauchit' mir učit'sya po-novomu* [The Learning Revolution: To change the way the world learns]. Moscow: Parvine Publ. (In Russian).
9. Zonova, M. V., Nikolaeva, N. A. (2018) *Primenenie messendzhera WhatsApp pri organizacii samostoyatel'noj raboty studentov po inostrannomu yazyku* [About the experience of using WhatsApp messenger in the process of students independent work] *Aktual'nye problemy germanistiki i metodiki prepodavaniya inostrannyh yazykov* [Actual problems of Germanic studies and methods of teaching foreign languages]. Saransk. Pp. 227–231. (In Russian).
10. Katsyuba, L. B., Gulyaeva, N. A., Sidorova, I. N. (2016) *Frazeologiya v kontekste IKT (na materiale zanyatij po russkomu yazyku kak inostrannomu)* [Phraseology in the Context of ICT (based on classes on Russian as a foreign language)] *Evropejskij zhurnal social'nyh nauk – European Social Science Journal*. No. 2. Pp. 397–401. (In Russian).
11. Kelly, P., Coates, H., Naylor, R. (2016) *Onlajn-obrazovanie: put' ot uchastiya k uspekhu* [Leading online education from participation to success] *Voprosy obrazovaniya – Educational Studies*. No. 3. Pp. 34–58. DOI: 10.17323/1814-9545-2016-3-34-58 (In Russian).
12. Klobukova, L. P., Nesterskaya, L. A., Noreiko, L. N. (2019) *Lingvodidakticheskie problemy formirovaniya yazykovoj kompetencii inostrannyh uchashchihsya v sfere ekonomiki i biznesa* [Linguistic and didactic problems of formation of foreign learners language competence in business and economics] *Russkij yazyk na perekryostke epoch: tradicii i innovacii v rusistike* [Russian language at the crossroads of Epochs: traditions and innovations in Rusistika]. Yerevan. Pp. 235–240. (In Russian).
13. Larina, T. V. (2009) *Formirovanie mezhkul'turnoj kommunikativnoj kompetencii cherez obuchenie nacional'nomu stilju kommunikacii* [Developing intercultural communicative competence through culture specific communicative style] *Vestnik RUDN. Seriya «Russkij i inostrannye yazyki i metodika ih prepodavaniya» – Bulletin of RUDN University, Series: Russian and Foreign Languages Research and Teaching*. No. 4. Pp. 64–73. (In Russian).
14. Maloshonok, N. G. (2016) *Vzaimosvyaz' ispol'zovaniya Interneta i mul'timedijnyh tekhnologij v obrazovatel'nom processe so studencheskoj vol'lechenost'yu* [How Using the Internet and Multimedia Technology in the Learning Process Correlates with Student Engagement]

Voprosy obrazovaniya – Educational Studies. No. 4. Pp. 59–83. DOI: 10.17323/1814-9545-2016-4-59-83 (In Russian).

15. Pasovets, Y. M., Bepalov, D. V. (2018) Otnoshenie social'no-aktivnoj molodezhi k liderstvu [The attitude of social active youth to leadership] *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Novosibirsk State Pedagogical University Bulletin*. Vol. 8. No. 2. Pp. 77–101. DOI: 10.15293/2226-3365.1802.05 (In Russian).

16. Prosvirkina, I. I., Sadretidinova, T. A., Yakhno, M. D., Frolova, A. M. (2017) Ispol'zovanie modelej smeshannogo obucheniya pri obuchenii govoreniyu [The use of mixed training patterns in teaching to speak] *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philology. Theory&Practice*. No. 12 (78). Pp. 202–205. (In Russian).

17. Reznikova, A. V., Vnukovskaya, A. V. (2019) K voprosu o vozmozhnosti ispol'zovaniya messendzhera «WhatsApp» kak didakticheskoy platformy i sredstva psihologicheskoy adaptatsii inostrannykh slushatelej pri obuchenii russkomu yazyku kak inostrannomu [To the issue of a possibility of «WhatsApp» messenger use as a didactic platform and a means of psychological adaptation of the foreign students within the Teaching Russian language as a Foreign] *Vestnik Ufimskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii – Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. No. 4 (86). Pp. 183–187. (In Russian).

18. Rumyantseva, N. M., Yurova, Yu. V. (2007) Ispol'zovanie traditsionnykh i sovremennykh tekhnicheskikh sredstv obucheniya v processe formirovaniya kommunikativnoj kompetentsii uchashchihsya (dovuzovskiy etap obucheniya) [The complex use of traditional and modern technical means of teaching in the process of forming communicative competence of foreign students] *Vestnik RUDN. Seriya «Voprosy obrazovaniya: yazyki i special'nost'» – Bulletin of RUDN University Journal, Series: Problems of Education: Languages and Speciality*. No. 4. Pp. 133–139. (In Russian).

19. Fomina, A. S. (2014) Smeshannoe obuchenie v vuze: institucional'nyy, organizacionno-tekhnologicheskij i pedagogicheskij aspekty [Blended learning in higher schools: institutional, organizational, technological and pedagogical aspects] *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya – Theory and Practice of Social Development*. No. 21. Pp. 272–279. (In Russian).

20. Khromov, S. S., Kameneva, N. A. (2016) Sovremennyy podhod k formirovaniyu i razvitiyu cifrovoy gramotnosti v obrazovanii [Modern approach to digital literacy development in education] *Otkrytoe obrazovanie – Open Education*. Vol. 20. No. 1. Pp. 60–65. (In Russian).

21. Alammary, A., Sheard, J., Carbone, A. (2014) Blended Learning in Higher Education: Three Different Design Approaches. *Australasian Journal of Educational Technology*. Vol. 30 (4). Pp. 440–454. DOI: 10.14742/ajet.693.

22. Horn, M. B., Staker, H. (2015) *Blended: Using Disruptive Innovation to Improve Schools*. San Francisco, CA 94104–4594, Jossey-Bass Publ.

23. Ismailova, Kh. E., Arzumanova, R. A., Katsyuba, L. B., Pshenichnikova, A. Y. (2018) Methodological foundations of teaching vocabulary to foreign students-nonphilologists by means of computer technologies (initial stage of training). *Revista ESPACIOS*. Vol. 39. No. 29. P. 8. (In Russian).

24. Ismailova, Kh. E., Bondareva, O. V. (2018) Learning the vocabulary of Russian as a foreign language within the elementary level through Quizlet.com. *XLinguae*. Vol. 11. Issue 3. Pp. 86–95. DOI: 10.18355/XL.2018.11.03.08.

25. Kumar, A. (2012) Blended Learning in Higher Education: A Comprehensive Study. *Proceeding of International Conference on Business Management & Information Systems*. P. 6. (In Russian).

26. Kuzu, Ö. H. (2020) Digital Transformation in Higher Education: A Case Study on Strategic Plans. *Higher Education in Russi*. Vol. 29. No. 3. Pp. 9–23. DOI: 10.31992/0869-3617-2019-29-3-9-23.

27. Penkov, B. V. (2019) M-learning: curriculum and professional development. *Innovation Technologies in Modern Education*. Moscow. Pp. 772–779. (In Russian).

дата получения: 25.03.2023 г.
дата принятия: 08.04.2023 г.
дата публикации: 30.06.2023 г.

date of receiving: 25 March 2023
date of acceptance: 08 April 2023
date of publication: 30 June 2023

У. И. Турко

Современные игровые технологии на уроках русского языка как иностранного: обзор лингводидактических практик

Использование инновационных технологий на уроках русского языка как иностранного — одно из условий организации современного образовательного процесса для эффективного усвоения лексико-грамматических знаний и развития коммуникативных способностей обучающихся. Проведение занятий в игровой форме, применение игровых упражнений на разных этапах урока является органичным и соответствующим реалиям современного информационного общества. Среди игровых технологий педагогами выделяются сторителлинг, хакатон, эдьютейнмент, настольные, коммуникативные, интерактивные игры и другие, которые реализуются благодаря методам ролевого взаимодействия, практико-ориентированного, проблемного и адаптивного обучения. Игровые технологии направлены на развитие речевых умений иностранных студентов и их творческой активности, поддерживают заинтересованность студентов, снижают информационную перегрузку и психологическое напряжение, способствуют запоминанию лексико-грамматического материала в занимательной форме.

Ключевые слова: игровые технологии, сторителлинг, хакатон, эдьютейнмент, настольные игры, коммуникативные игры, интерактивные игры, компьютерные игры, РКИ.

Для цитирования: Турко У. И. Современные игровые технологии на уроках русского языка как иностранного: обзор лингводидактических практик // Art Logos (искусство слова). – 2023. – № 2. – С. 178–191. DOI 10.35231/25419803_2023_2_178

Современное информационное общество предъявляет требования к организации образовательного процесса, в котором инновационные технологии способствуют формированию положительной мотивации и развитию познавательного интереса к изучению русского языка. Среди инновационных технологий, применяемых на уроках русского языка как иностранного (РКИ), уделяют внимание

технологиям проблемного обучения, уровневой дифференциации, информационно-коммуникативным, проектно-исследовательским, личностно ориентированным, игровым [4, с. 145], коммуникационным, технологиям индивидуализированного обучения, компьютерному тестированию, дистанционным образовательным технологиям, осваиваемым студентами в иноязычной среде самостоятельно [11, с. 241].

Концепция обучения РКИ основывается на коммуникативном подходе, позволяющем свободно выстраивать корректные речевые высказывания с учётом ролей коммуникантов и ситуации, в которой происходит общение. Для того чтобы наилучшим способом достичь образовательной цели, необходимо стремиться выполнять следующие условия: 1) учитывать социальные, культурные и психологические особенности учебного процесса; 2) создавать интерактивные учебные ситуации для активизации умственной деятельности студентов, поддерживать их интерес; 3) материал занятия должен соответствовать уровню подготовки иностранцев и быть направлен на развитие социокультурной грамотности для успешного решения коммуникативных задач сообразно ситуации; 4) балансировать традиционные и новые виды работ.

Материалы и методы

Материалом для анализа послужили статьи педагогов, посвящённые рассмотрению игровых технологий. Представляя нестандартную форму организации обучения, они привлекают внимание иностранных студентов, потому что помогают в непринуждённой обстановке при занимательной подаче материала реализовать учебную задачу.

Для обобщения передового лингводидактического опыта были использованы публикации в научной электронной библиотеке eLibrary.Ru¹. Поиск осуществлялся по основным словам: *игровая технология*, *игровые технологии*. Затем в полученных выборках были произведены повторные запросы, ключевыми словами которых были *РКИ*, *русский язык как иностранный*. Результаты поисковых обращений позволили получить 150 работ, посвящённых применению игровых тех-

¹ Научная электронная библиотека. Электронный ресурс. URL: <https://www.elibrary.ru/defaultx.asp> (дата обращения: 20.02.2023).

нологий на уроках РКИ. Проанализировав эти работы, мы пришли к выводу, что педагоги обратились к исследованию темы в 2014 г., так как в этом году фиксируется в eLibrary.Ru первая работа в этой области. Широкое использование игровых технологий приходится на 2020 г., так как с этого времени почти в 2 раза увеличилось количество статей, размещённых в электронной научной библиотеке (рис. 1). Что касается 2022 г., то не все работы по состоянию на февраль 2023 г. выложены на российский информационно-аналитический портал, поэтому не могут давать представление о публикационной активности за указанный отчётный период.



Рис. 1. Статистика публикационной активности

Все эти данные свидетельствуют о возрастающем интересе педагогов к теме использования игровых технологий на уроках РКИ.

В данной статье ставится цель – выявить современные игровые технологии, пользующиеся популярностью у преподавателей русского языка как иностранного, описать особенности их реализации.

Результаты

В результате анализа научно-методических разработок установлено следующее. Одной из современных игровых тех-

нологий обучения РКИ является эдьютейнмент. Английский термин *edutainment* представляет собой контаминацию начальной и конечной частей двух слов *education* 'образование' и *entertainment* 'развлечение'.

Специфика технологии, которая может быть реализована как с применением мультимедиа, так и без них, заключается в практико-ориентированном обучении, в ходе которого студенты участвуют в жизненных ситуациях, обогащают собственный опыт и учатся навыкам поведения. Изменяется система контроля: студентам предоставляется бóльшая свобода самовыражения, поощряется творческая работа. Отношения между педагогом и обучающимся выстраиваются не по вертикальной (учитель – ученик), а по горизонтальной линии, где студент выступает активным соучастником образовательного процесса получения знаний.

Положительный потенциал технологии эдьютейнмента состоит в обеспечении комфортных психологических условий на занятии, которые достигаются за счёт использования трёх компонентов: 1) дидактических средств обучения, 2) мультимедийного цифрового контента, 3) опосредованного контроля. Несмотря на преимущества технологии отмечаются и негативные стороны от применения эдьютейнмента, среди которых фиксируются финансовая затратность внедрения программного обеспечения, учебно-методической литературы, нереалистичность вводимого материала из-за развлекательного компонента [9, с. 234], автоматизм действий как крайнее средство донесения информации, когда другие действенные методы уже не работают [6, с. 109]. Таким образом, включая в работу игровые технологии, важно сохранить золотую середину, не подменять образование развлечением.

К средствам эдьютейнмента Н. Н. Самчик относит традиционные (видеофильмы, песни, дидактические игры, книги, комиксы) и современные, среди которых отмечаются компьютерные технологии (электронные интерактивные учебники, компьютерные игры, электронные тренажёры) и интернет-технологии (веб-квесты, блоги, чаты, видеоподкасты, аудиоподкасты, мультимедийные онлайн-курсы) [9, с. 235].

Преподаватели РКИ, реализующие эдьютейнмент, обращаются к региональному материалу, предлагают обучаю-

щимся интерактивные веб-приложения, например, «Прогулка по Владивостоку» [6, с. 110], которое может быть запущено и на мобильных устройствах. Электронный тренажёр содержит основные темы, которые связаны с перемещением по городу и касаются использования транспортных услуг, посещения примечательных мест культурного, образовательного центра Дальневосточного региона: университета, океанариума, Мариинского театра, музея-заповедника «Владивостокская крепость», Золотого моста, Токаревского маяка. Квестовые задания и задания на аудирование, в которых обучающимся необходимо выбрать слова, связанные или, наоборот, не связанные с какой-либо локацией, определить грамматические категории рода, одушевлённости / неодушевлённости, позволяют проверить сформированность лексических, грамматических и аудитивных навыков.

Преподаватели предлагают для детей-билингвов, для студентов, изучающих РКИ на начальном этапе, игры, которые позволяют познакомиться, сплотить коллектив («Снежный ком», «Алфавит имён», «Поговорим», «Визитка»); отработать лексический и грамматический материал (игры с мячом, построенные по принципу «съедобное/несъедобное»; «Ассоциативные классики» на доске, при попадании в клеточку которых студенту необходимо назвать наибольшее количество слов по определённой теме); организовать коммуникацию (выполнение проектных заданий, связанных с историей, культурой, наукой; участие в ролевых играх, приближенных к реальным коммуникативным условиям [2, с. 71–73] (покупка товаров, ориентация на улице, прогулка).

В Казанском (Приволжском) и Северо-Восточном федеральных университетах на этапе предвузовской подготовки применяется метод сторителлинга (англ. *storytelling* 'рассказывание историй'), суть которого состоит в просмотре, чтении, пересказе занимательных, забавных мини-сюжетов, а также в обыгрывании каких-либо конструкций в разных ситуациях. В качестве материала для повествования используются как специально разработанные учебные тексты и видеофрагменты, так и аутентичные, но значительно сокращённые [10, с. 188–189]. Такой вид работы позволяет улучшить произношение студентов, расширить их словарный запас, развивает

коммуникативные навыки. Аудиозапись озвученного текста студентом и контрольное чтение текста преподавателем способствуют овладению произносительными навыками.

В Хошиминском государственном университете образования (Вьетнам) реализуют мультимедийную игру «Вращение колеса». Игра построена по аналогии с телеигрой «Поле чудес» и оформлена средствами Powerpoint. Большие возможности, предоставляемые компьютерными технологиями, позволяют совместить текстовые, графические данные, музыку, видео. Для проведения игры класс был поделён на 2 команды, каждый участник которой крутил колесо и получал право выполнить игровое задание: проспрягать глаголы, просклонять существительные, дополнить пропущенные места, восстановить текст. Секторы импровизированного колеса пронумерованы и обозначены цифрами, соответствующими номерам вопросов. Каждый игрок должен был как можно скорее угадать слово, словосочетание и получить баллы. Если группа затруднялась дать ответ, то ход переходил к другой команде; если игрок не справился с заданием, указав неверное слово, он выбывал; участник, дошедший до финала, признавался победителем [12, с. 216].

Педагоги отмечают, что преподавание РКИ с помощью компьютерных игр помогает психологически подготовить студентов к самостоятельному обучению. В. А. Жильцов, И. А. Маев предлагают проект коммуникативно-ориентированного электронного образовательного ресурса по русскому языку как иностранному с использованием технологии v-learning. В условиях дистанционного обучения РКИ технологии виртуальной реальности обеспечивают погружение в виртуальную языковую среду на основе социального взаимодействия. Компьютерно-опосредованная коммуникация, которая реализуется в многопользовательских виртуальных мирах, помогает успешнее изучать русский язык, повышать мотивацию студентов, вовлекать в игровой процесс за счёт «наглядности и эффекта погружения в происходящее» [5, с. 36].

Пользователи могут участвовать в совместных работах, проводить виртуальные конференции. Таким образом, организация учебного процесса, в котором инофоны могут реализовать практически все свои коммуникативные потребности

и проявить творческие способности, позволяет успешно достичь образовательных целей.

В методике преподавания РКИ необходимо применять технологии, актуальные для настоящего времени. Среди таких педагогами отмечаются «технологии проблемного обучения, информационно-коммуникативные, проектно-исследовательские, личностно ориентированные, игровые, технологии уровневой дифференциации» [4, с. 145].

Период коронавирусной пандемии привёл к изменению привычных форматов работы, когда в условиях физического дистанцирования и социальной изоляции в образовательных учреждениях необходимо было выработать новую форму взаимодействия – компьютерно-опосредованную.

О. Г. Глазова привлекала в процессе дистанционной работы со студентами-медиками, владеющими РКИ на уровнях B2, C1, научно-популярные фильмы «Девять дней и вся жизнь», «Чтобы жили!», «Рецепт Победы. Медицина в годы Великой Отечественной войны», обладающие не только обучающим, познавательным, но и коммуникативным, и диагностическим потенциалом [3; с. 145–147]. Результатом применения видеоматериалов стало обогащение инофонон лингвокультурными сведениями, обучение дискутированию, продуцирование письменных текстов в форме эссе.

И. В. Савочкина обращается к дидактической компьютерной игре как мультимедийной образовательной технологии, способствующей интенсификации учебного процесса, и использует для этой цели сайты <https://learningapps.org>, <http://www.classtools.ru>, программу ISpring. В качестве дистанционных образовательных средств могут быть предложены компьютерные игры: 1) с приключенческим сюжетом, персонажи которых выполняют какие-либо задания, где на примере игры в скатки вторым участником которой является компьютер или игрок, нужно выбрать правильный ответ по теме «Символы России»; 2) с пазлами, в которых необходимо что-либо логически выстроить, найти соответствия, решить проблему (например, из картинок, относящихся к выделенному слову, собрать пазл на тему «Эмоции»); 3) со словесными играми, в которых требуется найти слова, решить кроссворд, головоломку, анаграмму, ребус и др.; 4) с настольными и карточными играми [8, с. 81–83].

В исследовании М. В. Холодковой, Ж. И. Жеребцовой, Т. А. Дьяковой показано, что большинство традиционных игровых приёмов, ставших привычными в очной работе, можно практиковать при дистанционном обучении для формирования и развития компетенций иностранных обучающихся. Так, для оттачивания лексических навыков рекомендуются онлайн-сервисы Wordwall, Flippity, Quizlet, а также задания по работе с распознаванием анаграмм, обнаружением слов в филвордах, решением кроссвордов, поиском соответствий, группировкой слов, идентификацией объектов на картинке, могут быть предложены лото, настольные игры-«ходилки»; для формирования фонетических навыков применяются виртуальные доски Miro, Google Jamboard, Google Drawings, Google Slides; для формирования грамматических навыков – языковые, речевые грамматические игры, тренажёры в формате флешкарт, подготовленные с привлечением Flippity; для развития коммуникативной компетенции – онлайн-сервис для продуцирования комиксов Storyboardthat; лингвострановедческой – электронные викторины на онлайн-сервисах Wordwall, Flippity, Kahoot!, QuizWhizzer, Doozy, Triventy [15, с. 83–86].

Несмотря на имеющиеся научно-практические работы, посвящённые использованию онлайн-сервисов на занятиях очно, в небольшой части работ рассматриваются вопросы внедрения игровых технологий с помощью инструментов Веб 2.0 при проведении занятий по русскому языку как иностранному дистанционно. Переход от ресурсов Веб 1.0 к Веб 2.0 ознаменовался сменой роли пользователей информационных услуг: из потребителя контента, изучающего, анализирующего, воспринимающего текст, графику, видео, размещённые на сайтах, человек становится соавтором и производителем информационного материала, осуществляя сетевое взаимодействие.

В статье А. Н. Бертяковой показана работа с предлогами *в/на*, употребляющимися с названиями стран при указании направления движения, уделяется внимание проектной деятельности как стратегически определяющему методу организации технологии игры. Автор делает ставку на визуализацию и виртуализацию, поэтому включает в сценарий занятия

фрагмент мультфильма, коллаж, подходящий для «клипового/коллажного типа восприятия и мышления современного реципиента» [1, с. 398].

Для закрепления темы «Употребление предлогов *в/на* при выражении местонахождения в русском языке» Л. И. Фёдорова использует следующие методы обучения: вопросно-ответную беседу, визуализацию материала, а также игровые технологии, например, индивидуальную работу с рисунком «Чудо-зверь», групповую или командную игру-викторину «Кто я? Где я?». Загадочный чудо-зверь представлен с частями тел разных обитателей фауны. Требуется угадать животное и определить его ареал. Например, *Олень живёт на севере*. В командной игре «Кто я? Где я?» участнику предлагается с помощью наводящих вопросов одноклассников угадать, что за картинку он показывает. Например, участник викторины задаёт вопросы: *Кто я? Какой я? Что я делаю? Где я это делаю?* – и получает ответы от группы поддержки: *Ты животное / растение / предмет / аппарат / транспорт* и т.д. [13, с. 202–203].

На довузовском этапе обучения для формирования коммуникативной компетенции рекомендуются ролевые игры на актуальные жизненные и профессиональные темы: «В магазине», «На улице», «В аптеке», «На приёме у врача» и др. В зависимости от принятой на себя роли сокурсники учатся коммуницировать и адекватно реагировать на запрашиваемую информацию. Для удобства запоминания слов А. А. Пылкова организует работу с кластерами, где на основании какого-либо признака необходимо классифицировать предметы, понятия, явления и т.д., установить родо-видовое соответствие: «Части тела» (для студентов-медиков), «Математические действия» (для студентов-экономистов), «Профессии» (для студентов всех профилей подготовки) и т.д. [7, с. 122].

Бак Хади на занятиях по РКИ проводит коммуникативные учебные игры, посвящённые русской национальной кухне, с целью погружения студентов в культуру страны изучаемого языка и адаптации к реалиям русской картины мира. Его коммуникативно ориентированные задания направлены на совместное обсуждение с обучающимися и принятие решения. Для речевой разминки предлагаются скороговорки по заявленной теме, для проверки знаний по лексическому

материалу и для развития внимания – задания по оперативному нахождению среди команд студентов названных преподавателем продуктов питания в рекламных каталогах магазинов «Магнит», «Пятёрочка», «Перекрёсток», «Дикси»; для повторения лексики и тренировки памяти – задания по запоминанию продуктов и товаров в рекламных буклетах, брошюрах и воспроизведению их наименований по памяти. От студентов требуется объяснить лексическое значение слова [14, с. 25].

Современные технические средства позволяют осуществлять новые формы контактирования и межличностного общения. В методике преподавания РКИ таким средством социального взаимодействия становится хакатон. Это новое обозначение дословно переводится как *марафон хакеров* и представляет собой соединение начальной и конечной частей лексем *hacker* ('хакер') и *marathon* ('марафон') и обозначает соревнование, командам-участникам которого за ограниченное время необходимо решить какую-либо задачу.

В педагогической деятельности Т. Л. Шапошниковой, О. А. Гордиенко, В. В. Вязанковой, И. Ю. Глухенького применяются для обучения студентов русскому языку как неродному из ближнего зарубежья при сотрудничестве с русскими студентами командные учебно-познавательные игры, которые коллеги проводят в формате хакатонов, используя кейс-технологии. Образовательный процесс они осуществляют, обращаясь к методам ролевого взаимодействия, практико-ориентированного и адаптивного обучения [16, с. 163]. Результатом командного сотрудничества становится новый учебный лингвистический продукт с лексико-грамматическими темами русского языка, разработанный студенческими группами сообща, с учётом особенностей национальных менталитетов и уровней владения РКИ.

Игровые задания выстроены по принципу нарастания сложности. Реализация хакатона проходит в три этапа [16, с. 165–166], которые можно квалифицировать как самостоятельное изучение, контроль, преподавание. 1. Игроки команд получают кейсы с теоретической и практической информацией по какой-либо лексико-грамматической теме, представленной справочными таблицами и таблицами для внесения данных, ячейки которой они заполняют, перемещая объекты.

2. Участникам команды выдаются результаты проверки ответов. Студенты могут выполнить задание повторно, в случае необходимости обратившись за помощью к члену команды. Баллы начисляются за скорость, однако команда не получает игровое очко, если не проявила эмпатии к отстающим игрокам своей команды. 3. Происходит смена ролей: участники двух команд должны передать свои знания друг другу, то есть выступить в роли учителей. Для выполнения ответственной миссии могут использоваться те средства, которые игроки-наставники считают наиболее оптимальными для донесения информации. Такой вид совместной работы является одновременно аналитическим, коммуникативным и творческим, позволяет изучить тему в игровой форме на практике, так как прежде, чем выступить в роли преподавателя, студент должен сам хорошо в ней разбираться.

Обсуждение и выводы

В научно-методических публикациях активно обсуждаются вопросы привлечения на уроках русского языка как иностранного игровых технологий, основополагающими принципами которых являются визуализация, интерактив, смена видов деятельности, мультимедийное сопровождение, коммуникативная ориентированность.

Обучение с учётом компетентностного подхода, в рамках которого студент должен быть готов к решению жизненных и профессиональных задач, практическому применению знаний, умений и навыков, направлено на формирование языковой, речевой и коммуникативной компетенций, которые совмещаются с социокультурной компетенцией. В практике преподавателей РКИ используется лингвострановедческий региональный материал, который позволяет познакомить обучающихся с городской средой, бытом народа, приобщить к культуре страны изучаемого языка, узнать традиции.

Обращение к компьютерным технологиям предоставляет широкие возможности для воссоздания виртуальной языковой среды, в которой обучающийся выступает активным пользователем, получает знания и передаёт их другим, работая в формате хакатона. Участие в групповых играх, с одной стороны, выступает мотиватором выполнения игровой учеб-

ной задачи, а с другой – развивает командный дух и навыки сотрудничества, где каждый работает на группу, что сплачивает студенческий коллектив.

Оттачиванию произносительных навыков способствует метод сторителлинга, благодаря которому инофоны учатся слушать себя, соотносят свою речь с образцом, развивают словарный запас, тренируют память.

Несмотря на концепцию обучения через развлечение не все педагоги склонны видеть в эдьютейнменте положительный потенциал. Реализуя игровые технологии, следует учитывать баланс между развлечением и обучением.

Список литературы

1. Бертякова А. Н. Реализация технологии игры при формировании навыка употребления русских предлогов при обучении РКИ // II Всемирный конгресс в реальном и виртуальном режиме «Восток-Запад: пересечения культур»: Научно-практические материалы II Всемирного конгресса. – Киото: Tanaka Print, 2019. – Т. 2. – С. 395–401.
2. Виноградова М. В. Интерактивные методы на начальном этапе обучения русскому языку как иностранному // Лебедевские чтения. Материалы Всероссийской научно-методической конференции. – Ярославль: Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского, 2022. – С. 68–74.
3. Глазова О. Г. Научно-популярные фильмы как часть дидактической игры в процессе дистанционного обучения русскому языку как иностранному // Современное педагогическое образование. – 2020. – № 9. – С. 144–148.
4. Горлова Г. Н., Гасанова Н. А. Актуализация инновационных технологий в вузовском процессе обучения русскому языку как иностранному // Векторы развития русистики и лингводидактики в контексте современного филологического образования. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. – Астрахань: Астраханский университет, 2021. – С. 143–148.
5. Жильцов В. А., Маев И. А. Проект коммуникативного образовательного ресурса по русскому языку как иностранному с использованием технологии v-learning // Русистика. – 2021. – Т. 19. – № 1. – С. 34–50. DOI 10.22363/2618–8163-2021-19–1-34–50.
6. Жукова Т. А. Эдьютейнмент в практике преподавания русского языка как иностранного // Проблемы современного филологического образования: сб. науч. ст. XI Всероссийской научно-практической конференции. – М.-Ярославль: Ремдер, 2021. – Вып. XIX. – С. 108–114.
7. Пылкова А. А. Интерактивные формы занятий на довузовском этапе обучения РКИ // Эпоха науки. – 2018. – № 13. – С. 120–126.
8. Савочкина И. В. Мультимедийные средства обучения в практике преподавания русского языка как иностранного в условиях дистанционного образования // Новое и традиционное в переводоведении и преподавании русского языка как иностранного: сб. ст. международной научной конференции. – Баян-Лука: Panevėžyski universitetas "Apeiron", 2021. – С. 78–85.
9. Самчик Н. Н. Перспективы использования технологии эдьютейнмент на занятиях по русскому языку как иностранному // Азимут научных исследований: педагогика и психология. – 2020. – Т. 9. – № 3 (32). – С. 233–236. DOI 10.26140/anip-2020-0903-0053.
10. Спиридонова Л. Н. Сторителлинг: из опыта применения игровых технологий в преподавании русского языка как иностранного // Русский язык в поликультурном мире: сб. науч. ст. IV Международного симпозиума: в 2 т. – Симферополь: КФУ имени В. И. Вернадского, 2020. – Т. 2. – С. 187–193.
11. Троцок С. Н. К вопросу о современных технологиях обучения русскому языку как иностранному // Русское культурное пространство – реальное и виртуальное. Материалы XXI Международной научно-практической конференции. – М.: МГУ, 2022. – С. 241–244.
12. Тхи Ханг Н. Компьютерная игра «Вращение колеса» (Powerpoint) в обучении вьетнамцев русскому языку как иностранному // Лингвисториторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты. – 2021. – № 26–1. – С. 214–217.
13. Фёдорова Л. И. Игровые технологии на занятиях по языку (на примере закрепления темы «Употребление предлогов в и на при выражении местонахождения в русском языке») // Иностранные языки в Узбекистане. – 2020. – № 2 (31). – С. 177–184. DOI 10.36078/1589807835.

14. Хади Б. Использование игровых технологий при изучении темы «Русская кухня» // Язык и коммуникация в контексте культуры. Материалы Международной научно-практической онлайн-конференции. – Ростов-на-Дону: РИНХ, 2022. – С. 23–27.

15. Холодкова М. В., Жеребцова Ж. И., Дьякова Т. А. Реализация игровых технологий при дистанционном обучении русскому языку как иностранному // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2021. – Т. 26. – № 190. – С. 79–89. DOI 10.20310/1810-0201-2021-26-190-79-89.

16. Шапошникова Т. Л., Гордиенко О. А., Вязанкова В. В., Глухенький И. Ю. Практика использования хакатонов в преподавании русского языка как неродного // Общество: социология, психология, педагогика. – 2022. – № 10 (102). – С. 163–169. DOI 10.24158/spp.2022.10.25.

Ulyana I. Turko

Modern Gaming Technologies in Russian as a Foreign Language Lessons: Review of Linguodidactic Practices

The use of innovative technologies in the lessons of Russian as a foreign language is one of the conditions for organizing a modern educational process for the effective assimilation of lexical and grammatical knowledge and the development of students' communicative abilities. Conducting classes in a game form, the use of game exercises at different stages of the lesson is organic and relevant to the realities of the modern information society. Among gaming technologies, teachers distinguish storytelling, hackathon, edutainment, board, communicative, interactive games and others, which are implemented through the methods of role-playing interaction, practice-oriented, problem-based and adaptive learning. Game technologies are aimed at developing the speech skills of foreign students and their creative activity, support students' interest, reduce information overload and psychological stress, and contribute to memorizing lexical and grammatical material in an entertaining way.

Key words: game technologies, storytelling, hackathon, edutainment, board games, communication games, interactive games, computer games, Russian as a foreign language.

For citation: Turko, U. I. (2023) *Sovremennye igrovye tekhnologii na urokah russkogo yazyka kak inostrannogo: obzor lingvodidakticheskikh praktik* [Modern gaming technologies in Russian as a foreign language lessons: review of linguodidactic practices]. *Art Logos – The Art of Word*. No. 2. Pp. 178–191. (In Russian). DOI 10.35231/25419803_2023_2_178

References

1. Bertyakova, A. N. (2019) *Realizaciya tekhnologii igry pri formirovaniy navyka upotrebleniya russkikh predlogov pri obuchenii RKI* [Implementation of the game technology in the formation of the skill of using Russian prepositions when teaching Russian as a foreign language]. *II Vsemirnyy kongress v real'nom i virtual'nom rezhime «Vostok-Zapad: peresecheniya kul'tur»* [II World Congress in real and virtual mode "East-West: intersection of cultures"]. Scientific and practical materials of the II World Congress. Vol. 2. Kyoto: Tanaka Print. Pp. 395–401. (In Russian).

2. Vinogradova, M. V. (2022) *Interaktivnye metody na nachal'nom etape obucheniya russkomu yazyku kak inostrannomu* [Interactive methods at the initial stage of teaching Russian as a foreign language]. *Lebedevskie chteniya* [Lebedev Readings]. Proceedings of the All-Russian Scientific and Methodological Conference. Yaroslavl: Yaroslavl State Pedagogical University n.a. K. D. Ushinsky Publ. Pp. 68–74. (In Russian).

3. Glazova, O. G. (2020) *Nauchno-populyarnye fil'my kak chast' didakticheskoy igry v protsesse distantsionnogo obucheniya russkomu yazyku kak inostrannomu* [Popular science films as part of a didactic game in the process of distance learning Russian as a foreign language]. *Sovremennoe pedagogicheskoe obrazovanie – Modern Pedagogical Education*. No. 9. Pp. 144–148. (In Russian).

4. Gorlova, G. N., Gasanova, N. A. (2021) *Aktualizaciya innovatsionnykh tekhnologiy v vuzovskom protsesse obucheniya russkomu yazyku kak inostrannomu* [Actualization of innovative technologies in the university

process of teaching Russian as a foreign language]. *Vektory razvitiya rusistiki i lingvodidaktiki v kontekste sovremennogo filologicheskogo obrazovaniya* [Vectors of development of Russian studies and linguodidactics in the context of modern philological education]. Proceedings of the All-Russian scientific-practical conference with international participation. Astrakhan: Astrakhan University Publ. Pp. 143–148. (In Russian).

5. ZHil'cov, V. A., Maev, I. A. (2021) *Proekt kommunikativnogo obrazovatel'nogo resursa po russkomu yazyku kak inostrannomu s ispol'zovaniem tekhnologii v-learning* [The project of a communicative educational resource on Russian as a foreign language using v-learning technology] *Rusistika – Russian Studies*. Vol. 19. No. 1. Pp. 34–50. DOI 10.22263/2618–8163–2021–19–1–34–50. (In Russian).

6. Zhukova, T. A. (2021) *Ed'yutejnmnt v praktike prepodavaniya russkogo yazyka kak inostrannogo* [Edutainment in the practice of teaching Russian as a foreign language]. *Problemy sovremennogo filologicheskogo obrazovaniya* [Problems of modern philological education]. Collection of scientific articles of the XI All-Russian Scientific and Practical Conference. Vol. XIX. Moscow–Yaroslavl: Remder Publ. Pp. 108–114. (In Russian).

7. Pylkova, A. A. (2018) *Interaktivnyye formy zanyatiy na dozovskom etape obucheniya RKI* [Interactive forms of classes at the pre-university stage of teaching Russian as a foreign language]. *Epoha nauki – Epoch of Science*. No. 13. Pp. 120–126. (In Russian).

8. Savochkina, I. V. (2021) *Multimedijnye sredstva obucheniya v praktike prepodavaniya russkogo yazyka kak inostrannogo v usloviyah distantsionnogo obrazovaniya* [Multimedia teaching aids in the practice of teaching Russian as a foreign language in conditions of distance education]. *Novoe i traditsionnoe v perevodovedenii i prepodavanii russkogo yazyka kak inostrannogo* [New and traditional in translation studies and teaching Russian as a foreign language]. Collection of articles of the international scientific conference. Banja Luka: Panevropski univerzitet "Apeiron" Publ. Pp. 78–85. (In Russian).

9. Samchik, N. N. (2020) *Perspektivy ispol'zovaniya tekhnologii ed'yutejnmnt na zanyatiyah po russkomu yazyku kak inostrannomu* [Prospects for the use of edutainment technology in the classroom in Russian as a foreign language]. *Azimut nauchnykh issledovaniy: pedagogika i psihologiya – Azimut of scientific research: pedagogy and psychology*. Vol. 9. No. 3 (32). Pp. 233–236. DOI 10.26140/anip–2020–0903–0053. (In Russian).

10. Spiridonova, L. N. (2020) *Storytelling: iz opyta primeneniya igrovyy tekhnologii v prepodavanii russkogo yazyka kak inostrannogo* [Storytelling: from the experience of using gaming technologies in teaching Russian as a foreign language]. *Russkij yazyk v polikul'turnom mire* [Russian language in a multicultural world]. Collection of scientific articles of the IV International Symposium, in 2 volumes. Vol. 2. Simferopol: Vernadsky Crimean Federal University Publ. V. I. Pp. 187–193. (In Russian).

11. Trocyuk, S. N. (2022) *K voprosu o sovremennykh tekhnologiyah obucheniya russkomu yazyku kak inostrannomu* [On the issue of modern technologies for teaching Russian as a foreign language]. *Russkoe kul'turnoe prostranstvo – real'noe i virtual'noe* [Russian cultural space – real and virtual]. Proceedings of the XXI International Scientific and Practical Conference. Moscow: Moscow University Press. Pp. 241–244. (In Russian).

12. Thi Hang, N. (2021) *Komp'yuternaya igra «Vrashchenie koleasa» (Powerpoint) v obuchenii v'etnamcev russkomu yazyku kak inostrannomu* [Computer game "Rotation of the Wheel" (Powerpoint) in teaching Vietnamese Russian as a foreign language]. *Lingvovitoricheskaya paradigma: teoreticheskie i prikladnye aspekty –Linguistic-rhetorical paradigm: theoretical and applied aspects*. No. 26–1. Pp. 214–217. (In Russian).

13. Fyodorova, L. I. (2020) *Igrovye tekhnologii na zanyatiyah po yazyku (na primere zakrepleniya temy «upotreblenie predlogov v i na pri vyrazhenii mestonahozhdeniya v russkom yazyke»* [Game technologies in language classes (on the example of fixing the topic "the use of prepositions in and on when expressing location in Russian")]. *Inostrannyye yazyki v Uzbekistane – Foreign languages in Uzbekistan*. No. 2 (31). Pp. 177–184. DOI 10.36078/1589807835. (In Russian).

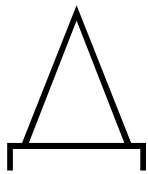
14. Hadi, B. (2022) *Ispol'zovanie igrovyy tekhnologii pri izuchenii temy «Russkaya kuhnya»* [The use of gaming technologies in the study of the topic "Russian cuisine"]. *Yazyk i kommunikaciya v kontekste kul'tury* [Language and communication in the context of culture]. Proceedings of the International Scientific and Practical Online Conference. Rostov-on-Don: RINH Publ. Pp. 23–27. (In Russian).

15. Holodkova, M. V., Zherebcova, Zh. I., D'yakova, T. A. (2021) *Realizaciya igrovyy tekhnologii pri distantsionnom obuchenii russkomu yazyku kak inostrannomu* [Implementation of gaming technologies in distance learning of Russian as a foreign language]. *Vestnik Tambovskogo universiteta – Bulletin of the Tambov University. Series: Humanities*. Vol. 26. No. 190. Pp. 79–89. DOI 10.20310/1810–0201–2021–26–190–79–89. (In Russian).

16. Shaposhnikova, T. L., Gordienko, O. A., Vyazankova, V. V., Gluhen'kij, I. Yu. (2022) *Praktika ispol'zovaniya hakatonov v prepodavanii russkogo yazyka kak nerodnogo* [The practice of using hackathons in teaching Russian as a non-native language]. *Obschestvo: sociologiya, psihologiya, pedagogika – Society: sociology, psychology, pedagogy*. No. 10 (102). Pp. 163–169. DOI 10.24158/spp.2022.10.25.2022. (In Russian).

дата получения: 27.02.2023 г.
дата принятия: 11.03.2023 г.
дата публикации: 30.06.2023 г.

date of receiving: 27 February 2023
date of acceptance: 11 March 2023
date of publication: 30 June 2023



ИСКУССТВА

И. В. Цуканова

Гностицизм как форма одержимости чистотой: опыт этимологического анализа

В работе делается попытка филологического проникновения в проблематику гностицизма, одного из самых мистических течений религиозно-философской мысли в истории человечества, сделавшего антигуманизм собственным знаменем и агрессивно настроенного к физической реальности как таковой. Автор анализирует категориальный аппарат древних и новых гностиков, аксиологическим центром которого является понятие чистоты, взятой в онтологическом и гносеологическом измерениях. Была выявлена тенденция к информационному и знанию апотропеизму в рамках гностической доктринальности как стремление к упразднению неопределенности, наносящей вред индивидуальному и коллективному сознанию.

Ключевые слова: гнозис, гностицизм, чистота, грязь, единство, множественность, ясность, неопределенность, недостача, избыточность.

Для цитирования: Цуканова И. В. Гностицизм как форма одержимости чистотой: опыт этимологического анализа // Art Logos (искусство слова). – 2023. – № 2. – С. 194–203. DOI 10.35231/25419803_2023_2_194

*Грязь есть материя,
лежащая не на своем месте...*

Естественная языковая операциональность почти всегда позволяет лингвопользователю различным семантическим образом выражать и трактовать употребляемые в речи лексемы. Данный неоспоримый факт значительно расширяет узус понимания любого коммуникативного послания, в пределе – до состояния познавательно-энтропийной неопределенности. Именно исторически сложившаяся гибкость

языка, по сути, бездонный вербальный тезаурус, состоящий из множества мельчайших смысловых оттенков, закрепляемых в речевом обиходе, с одной стороны, несомненно, вносит разнообразие во взаимодействие между общающимися субъектами, с другой же, – как это парадоксально ни прозвучит, стопорит адекватное постижение мироздания. Как феномен язык одновременно является и инструментом уточнения = прояснения транслируемых интенциональных форм и, наоборот, идеальным средством «разжижения-размывания», а, следовательно, сокрытия и вуалирования элементов подлинности. Данная статья посвящена этимологическому анализу важнейшей рабочей категории гностицизма как одного из самых мощных негативирующих мировоззрений всей человеческой культуры. Гностицизм получил импульс своего распространения в I–III вв. на Ближнем Востоке и в Северной Африке в среде принципиальных критиков христианства, отстаивавших право ненавидеть наличную действительность. Разбору будет подвергнута категория чистоты в ее антинормативной связке с концептом «грязь», на противопоставлении которых латентно сосредоточены почти все известные деноминации гностиков, включая их современных нео- и эрзац-последователей. Семантическая неоднозначность указанной бинарной пары создает эвристические трудности для исследователя, занятого установлением истинной роли т.н. «лжеименного знания» [11] в развитии человеческой цивилизации. Попытаться снять данную неопределенность – задача автора в рамках представленной статьи.

Уже первые гностики были настолько аффектированы жаждой чистоты, что в ее поисках заходили достаточно далеко, чтобы вызвать к себе законное подозрение в любви к свинству. Самые экстремальные и гнусные виды нравственной и телесной грязи инверсивно воспринимались теми же карпократами [12] как своего рода моющее средство, избавляющее душу от пятен, оставленных на ней якобы изначально уродливым миром, или недобытием, сотворенным, согласно их учению, самозванным божеством-демиургом. Клин в этой логике словно вышибается клином, предоставляя возможность свету и тьме, норме и патологии произвольно меняться местами и статусами. Тем самым порождалась псевдосотериология

Ничто, декларирующая спасительность смерти. Наравне с этим обнаруживается и другой интересный аспект апотропеической миссии, возложенной на себя отцами-основателями гнозиса, такими как Валентин или Василид [7, с. 115–116], давших развернутые системы собственных умозаключений. Их витиеватость и утонченность доходила подчас до полной невразумительности, поскольку обставлялась несметным количеством отвлекающих подробностей. Однако именно этот нюанс, как и любое стандартное «горе от ума», отсылает нас к парадоксальной ситуации проклятия знаний, когда за искреннюю попытку добиться ясности (аналога чистоты) приходится расплачиваться ментальным и концептуальным бардаком (аналогом грязи). В умственной неразберихе поздней античности гностицизм, как представляется, попытался навести идеальный порядок, спекулятивно расставив уймы гипотетических эонов по своим местам [4, с. 68], но закономерно потерпел крах в силу пренебрежения диалектикой, убеждающей нас в верности правила «во что смотришься, в то и обращаешься».

Думается, что специфическая идея фикс гностицизма – во всем и везде находить следы загрязнения окружающей обстановки – может иметь и более оригинальное прочтение, чем, скажем, идентификация ее с явной психической девиацией или агрессивно-разрушительным политическим трендом. Есть в этой проблеме и нечто от витгенштейновской языковой эквилибристики, восстающей против твердыни метаязыка [1].

Прежде всего, следует констатировать, что типовое представление о грязи обычно вызывает у нас не совсем приятные ассоциации с отклоняющимися от нормы явлениями, выражающими недостачу: уродство, порча, порок, грех, тление, ущерб, гниение, сор, кал, скверна, мерзость. Грязь как бы призвана заслонить собой некую первозаданную полноту, красоту и невинность, предельно исказив их отчетливые черты. Задача нечистоты – унижить чье-то благородное достоинство, отпугнуть от него наблюдателя своим деформированным видом. Но и загроздить, заляпать, затенить, запятнать сущностные характеристики, навести хаос, беспорядок, обратить некое цельное и структурированное единство в дезорганизованное и недифференцированное множество, отвратительный

хлам. И в этой своей роли эффективного дезонтологизирующего средства грязь успешно смыкается с темой феноменологической избыточности, способной похоронить под спудом множественных факультативных деталей истинное соотношение вещей в каком-то вопросе, то есть саму суть. Может быть встреча с грязью нам всегда неприятна именно в силу заложенного в нее потенциала лжи, извращающей нашу сцепку с реальностью как по линии «недо-», так и в аспекте «пере-»? Грязь мимикрирует, гримируя объект, на который направлено исследовательское внимание – до неузнаваемости, что естественно вызывает гностическую тревогу или отвращение. Ставший афоризмом внешне шуточный тезис «Не узнаю вас в гриме» – это, в общем-то, не о смехе, а, скорее, о страхе, который возникает на почве недоразумения: мы можем думать о ком-то, что перед нами Белоснежка, а ну как на самом деле это замаскированный крокодил? Таким образом, с концептом «грязь» прочно аффилирован концепт «знаний», поскольку знания делают Чужое Своим, тогда как грязь, наоборот, способна Свое превращать в Чужое. Сделаем промежуточный вывод: грязь наравне со знаниями обладает свойством превратности, метаморфичности. Видимо, гностики отрефлексировали этот момент первыми. У Корнея Чуковского в «Мойдодыре» содержится строчка, которая своею тавтологичностью способна кого угодно травмировать и ввести в ступор: «Ты один не умывался и грязнулею остался». Автор не объясняет, – что из того, что некий имярек не дружит с умывальником? Ну, остался и остался кто-то грязнулей, в чем трагедия-то? Поэтому попытаемся додумать данный кейс самостоятельно. Грязнуля – не тот ли это субъект, который выдает одно за другое, представляется тем, кем на самом деле не является, по аналогии с шарлатаном, ряженым, шпионом, чей функционал – в разъедании устойчивости универсального и незыблемого Бытия изнутри? Грязь – это мощный репрезентант пустоты, источник ничевочества, как выразились бы, наверное, поэты-авангардисты. Теперь посмотрим, насколько соответствует данное предположение результатам этимологического анализа.

Как оказалось, словари позволяют свободно сопрягать семантические значения понятия грязи и понятия зла. Соглас-

но Г. А. Крылову, слово грязь образовано от той же основы, что и древнерусский глагол грязьти – «тонуть, вязнуть, погружаться». Первоначальное значение существительного грязь – «топь, болото». Это слово родственно существительному груз [15, с. 103], не исключено, что отсюда же происходит и слово грёзы. И то, и другое, и третье, будучи обремененными тяжелой компонентной базой, функционально противоположны легкости, давят и тянут к низу, заставляют опускаться на самое дно [14, с. 225].

Родословная же зла как отдельной вербальной единицы скорее всего стартует со старославянского зъло = весьма много, о чем свидетельствуют изыскания М. Фасмера [13, с. 99]. Синонимически с этим словом связаны наречия чересчур, чрезмерно, чрезвычайно, изрядно, крайне, гораздо, излишне. А из последнего вытекает понятие лиха, лихвы, обратно закольцовывая данный широкий герменевтический круг на патологичности всякого безмерного количественного континуума. Избыток чего бы то ни было априори становится злом, в котором тонешь и грязнешь, словно в трясине, теряя ориентацию и витальную энергию, а, следовательно, соприкасаясь со смертью как ипостасью инерции и энтропии. Стоит учитывать, что подобные отвлеченные абстракции могут иметь вполне конкретные опасные последствия в живой жизни. Как пример в политике – навязанная Хрущевым социуму либеральная стратагема оттепели, породившая раскисшую новостную грязь бесконечных подробностей «нехорошего» тоталитарного дискурса со сменяемыми друг друга судами и пересудами, ловлей мимолетных состояний обиды советским человеком в адрес собственного прошлого в оппозиции общему движению вперед. Утопание в грязных подробностях сталинизма, продолжившееся в эпоху горбачевской перестройки как оттепели номер два, в конце концов, привело к экзистенциальному угасанию страны [5, с. 507].

Возвращаясь к раннему гностицизму, необходимо сказать, что его одержимость чистотой, являющаяся, на наш взгляд, до сих пор не достаточно отрефлексированным парадигмальным ядром гнозиса, стала стимулом к формированию очень влиятельной деструктивной традиции видеть мир в оптике отторжения и скептического недоверия на почве того информационного всплеска, который случился в эпоху

эллинизма. Неспособность переработать гигантские по тем меркам объемы новых эклектичных знаний рождала различные по степени ригоризма планы очищения мироздания от «зла излишков» – ультралевые гностики грезили холодно-костом принудительной ликвидации всего и вся, умеренные же мечтали произвести «всего лишь» генеральную уборку не устраивавшей их онтологической конструкции [16, р. 147]. Но для подобного рода уборки требовалось изобрести некую упрощенную схему Бытия, облегчающую понимание повседневности. Такой удобной схемой могла стать концептуальная трехчленка Плерома – Предел – Кенома [4, с. 188–189], однако в работах теоретиков гностицизма и она постепенно обросла калейдоскопом громоздких данных, снижающих возможности понимания выдвинутой модели. Подобное повторилось уже на новом витке исторического развития, когда в средневековой Европе резко усложнилась догматическая сторона католического вероучения и вновь потребовался информационно-мировоззренческий аудит системы знаний, который предприняли еретики катары (с греч. καθαρός – чистый), в общих чертах реанимировавшие гностическое «клининговое» учение [6].

Отметим, что тяга к детализации сегодня превращается в своего рода веление времени и даже особую методологию функционирования массового сознания, существующего в гипнотическом симбиозе со средствами массовой информации («все расщепляю – ergo sum», если перефразировать знаменитую максиму Декарта [3, с. 269]). Эта детализация проявляет себя, например, в стремлении пользователя социальных сетей комментировать любой месседж, запущенный в медиасреду до самых микроскопических фракций, до математического нуля, после которого говорить уже, собственно, становится не о чем. Или же в дроблении контента телепередач на рассеивающие внимание аудитории элементы яркой инфографики. Информация в обществе третьей волны, если пользоваться идеей И. А. Гобозова, давно уже циркулирует в формате постзнания [2], отринув мудрость мудрых, без которой человечество никогда не выберется из грязи призрачности. Имеется в виду наступившее торжество посредственности («медиаократии» [2, с. 42]), приветствующ-

щей фатальное «онастоящивание» людского рода через отказ от генерализации текучих фактов и поиска вечно сущего в пользу непринужденной игры перманентно приходящими и уходящими сведениями.

В современном мире впору вслед за Платоном сокрушаться о том, что не осталось героя-мыслителя, способного вывести толпу хомо сапиенсов из абсорбирующего дух пространства аттракциона теней (его миф о пещере [10, с. 295]). Став рабами очевидности и презентизма, мы утрачиваем навык проникновения в глубину вещей. Показательно, что у подобной тупиково-разложенческой методологии детализации есть достаточно высокочтимые покровители в сфере элитной философии в лице, например, разработчиков акторно-сетевой теории (АСТ) Бруно Латура и Джона Ло. Они, в частности, рекомендуют своим приверженцам опираться в постижении мира не на окончательные аксиомы, выведенные классической наукой, а на мириады нестабильных и зыбких акторов, прячущихся то в неких непроницаемо-черных ящиках [8, с. 25], а то в дремучем и загадочном хинтерланде [9, с. 323–327]. Оба теоретика даже чисто стилистически страдают навязчивой и неэффективной тягой к нудным беспорядочным уточнениям и эмпирическим перечислениям в ущерб установке на умопостигаемую фиксацию главного, игнорируя тот факт, что целое в итоге всегда оказывается больше тривиальной суммы частей, из которой оно состоит. Думается, что именно в искусственно корректируемой логике АСТ на современном этапе в индустриальных масштабах производится ускользящая продукция массмедиа, формирующая все менее отчетливую и стройную повестку. Поэтому выбраться за пределы доминирующего дискурса, выраженного формулой «больше информации – меньше смысла», становится все сложнее.

Список литературы

1. Витгенштейн Л. Философские исследования // Витгенштейн Л. Философские работы. Часть I. – М.: Гнозис, 1994. – С. 75–320.
2. Гобозов И. А. Постмодернизм – эпоха медиократов // Вопросы философии. – 2015. – № 12. – С. 41–54.
3. Декарт Р. Рассуждения о методе, чтобы верно направлять свой разум и отыскивать истину в науках // Декарт Рене. Сочинения в двух томах. – М.: Мысль, 1989. – Том 1. – С. 250–296.

4. Йонас Г. Гностицизм (Гностическая религия). – СПб.: Лань, 1998. – 384 с.
5. Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. – 832 с.
6. Карсавин Л. Очерки средневековой религиозности // История ересей. – М.: АСТ; ЛЮКС, 2004. – С. 9–266.
7. Кулиану Й. Древо гнозиса: гностическая мифология от раннего христианства до современного нигилизма. – М.: Касталия, 2019. – 314 с.
8. Латур Б. Наука в действии: следуя за учеными и инженерами внутри общества. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. – 414 с.
9. Ло Д. После метода: беспорядок и социальная наука. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. – 352 с.
10. Платон. Государство // Платон. Собрание сочинений в 4 т. – М.: Мысль, 1994. – Том 3. – С. 79–420.
11. Поснов М. Э. До-христианский гностицизм // Гностики или о «лжеименном знании». – Киев: УЦИММ-ПРЕСС – ИСА, 1996. – С. 125–170.
12. Творения Святого Епифания Кипрского. Часть первая // Творения Святых Отцов в русском переводе. – М.: Типография В. Готье, 1863. – Том 42. – 386 с.
13. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 томах. – М.: Прогресс, 1986. – Том II. – 672 с.
14. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. – М.: Русский язык, 1999. – Т. 1. – 623 с.
15. Этимологический онлайн-словарь русского языка / сост. Крылов Г. А. – СПб.: Полиграфуслуги, 2005. – 432 с.
16. Voegelin Eric. The New Science of Politics. – Chicago: The University of Chicago Press, 1952. – 191 p.

Irina V. Tsukanova

Gnosticism as a Form of Obsession with Purity: Etymological Analysis Experience

The work attempts to philological penetration into the problems of Gnosticism, one of the most mystical movements of religious and philosophical thought in the history of mankind, which made anti-humanism its own banner and aggressively attuned to physical reality as such. The author analyzes the categorical apparatus of ancient and new gnostics, the axiological center of which is the concept of purity, taken in ontological and gnoseological measurements. A tendency towards informational and knowledgeable apotropeism was revealed within the framework of gnostic doctrinality as a desire to abolish uncertainty that harms individual and collective consciousness.

Key words: gnosis, gnosticism, purity, dirt, unity, multiplicity, clarity, uncertainty, shortage, redundancy.

For citation: Tsukanova, I. V. (2023) Gnosticizm kak forma oderzhimosti chistotoj: opyt etimologicheskogo analiza [Gnosticism as a form of obsession with purity: etymological analysis experience]. *Art Logos – The Art of Word*. No. 2. Pp. 194–203. (In Russian). DOI 10.35231/25419803_2023_2_194

References

1. Vitgenshtejn, L. (1994) *Filosofskie issledovaniya* [Philosophical research] *Vitgenshtejn L. Filosofskie raboty. CHast' I.* [Wittgenstein L. Philosophical works. Part I.] Moscow: Gnozis Publ. Pp. 75–320. (In Russian).
2. Gobozov, I. A. (2015) *Postmodernizm – epoha mediokratov* [Postmodernism is the era of mediocrats] *Voprosy filosofii – Questions of Philosophy*. No. 12. Pp. 41–54. (In Russian).
3. Dekart, R. (1989) *Rassuzhdeniya o metode, chtoby verno napravlyat' svoj razum i otyskivat' istinu v naukah* [Reasoning about the method to correctly direct your mind and find the truth in the sciences] *Dekart Rene. Sochineniya v dvuh tomah* [Rene Descartes. Works in two volumes]. Moscow: Mysl' Publ. Vol. 1. Pp. 250–296. (In Russian).
4. Jonas, G. (1998) *Gnosticizm (Gnosticheskaya religiya)* [Gnosticism (Gnostic religion)]. St. Petersburg: Lan' Publ. (In Russian).
5. Kara-Murza, S. G. (2001) *Manipulyaciya soznaniem* [Manipulation of consciousness]. Moscow: EKSMO–Press. (In Russian).
6. Karsavin, L. (2004) *Ocherki srednevekovoj religioznosti* [Essays on medieval religiosity] *Istoriya eresej* [History of heresies]. Moscow: AST; LYUKS Publ. Pp. 9–266. (In Russian).
7. Kulianu, J. (2019). *Drevo gnozisa: gnosticheskaya mifologiya ot rannego hristianstva do sovremennogo nigilizma* [The Tree of Gnosis: Gnostic Mythology from Early Christianity to Modern Nihilism]. Moscow: Kastaliya Publ. (In Russian).
8. Latur, B. (2013) *Nauka v dejstvii: sleduya za uchenymi i inzhenerami vnutri obshchestva* [Science in action: following scientists and engineers within society]. St. Petersburg: Izdatel'stvo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge. (In Russian).
9. Lo, Dzhon (2015). *Posle metoda: besporyadok i social'naya nauka* [After Method: Disorder and Social Science]. Moscow: Izd-vo Instituta Gajdara. (In Russian).
10. Platon (1994) *Gosudarstvo* [State] *Platon. Sobranie sochinenij v 4 t.* [Plato. Collected works in 4 vols.]. Moscow: Mysl' Publ. Vol. 3. Pp. 79–420. (In Russian).
11. Posnov, M. E. (1996) *Do-hristianskij gnosticizm* [Pre-Christian Gnosticism] *Gnostiki ili o «lzheimennom znanii»* [Gnostics or about “false-named knowledge”]. Kiev: UCIMM-PRESS – ISA Publ. Pp. 125–170. (In Russian).
12. *Tvoreniya Svjatogo Epifaniya Kiprskogo (1863) Tvoreniya Svjatyh Otcov v russkom perevode. Tom sorok vtoroj. CHast' pervaya* [Epiphanius of Cyprus. Creations of the Holy Fathers in Russian translation. Vol. 42. Part I]. Moscow: Tipografiya V. Got'e. (In Russian).

13. Fasmer, M. (1986) *Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka. V 4 tomah* [Etymological dictionary of the Russian language. In four volumes]. Moscow: Progress Publ. Vol. II. (In Russian).

14. CHernyh, P. Ya. (1999) *Istoriko-etimologicheskij slovar' sovremennogo russkogo yazyka: V 2 t.* [Historical and etymological dictionary of the modern Russian language: In 2 vols.] Moscow: Russkij yazyk Publ. Vol. 1. (In Russian).

15. Krylov, G. A. (2005) *Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka.* St. Petersburg: Poligrafuslugi Publ. (In Russian).

16. Voegelin, E. (1952) *The New Science of Politics.* Chicago: The University of Chicago Press.

дата получения: 23.03.2023 г.
дата принятия: 09.04.2023 г.
дата публикации: 30.06.2023 г.

date of receiving: 23 March 2023
date of acceptance: 09 April 2023
date of publication: 30 June 2023

ОБЗОРЫ
И РЕЦЕНЗИИ

О. Ю. Осьмухина

Opus magnum профессора Л. В. Поляковой

Рецензия на книгу: Полякова Л. В. Проза Е. И. Замятина: историософские искания художника: монография. – Тамбов: Издательский дом «Державинский», 2022. – 748 с.

Рецензия содержит краткое описание монографии известного литературоведа Ларисы Васильевны Поляковой «Проза Е. И. Замятина: историософские искания художника». Рецензент указывает, что предваряет эту монографию длительная работа по редактированию сборников трудов по творчеству Замятина «Творческое наследие Евгения Замятина: взгляд из сегодня» в 14 книгах, авторский проект и научное руководство созданием «Замятинской энциклопедии». Монография Л. В. Поляковой знаменует наступление нового рубежа в отечественных историко-литературных разысканиях, посвященных творчеству выдающегося писателя и публициста.

Ключевые слова: Е. И. Замятин, историософия, литературоведение.

Для цитирования: Осьмухина О. Ю. Opus magnum профессора Л. В. Поляковой // Art Logos (искусство слова). – 2023. – № 2. – С. 206–210. DOI 10.35231/25419803_2023_2_206

Известный отечественный литературовед Л. В. Полякова в особом представлении не нуждается. В последние, как минимум, три с лишним десятилетия, особенно после появления ее многочисленных выступлений в качестве редактора-составителя замятинских сборников¹, автора курса лекций по замятинскому творчеству и первой замятинской энциклопедии², основателя филологической регионалистики

© Осьмухина О. Ю., 2023

¹ Творческое наследие Евгения Замятина: взгляд из сегодня: в 14 кн. / под ред. Л. В. Поляковой. – Тамбов, 1994–2006.

² Полякова Л. В. Евгений Замятин в контексте оценок истории русской литературы XX века как литературной эпохи: курс лекций. – Тамбов, 2000; Замятинская энциклопедия. Лебединский контекст / автор проекта и науч. ред. Л. В. Полякова. – Тамбов; Елец, 2004.

как отдельной отрасли литературоведения¹ и автора более сотни статей, касающихся не только самых разных аспектов творчества Е. Замятина, но и методологии его изучения, её заслуженно высокая репутация одного из лучших специалистов по истории русской литературы XX века еще более укрепилась. Наглядным подтверждением этому стал выход в свет монографии «Проза Е. И. Замятина: историософские искания художника».

Изложив частично свою позицию относительно понимания историософского измерения художественной прозы, публицистики, литературно-критических и теоретических работ Е. Замятина в обширном «эпохальном» контексте в исследованиях и статьях предшествующих лет, автор выступает на этот раз с собственным целостным прочтением историософии писателя, которое позволит, как пишет Л. В. Полякова, «раздвинуть пространство оценок, укрупнить решение вопроса о творческой индивидуальности писателя с его особым представлением о закономерностях исторического движения России и человечества, о взаимоотношениях России и Европы, об “упомостигаемом” замятинском прогнозе перспектив» (с. 5). Сразу же необходимо отметить, что автору удалось представить полноценный анализ длительного процесса становления и окончательного формирования замятинской историософии. Перед нами несомненно выдающееся исследование, которое оказывается и подлинным *opus magnum* для профессора Л. В. Поляковой (ибо подводит итоги её многолетнего осмысления «феномена Замятина»), и со всей очевидностью знаменует наступление нового рубежа в отечественных историко-литературных разысканиях, посвященных творчеству выдающегося писателя и публициста.

Появлению книги предшествовала достаточно длительная подготовка, и это несложно увидеть тому, кто знаком с прежними работами автора. Л. В. Полякова постепенно приближалась к тому видению и пониманию историософской концепции крупнейшего русского писателя первой трети

¹ Полякова Л. В. Выбор. Страницы литературно-краеведческой критики. – Тамбов, 1996; Полякова Л. В. Литературная жизнь Тамбовского края XVII–XXI веков. Компендиум (Краткое изложение авторского курса лекций). – Тамбов, 2004; Дорожкина В. Т., Полякова Л. В. Литературная жизнь Тамбовского края XVII–XXI веков. Справочник. – Тамбов, 2006; Полякова Л. В. Тамбовская магистраль русской литературы. – Тамбов, 2011; Полякова Л. В. Русская литература. Индивидуально-творческий колорит. – Тамбов, 2012; Полякова Л. В. Филологическая регионалистика как наука // Вопросы литературы. – 2015. – № 3. – С. 186–201.

XX в., которое и нашло отражение в рецензируемом труде: от определения проблемно-тематического поля исследования, в котором демонстрируется глубинное знание трудов «славянофилов» и «западников», Н. Бердяева и К. Ясперса, О. Шпенглера и современных историософов (с. 8–230), через анализ рассказа «Один», повестей «Уездное», «На куличках» (с. 241–281), романа «Мы» (с. 315–399) и рассказов 1920–30-х гг. (с. 400–487) к «скифскому» сюжету русской литературы, отчетливо рисующей подлинную апологию Атиллы в замятинском творчестве (с. 488–533). Безусловно, здесь легко разглядеть пристрастие проф. Л. В. Поляковой к определенному проблемно-тематическому комплексу: теория и методология изучения замятинского творчества и вскрытие «болевых» точек и лагун в его осмыслении (гл. «Проблемно-теоретический и тематический каркас исследования»), дискурсивное пространство развертывания идеи «скифства» (гл. «Скифский сюжет русской литературы XX века. Роман “Бич Божий”»), проблеме «литература и история» с одним из важнейших ее модусов перенесения отношения реального и символического из сферы истории в область воображаемого. При этом, подчеркнем, что теоретик и методолог вполне органично «уживаются» с историком литературы: Л. В. Поляковой удалось соединить свои усилия и до какой-то степени «раствориться» в единстве диалогического синтеза личного и одновременно непротиворечивого исследовательского подхода, когда сама логика работы обусловила и ее композиционные особенности: идя по достаточно нетрадиционному пути воссоздания образа Замятина-историософа (историка-мыслителя, историка-философа), автор книги не просто демонстрирует процесс становления его историософской концепции, но убедительно показывает ее воплощение и в теоретико-литературных работах, и в публицистике, и в художественных произведениях.

Финалом любого научного исследования, как правило, становится заключение. В книге Л. В. Поляковой заключения в традиционном – академическом – смысле нет: финальная часть носит заглавие «Эпилоговая». Подобная «незавершенность» производит двойственное впечатление: с одной стороны, она закономерна и свидетельствует, видимо, о возможности продолжения «диалога» об эпохе первой

трети XX столетия, поскольку именно в «эпилоговой» части Л. В. Полякова блестяще резюмирует и «набор» принципиальных в построении собственной картины мира категорий для Замятина (категория времени, вопросы «пространства времени» и др.), и определяет ту степень влияния, которое многогранное, богатейшее и разнообразнейшее наследие писателя (прежде всего его историософские искания) оказало на современников. Однако, с другой стороны, заключение, где были бы еще раз четко проговорены важнейшие концептуальные положения, представленные в каждой из частей, книге необходимо, причем не столько автору или же специалистам по творчеству Е. Замятина, сколько начинающим или же занимающимся проблематикой смежной исследователям.

В целом, блистательное знание и тонкое понимание историко-литературных и шире – культурных и исторических – процессов дало Л. В. Поляковой возможность не только проникать в мельчайшие детали биографической, творческой и историософской концепции большого художника, но и проиллюстрировать свою гипотезу наиболее выразительными цитатами из художественных и публицистических текстов, эпистолографии, дневниковых и мемуарных записей (некоторые, кстати, впервые вводятся ею в научный оборот), и можно с уверенностью заключить, что отечественное литературоведение пополнилось еще одним серьезным и глубоким исследованием.

Olga Yu. Osmukhina

Opus magnum by Professor L. V. Polyakova

Book review: Polyakova, L. V. (2022) Prose of E. I. Zamyatin: The Artist's Historiosophical Quest. Tambov: Publishing house "Derzhavinsky".

The review contains a brief description of the monograph by the famous literary critic Larisa Vasilievna Polyakova "Prose of E. I. Zamyatin: the artist's historiosophical quest". The reviewer points out that this monograph is preceded by a lengthy work on editing collections of works on Zamyatin's work "The creative heritage of Evgeny Zamyatin: a view from today" in 14 books, an author's project and scientific guidance on the creation of the Zamyatin Encyclopedia. The monograph by L. V. Polyakova marks the onset of a new frontier in domestic historical and literary investigations dedicated to the work of an outstanding writer and publicist.

Key words: E. I. Zamyatin, historiosophy, literary criticism.

For citation: Osmukhina, O. Yu. (2023) Opus magnum professora L. V. Polyakovej [Opus magnum by Professor L. V. Polyakova]. *Art Logos – The Art of Word*. No. 2. Pp. 206–210. (In Russian). DOI 10.35231/25419803_2023_2_206

дата получения: 13.03.2023 г.
дата принятия: 24.03.2023 г.
дата публикации: 30.06.2023 г.

date of receiving: 13 March 2023
date of acceptance: 24 March 2023
date of publication: 30 June 2023

Н. К. Данилова

Литература и литературная политика сегодня

Рецензия на книгу: Афлатуни С. Как убить литературу. Очерки о литературной полемике и литературе начала 21 века. – М.: ЭКСМО, 2021. – 352 с.

Статья представляет собой краткий отзыв о книге Е. Абдуллаева (Сухбата Афлатуни), посвящённой современной литературе, прозе и поэзии, языку литературы, литературной критике, издательскому делу, премиям и читательской аудитории. Книга состоит из критических статей, опубликованных на протяжении последнего десятилетия. Автор даёт толкование литературной политики и её разновидностей. Характеризует современный литературный процесс, называет главные его проблемы, обрисовывает новые явления, а также негативные тенденции, способные, по его мнению, «убить» литературу.

Ключевые слова: Сухбат Афлатуни, современный литературный процесс, литературная критика.

Для цитирования: Данилова Н. К. Литература и литературная политика сегодня // Art Logos (искусство слова). – 2023. – № 2. – С. 211–218. DOI 10.35231/25419803_2023_2_211

В 2021 году в издательстве «ЭКСМО» вышла книга критика Е. Абдуллаева (Сухбата Афлатуни) с интригующим названием: «Как убить литературу». Читательский опыт подсказывает нам, что речь пойдёт как раз о противоположном: литература жива несмотря ни на что. Как она выживает в современном мире вопреки всем негативным тенденциям? Временные рамки исследования – последнее десятилетие. Здесь представлены уже опубликованные ранее статьи, они сведены воедино и дополнены примечаниями. Речь в них идёт

о литературной политике: о политике государства, о политике внутри самой литературы и о том, как политика отражается в литературе. Кроме того, Афлатуни интересуется собственно художественное творчество: проза и поэзия, язык литературы, судьба литературных журналов и объединений, Интернет и литература.

Автор начинает с ироничных, впрочем, не новых сетований о том, что книги критиков не обеспечивают расходов, затраченных на их изготовление. (Далее нечто похожее будет сказано о писательском труде). Тем не менее, утверждает он, критика живёт, издаётся и даже завоёвывает читателей.

Размышляя о современном литературном процессе, Афлатуни отмечает множество любопытных деталей. Так, например, ставится нетривиальный вопрос о национальном составе героев современного русского романа, точнее, о том, что этот состав не соответствует реальному положению вещей: достаточно посмотреть на улицы российских городов. Автор считает, что нет интереса к этническому другому. Отдельные примеры можно найти в массовой литературе, «высокая» блюдет свою внеэтническую чистоту. Далее упоминается детская литература (в том числе, литература для подростков), отмечен интерес к производственному роману, очевидно вызванный индустриальной ностальгией. Статья «Классики и современники» начинается грустной констатацией: переход из современников в классики закрыт. Последние русские классики – писатели 1960–70-х годов. Классика надёжна и привычна, современная литература – нет. На классику есть запрос в обществе. Возразим, однако: время покажет, насколько закрыт переход в классики.

Затем речь идёт о начавшемся в 1990-е годы падении «толстых» журналов, они не окупаются. Это одна из негативных тенденций, влияющих на современную литературу. Возникает вопрос о коммерческой составляющей журнальной деятельности. Нужно ли к ней стремиться? Заниматься бизнесом или искать меценатов? Ответов на эти вопросы у критика, понятно, нет.

Характеризуя нынешние писательские баталии, критик задумывается о писательских союзах вообще и о Союзе писателей СССР, в частности. Приходит к неутешительному выводу: всё наиболее заметное в литературной жизни последних де-

ятилетий не было связано с писательскими союзами. Автор допускает, что, возможно, нужны не союзы, а писательские профсоюзы для решения насущных проблем.

Определен парадокс нынешнего литературного процесса: кризисное его состояние, читательская аудитория сужается, а интерес к литературе и к писательским курсам растёт. С. Афлатуни считает благом такие занятия (обучение писательству) и верит, что они смогут что-то изменить в картине сегодняшней литературной жизни. Но тут же признаёт: писатели на курсах не рождаются, какой бы звёздный состав там ни преподавал.

Наиболее подробно рассмотрена литературная политика. Отмечено, что сегодня самым отчётливым её признаком является «непроявленность». Автор говорит о возникновении термина, о зарубежных аналогах, о стабилизации его в отечественном литературоведении 1930-х годов. Главным заказчиком литературной политики является государственная власть. Суть её в использовании литературы в интересах тех или иных политических сил, в утверждении официальной идеологии. С другой стороны, поле литературы способно накапливать зарождающееся в обществе недовольство и само генерировать его.

Далее речь идёт о системе поддержки литературы на Западе и её продвижении за рубежом. Затем называются отечественные фонды и премии. По мнению автора, государственная премия – некий ритуал, не более, так как власть пока не видит, в кого инвестиции вкладывать. Однако, как считает Афлатуни, последние изменения (в частности, создание Комитета по проведению Года литературы) говорят о том, что власть намерена серьёзно заняться литературной политикой. Тем не менее, долгосрочных прогнозов нет.

Затем автор переходит к характеристике премий и выражает сомнение в их способности оценивать литературные события. Согласимся, что выбор претендентов на премию «Букера» непредсказуем, а новых имён ни «Национальный бестселлер», ни «Большая книга» не выявили. Премии отразили процессы, происходившие вокруг литературы (развитие книжного рынка, распространение Интернета).

Из собственно литературных явлений внимание обращает на себя эволюция романа. Критик считает, что роман вытес-

няет другие жанры, соединяет высокую и массовую литературу. Последнее замечание весьма спорно. Такие жанры, как повесть и рассказ, занимают большое место в современном литературном процессе, более того, именно в них раньше проявляются черты новой картины мира. Далее отдельно отмечены авторы поколения «тридцатилетних», поколения, остро ощутившего исчерпанность истории в современном изводе, «будь то законопослушная западная демократия или стабильная нефтекратия местного образца».

Несколько статей посвящены современному роману. По мнению автора, в настоящее время ежегодно выходит 40–50 качественных произведений названного жанра. Афлатуни предлагает свою классификацию романа в зависимости от отношения к философской традиции: роман просвещения, исследования и отражения. Он считает, что в русской литературе XIX века сформировались первые два. В 1960–е годы, по мнению критика, наступил кризис жанра. Сегодняшний роман характеризуется так: преобладание действия над мыслью, относительность истины, ценность любого опыта, размытость этических категорий. Впрочем, названные качества относятся не столько к роману, сколько к постмодернизму. Современный роман нельзя полностью отнести к философским, но генетическая связь с философией сохраняется. Неизменной остаётся востребованность жанра у читателей.

В следующих статьях начинаются собственно размышления о том, как «убить литературу». По мнению автора, при всем внешнем благополучии, можно отметить ряд факторов, способных погубить литературу. Это, в первую очередь, явная проблема с деньгами, не случайно, редакции журналов перебираются из центра на окраины, стареет штат сотрудников редколлегий, сужается читательская аудитория, происходит маргинализация литературы. Оставаясь русской по языку и темам, она превращается в эмигрантскую. Афлатуни считает, что экономия на современной серьезной литературе делает страну уязвимой. При этом важен не идеологический контент и взгляды отдельных писателей, а само наличие активно действующего сегмента некоммерческой литературы. Делается традиционный вывод о том, что нужна поддержка, фонды, льготы...

Очевидно, другой бедой современности, ведущей литературу к гибели, является наплыв дилетантов. Явление не новое, ему можно найти параллели в предыдущих эпохах. Необходим жесткий опыт профессионализации. Без этого литература будет побеждена. Обучение легче проходят прозаики, чем поэты.

Ещё одна характеристика современного литературного процесса: поздний дебют, авторы начинают творить в солидном возрасте. За этим идёт замедление смены поколений, тем, обновление жанров. Другое следствие – старение героя.

Вновь поставлена проблема: к какой литературе относится творчество автора, проживающего за пределами своего отечества. Общий критерий оценки – язык, на котором создаётся произведение. Но есть и много противников этой точки зрения (принадлежу к культуре страны, в которой сейчас проживаю). Эта проблема влечёт за собой другую: национальные литературы «обанглюязычиваются», чтобы быть востребованными у широкой аудитории. Так проявляется глобализация. Автор затрудняется сказать, стоит ли печалиться по этому поводу.

Своеобразный симптом «умирания» литературы – закрытие толстых журналов. Это не проблема для авторов, сейчас печататься могут все, в том числе в Интернете. Другое дело – как редактируются эти тексты, поэтические сборники. На такой основе невозможен серьёзный литературный проект. Функцию коммуникации пишущих с читателями раньше выполняли фестивали, а теперь – соцсети.

Затем автор задаётся вопросом: откуда берутся поэты, как происходит их становление. Заявив, что всё начинается с чтения стихов, с того, как обучают пониманию поэзии в школе. Выделяются периоды «классического» образования, они и дали большее число поэтов, и «практического», не давшие поэтов. К последним относится и сегодняшнее образование, в котором поэтический текст становится избыточным.

Следующий нетривиальный вопрос: поэт – профессия? В официальном классификаторе такой профессии нет. Отмеченное увеличение числа поэтов при уменьшении числа читателей приводит к парадоксальному итогу – размыванию поэтической профессии. И ещё одна печаль – усыхание поэтической критики.

Пожалуй, одно из самых интересных размышлений в книге – это анализ языка поэзии, его противостояния языку

СМИ. Язык СМИ усредненный, язык поэзии возникает как акт сопротивления ему, в нём слово живо и полифонично. В XIX веке поэтическое слово противостояло языку газет, в начале 20-го – языку радио, в 1960-е – языку телевидения. Последняя экспансия медийного языка связана с Интернетом. Средством борьбы с информационным шумом наш автор называет тишину. Тишина современной поэзии – работа со словом в его внешней неброскости, негромкости.

Грустный вопрос: кому нужна современная поэзия? По статистике, её читают реже, чем литературу по домашнему хозяйству. Но что читают? Классику? Современных авторов? Стихи из Интернета? Во многом благодаря Интернету современная поэзия доходит до читателя. Стихи в Интернете названы молодёжным фольклорным «стихописанием». Есть ли те, кому нужна другая, настоящая поэзия? Афлатуни считает, что есть, но этот круг сужается.

Ещё один предмет внимания – стирание границ между взрослой и подростковой литературой. Приводятся разные причины: попытка расширить читательскую аудиторию, размывание водораздела между взрослыми и подростками. Поэтому нет серьёзного конфликта поколений, есть лишь непонимание. Может быть, конфликт принял другие формы? Современным явлением названа селфи-проза. Она походит на дневниковую, но дневник – интимнейший жанр, он создаётся для себя. Селфи-проза нацелена на моментальный отклик. Перечислены известные её авторы (А. Пермяков, О. Павлов, Е. Никитин). Толстые журналы такую прозу берут неохотно – это тоже своего рода оценка.

Далее следует попытка подвести итоги 2010-х годов. Первым итогом значится бракоразводный процесс литературы и государства. Государство не видит в литературе силы воздействия на массы. Также он выразился в потере места толстых журналов в литературном процессе. Раньше через них лежал путь к читателю, теперь – в обход их. Следующее наблюдение: изменился стиль литературной критики, она стала более новостной, появилась критика сетевая. А читателей, очевидно, будет всё меньше. С названными проблемами напрямую связана судьба книжных магазинов. Их количество сократилось до показателей середины позапрошлого века.

Кто может претендовать на звание поэта десятилетия? Приводится десяток имён известных современных авторов, при этом высказывается невесёлая мысль, что читательская оптика сместилась с поэтов (с имён) на стихи. Тенденция подкрепилась проектом создания журнала анонимных авторов, а также утратой интереса критиков собственно к фигуре поэта.

В современном обществе, перенасыщенном информацией, плохо уживаются привычные писательские и читательские ожидания. Ожидания, впрочем, очень разнятся, потому что общество разделено на мелкие группы. Объединение возможно при наличии серьёзных угроз. (Обратим внимание: замечание сделано два года назад. Сегодня мы видим, что ситуация уже изменилась. Что с литературой?). Повторив мысль о том, что серьёзная литература публикуется в толстых журналах, а массовая выкладывается на интернет-порталах, Сухбат Афлатуни подходит к главному обнадеживающему выводу. Суть его такова: у нас сегодня замечательная, яркая и свежая литература, хорошая, сильная критика, прекрасные журналы. Как видим, вывод противоположен броскому названию.

За два года, прошедшие с момента публикации книги, поменялась ситуация в обществе, меняется литература, тем не менее хочется верить, что этот оптимистический вывод не станет достоянием прошлого.

Natalia K. Danilova

Literature and Literary Politics Today

Book review: Aflatuni, S. (2021) How to Kill Literature. Essays on Literary Controversy and Literature of the Early 21st Century. Moscow: Eksmo.

The article is a brief review of the book by E. Abdullayev (Sukhbat Aflatuni), dedicated to modern literature, prose and poetry, the language of literature, literary criticism, publishing, awards and readership. The book consists of critical articles published over the past

decade. The author gives an interpretation of literary politics and its varieties. He characterizes the modern literary process, names its main problems, outlines new phenomena, as well as negative trends that, in his opinion, can “kill” literature.

Key words: Subhat Aflatuni, modern literary process, literary criticism.

For citation: Danilova, N. K. (2023) Literatura i literaturnaya politika segodnya [Literature and Literary Politics Today]. *Art Logos – The Art of Word*. No. 2. Pp. 211–218. (In Russian). DOI 10.35231/25419803_2023_2_211

дата получения: 11.01.2023 г.
дата принятия: 22.01.2023 г.
дата публикации: 30.06.2023 г.

date of receiving: 11 January 2023
date of acceptance: 22 January 2023
date of publication: 30 June 2023

Сведения об авторах

Данилова Наталья Кузьминична, научный сотрудник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина кандидат филологических наук, доцент (Российская Федерация, Санкт-Петербург);
e-mail: natali-danilov@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0001-9739-5624

Жиркова Марина Анатольевна, доцент Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина кандидат филологических наук, доцент (Российская Федерация, Санкт-Петербург);
e-mail: manp@mail.ru; ORCID ID: 0000-0003-4107-6944

Капустина Ольга Владимировна, заместитель начальника отдела организации заблаговременной работы Отделения Фонда социального и пенсионного страхования Российской Федерации по Владимирской области кандидат исторических наук (Российская Федерация, г. Владимир);
e-mail: olga.kapustina209@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0002-3473-5916

Карпачёва Татьяна Сергеевна, доцент Московского городского педагогического университета кандидат филологических наук, доцент (Российская Федерация, Москва);
e-mail: Tatiana-karpacheva@yandex.ru

Кацюба Лариса Борисовна, доцент Российского университета дружбы народов кандидат филологических наук, доцент (Российская Федерация, Москва);
e-mail: larrakatz@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0001-7427-642X

Ковтун Ирина Николаевна, старший преподаватель Севастопольского государственного университета (Российская Федерация, г. Севастополь);
e-mail: ren-g2v@mail.ru

Кознова Наталья Николаевна, профессор Санкт-Петербургского государственного университета промышленных технологий и дизайна доктор филологических наук, доцент (Российская Федерация, Санкт-Петербург);
e-mail: nkoznova@mail.ru; ORCID ID: 0000-0002-1459-0182

Колесникова Елена Ивановна, ведущий научный сотрудник Отдела новейшей литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН доктор филологических наук (Российская Федерация, Санкт-Петербург);
e-mail: ekolesn@mail.ru; ORCID 0000-0002-4441-565X

Корнийук Дарья Дмитриевна, студент Севастопольского государственного университета (Российская Федерация, г. Севастополь);
e-mail: korniyuk02@mail.ru

Лебедева Татьяна Евгеньевна, заведующий кафедрой русского языка и филологического образования Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина кандидат филологических наук, доцент (Российская Федерация, Санкт-Петербург);
e-mail: t.lebedeva@lengu.ru; ORCID ID: 0000-0002-2837-8385

Меркушов Станислав Фёдорович, доцент Московского государственного педагогического университета кандидат филологических наук (Российская Федерация, Москва);
e-mail: stas2305@gmail.com; ORCID ID: 0000-0002-1447-3584

Моря Лилия Анатольевна, доцент Севастопольского государственного университета кандидат филологических наук (Российская Федерация, г. Севастополь);
e-mail: l.a.morja@sevsu.ru

Осмухина Ольга Юрьевна, заведующий кафедрой русской и зарубежной литературы Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева доктор филологических наук, профессор (Российская Федерация, г. Саранск);
e-mail: osmukhina@inbox.ru; ORCID ID: 0000-0002-1456-4793

Похаленков Олег Евгеньевич, профессор Калужского государственного университета им. К. Э. Циолковского доктор филологических наук, доцент (Российская Федерация, г. Калуга);
e-mail: PohalencovOE@tksu.ru

Семёнов Антон Олегович, бакалавр Калужского государственного университета им. К. Э. Циолковского (Российская Федерация, г. Калуга);
e-mail: semjonovao@studklg.ru

Турко Ульяна Игоревна, доцент Елецкого государственного университета им. И. А. Бунина кандидат филологических наук, доцент (Российская Федерация, г. Елец);
e-mail: selishchevskaya@mail.ru; ORCID ID: 0000-0001-8604-0457

Цицкун Виолетта Владимировна, старший преподаватель Севастопольского государственного университета (Российская Федерация, г. Севастополь);
e-mail: vivlteacher69@gmail.com; ORCID ID: 0009-0009-9138-0101

Цуканова Ирина Владимировна, доцент Высшей школы печати и медиатехнологий Санкт-Петербургского государственного университета промышленных технологий и дизайна кандидат философских наук (Российская Федерация, Санкт-Петербург);
e-mail: tsukanov_1975@inbox.ru

Ягин Егор Игоревич, преподаватель Академии реставрации и дизайна (Российская Федерация, Санкт-Петербург);
e-mail: egorygin@gmail.com; ORCID ID: 0000-0003-4570-9788

About Authors

Danilova Natalya K., Researcher, Pushkin Leningrad State University, PhD of Philology (Russian Federation, St. Petersburg);
e-mail: natali-danilov@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0001-9739-5624

Kapustina Olga V., Deputy Head of the Department for Organization of Advance Work of the Department of the Social and Pension Insurance Fund of the Russian Federation in the Vladimir Region, PhD of History (Russian Federation, Vladimir);
e-mail: olga.kapustina209@yandex.ru ORCID ID: 0000-0002-3473-5916

Karpacheva Tatiana S., Associate Professor, Moscow City University, PhD of Philology (Russian Federation, Moscow);
e-mail: Tatiana-karpacheva@yandex.ru

Katsyuba Larisa B., Associate Professor, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), PhD of Philology (Russian Federation, Moscow);
e-mail: larrakatz@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0001-7427-642X

Kolesnikova Elena I., Leading Researcher, Department of Contemporary Literature, Institute of Russian Literature (Pushkin House) RAS, Doctor of Philology (Russian Federation, St. Petersburg);
e-mail: ekolesn@mail.ru; ORCHID 0000-0002-4441-565X

Koznova Natalia N., Professor, Saint-Petersburg State University of Industrial Technologies and Design, Higher School of Printing and Media Technologies, Doctor of Philology (Russian Federation, St. Petersburg);
e-mail: nkoznova@mail.ru; ORCHID ID: 0000-0002-1459-0182

Korniiuk Daria D., Student Sevastopol State University (Russian Federation, Sevastopol);
e-mail: korniyuk02@mail.ru

Kovtun Irina N., Senior Lecturer, Sevastopol State University (Russian Federation, Sevastopol);
e-mail: ren-g2v@mail.ru

Lebedeva Tatiana E., Head of the Department, Pushkin Leningrad State University, PhD of Philology (Russian Federation, St. Petersburg);
e-mail: t.lebedeva@lengu.ru; ORCHID ID: 0000-0002-2837-8385

Merkushov Stanislav F., Associate Professor, Moscow Pedagogical State University, PhD of Philology (Russian Federation, Moscow);
e-mail: stas2305@gmail.com; ORCID ID: 0000-0002-1447-3584

Morya Lilia A., Associate Professor, Sevastopol State University, PhD of Philology (Russian Federation, Sevastopol);
e-mail: vivlteacher69@gmail.com

Osmukhina Olga Yu., Head of the Department, National Research Mordovia State University, Doctor of Philology (Russian Federation, Searansk);
e-mail: osmukhina@inbox.ru; ORCID ID: 0000-0002-1456-4793

Pokhalenkov Oleg E., Professor, Kaluga State University n.a. K. E. Tsiolkovsky, Doctor of Philology (Russian Federation, Kaluga);
e-mail: PohalnikovOE@tksu.ru; ORCID ID: 0000-0002-1573-2728

Semyonov Anton O., Bachelor, Kaluga State University n.a. K. E. Tsiolkovsky (Russian Federation, Kaluga);
e-mail: semjonovao@studklg.ru

Tsukanova Irina V., Associate Professor, St. Petersburg State University of Industrial Technologies and Design, Higher School of Printing and Media Technologies, PhD of Philosophy (Russian Federation, St. Petersburg);
e-mail: tsukanov_1975@inbox.ru

Tsytskun Violetta V., Lecturer, Sevastopol State University (Russian Federation, Sevastopol);
e-mail: vivlteacher69@gmail.com; ORCID ID: 0009-0009-9138-0101

Turko Ulyana I., Associate Professor, Bunin Yelets State University, PhD of Philology (Russian Federation, Yelets);
e-mail: selishchevsкая@mail.ru; ORCID ID: 0000-0001-8604-0457

Zhirkova Marina A., Associate Professor, Pushkin Leningrad State University, PhD of Philology (Russian Federation, St. Petersburg);
e-mail: manp@mail.ru; ORCID ID: 0000-0003-4107-6944

Yagin Egor I., Lecturer, Academy of Restoration and Design (Russian Federation, St. Petersburg);
e-mail: egorygin@gmail.com; ORCID ID: 0000-0003-4570-9788

Для заметок

научный журнал

Art Logos

(искусство слова)

№ 2 (23)
2023

Редактор **Т. В. Мальцева**
Технический редактор **Е. И. Ягин**
Оригинал-макет и обложка **Е. И. Ягин**

Подписано в печать 30.06.2023. Формат 60x84 1/16.
Гарнитуры Jost, Loga. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 14. Тираж 500 экз. (первый завод – 50 экз.)
Заказ № 1878

Адрес учредителя, издателя
196605, Россия, Санкт-Петербург,
г. Пушкин, Петербургское шоссе, д. 10.
тел. +7(812) 466-65-58 <http://lengu.ru/>
e-mail: pushkin@lengu.ru

Адрес редакции
196605, Россия, Санкт-Петербург,
г. Пушкин, Петербургское шоссе, д. 10.
тел. +7(812) 451-91-76 <http://lengu.ru/>
e-mail: art.logos@lengu.ru